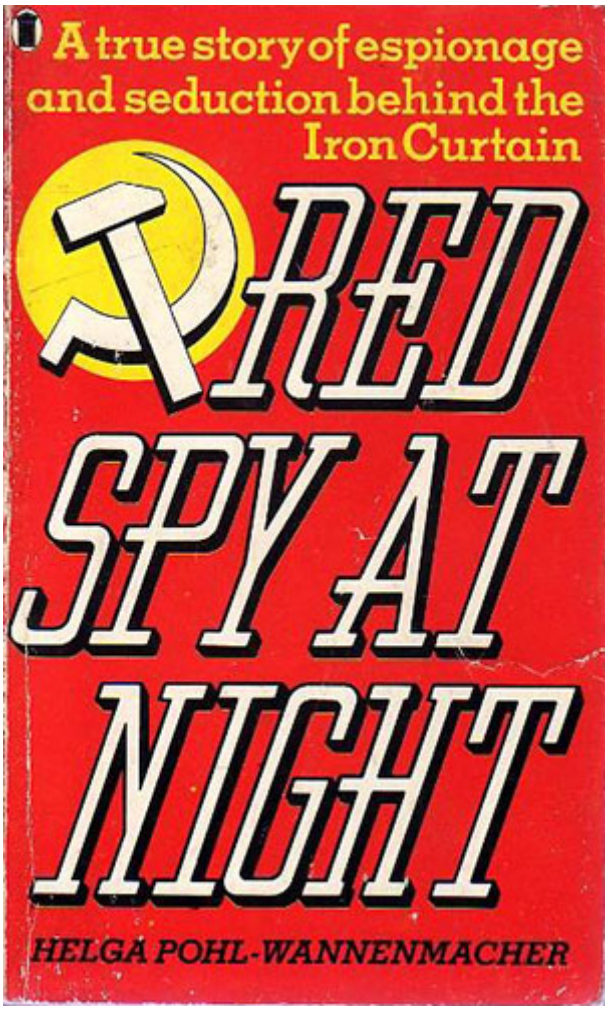
Хельга Поль-Ванненмахер

КРАСНАЯ ШПИОНКА В НОЧИ

Правдивая история о шпионаже и соблазнении за Железным занавесом



Перевод с немецкого на английский язык: Рена Уилсон.

Впервые книга была издана в Великобритании издательством Leo Cooper Ltd. в 1977 году.

Перевод с английского: Виталий Крюков, Киев, Украина, 2018 г.

Оригинал: Helga Pohl-Wannenmacher. Red Spy at Night. A true story of espionage and seduction behind the Iron Curtain. NEL Paperback Edition, London, 1977.

О книге: В возрасте восемнадцати лет немка Хельга Ванненмахер была брошена в почти невероятный ужас русских каторжных лагерей. Ее описание того, что она вынесла, не стало менее душераздирающим из-за того, что такие истории рассказывались и раньше. Но рассказ Хельги отличается от других, потому что ей уже скоро довелось узнать, что не все русские мужчины – бесчувственные роботы. С помощью хорошо продуманного использования своей красоты и шарма она пережила ряд ужасающих событий, и, в конечном счете, сбежала на Запад, чтобы рассказать свою историю.

В тюрьме на Лубянке она родила сына; в Москве она была близко знакома с сыновьями Берии и Сталина; все это время она прожила безгранично опасную жизнь в том мире, где подозрение было тенью каждого человека, и где не существовало никакого доверия. Ее храбрость тем более трогательна, что она рассказывает о своих приключениях со скромностью и сдержанностью. Это действительно замечательная книга по-настоящему замечательной женщины.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Конфликт лояльности
2. Нежеланные ухаживания
3. Десять лет каторжных работ
4. Опасности для начинающего аптекаря
5. Буран
6. Появление ветеринарши
7. Ночь в горах
8. Фамилия в Железной книге

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

9. Справедливый суд
10. Родовые схватки
11. Важное назначение
12. Первое задание

13. Венский вальс
14. При исполнении служебных обязанностей
15. Кроткий немец
16. Подарок на день рождения
17. «Тот ужасный остров»
18. Слезы по тирану
19. Странное возвращение домой

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

20. Сладость мести
21. Самый юный агент
22. Двойная игра
23. Последняя поездка

Эпилог

ПРОЛОГ

Лубянка! Это название известно всюду: в Москве, в Советском Союзе, во всем мире. Новая узница, следующая за надзирателем по коридору, тоже его знала. Но она не предполагала, что это печально известная тюрьма будет такой тихой, такой стерильной. Коридор был оборудован светофором, как городская улица. Когда зажигался красный свет, заключенная должна была остановиться и встать лицом к стене. Затем она должна была услышать звук шагов позади нее. Когда они пройдут, свет снова станет зеленым, и ей разрешат двигаться дальше. Заключенные никогда не должны видеть друг друга.

На ней была куртка и брюки землистого цвета, мужская солдатская форма из запасов Советской армии. Они выглядели абсурдными на женщине на ее седьмом месяце беременности. Когда ее доставили в тюрьму, тюремные служащие забрали у нее ее собственную одежду и дали ей эти ужасные вещи. После этого ее подробные сведения были внесены в Железный регистр № 2 Лубянки: Елена Кирилловна Пушкова, год рождения 1927, замужем за Андреем Сидоровым, полковником Советской армии. На протяжении всех процедур ее отправки в тюрьму она думала об Андрее и его ребенке, которого она ожидала, и ей очень хотелось есть и спать, хотя бы только ради ребенка.

Теперь, на ее пути на допрос, она выбросила из головы еду и сон и попыталась сконцентрироваться на том, что она могла бы сказать без опасности для себя, и что она не должна была говорить ни в коем случае. Она знала, что, если они

будут бить ее, она расскажет все – но они же наверняка не станут бить женщину в ее положении?

Надзиратель остановился у комнаты № 656. Над дверью горел зеленый свет. Заключенную ввели в ярко освещенную комнату, уютно оснащенную креслами, двумя диванами и полированным столом. Со стены вниз смотрел товарищ Сталин с отеческим взглядом.

Они не били ее. Они поставили перед нею еду, такую, которой она не видела в течение долгого времени – суп, жареный цыпленок, белый хлеб, черный хлеб, масло, джем, апельсины, виноград и пирог медового цвета. А в Украине был голод...

Но ей еще не разрешили поесть. Самый старший из людей КГБ подошел к ней. У него были рыжие волосы, рыжие брови, зеленые глаза, Он обратился к ней дружелюбно, как доброжелательный дядюшка.

- Дитя мое, вы все еще очень молоды, да еще и так красивы. Было бы очень жаль, если бы нам пришлось держать вас здесь долгое время.

Она ничего не сказала.

- Ну, так почему же вы не признаетесь, что работали на американцев?

- Я никогда не работала на американцев, – сказала она, и это было правдой.

- Вас поймали, когда вы пытались пересечь границу. Ни один лояльный советский гражданин не сделал бы это. Почему вы не признаетесь, что у вас была причина убежать?

- Нет, я не пыталась убежать, – сказала она, и это было ложью. Человек из КГБ мягко покачал головой и поправил поднос перед нею. Заключенная закрыла лицо руками так, чтобы не видеть еду. Но голос продолжал говорить.

- Правду, товарищ, теперь скажите нам правду!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1. Конфликт лояльности

Правду, задумалась я. С чего же мне начать? Елена Пушкова не мое имя. Я не русская. И при этом я на самом деле даже и не немка, если вспомнить о достаточно далеком прошлом. Меня зовут Хельга Ванненмахер, и пока мне не исполнилось двенадцать лет, я жила в Делятине, в Галиции, где мои родители, и бабушки и дедушки жили до меня. Мы жили в достатке; моему отцу принадлежала лесопилка, у семьи были фермы и соляная шахта, и у меня было счастливое, беззаботное детство.

Немецкое вторжение в Польшу в 1939 году быстро со всем этим покончило. Поскольку Ванненмахеры изначально приехали из Германии, моего брата Йосси и меня стали бойкотировать, даже наши друзья, с безжалостной логикой детей. Взрослые сначала страдали меньше. Служащие отца оставались ему лояльными, и действительно обращались к нему за советами – которые он не мог дать.

Позже, когда Польша была разделена между Россией и Германией, Делятин оказался в русской зоне, и наша лесопилка была объявлена общественной собственностью. Отцу запретили входить в нее; древесину и станки отправили в Россию, и так же отправили и все с ферм, что имело какую-то ценность, включая моего собственного пони. Жизнь при социализме была бы невыносима для моих родителей: решение уехать было принято за них в форме обязательной репатриации немецких подданных в Рейх.

Йосси и я были втайне скорее взволнованы этим, хотя сам переезд осуществлялся в довольно жестоких условиях. Женщин и детей отправляли на поездах, мужчин в грузовиках, и норма провоза багажа составляла двадцать пять килограммов на человека. Мать просто не могла принять тот факт, что все наше серебро и ценности будут оставлены здесь. Она провела последние несколько дней, вычищая дом сверху донизу, «на тот случай, когда мы вернемся», и когда мы, наконец, уехали, на Рождество, она заперла все так тщательно, как будто бы мы уезжали только на время, в гости.

Мать и я провели несколько беспокойных недель в репатриационном лагере сразу за линией границы, в ожидании отца и Йосси, которые должны были присоединиться к нам. Они приехали в конце февраля, и после этого ситуация стала улучшаться. Отец куда-то позвонил по телефону и скоро мы все переехали в Штрелен, небольшой город в двадцати пяти милях от Бреслау, где мы начали нашу новую жизнь.

Сначала школа стала для меня худшим испытанием, чем она была в Делятине после немецкого вторжения. Там я была «немкой»; здесь я стала «полькой». Мой немецкий язык был не очень хорош, я не могла следить за объяснениями

учителей, и учителя и ученики в одинаковой степени задирали меня. Но эта травля длилась недолго – благодаря моей врожденной способности бегать и прыгать! Как все остальные, я должна была вступить в организацию девочек Гитлерюгенда, которая тогда делала главный упор на легкую атлетику, и это было как раз той областью, в которой я могла легко затмить своих мучителей. Я скоро стала местной чемпионкой и спортивным лидером группы и о моем плохом немецком языке благополучно забыли.

В следующем году я была отобрана для участия в национальных молодежных соревнованиях в Берлине, где я победила в прыжках в длину. Сам Гитлер приехал, чтобы обратиться к нам, и я хорошо видела его с совсем близкого расстояния. Это все было чрезвычайно волнующим.

*

22 июня 1941 года Германия объявила войну Советскому Союзу, и мне приказали начать изучать русский язык. Я уже говорила на польском и украинском языках, мой немецкий язык был к тому времени довольно хороший, а переводчики были необходимы в Рейхе, который должен был расшириться до Урала. Тогда мне предложили место в специальной школе-интернате, которой управляло и которую финансировало государство. Помимо легкой атлетики и домоводства, ее тридцать пять привилегированных учениц подвергались полной политической идеологической обработке; из нас готовили элиту нацистских женщин. Дисциплина была строгой, и мы должны были упорно трудиться, но – помимо политики, которую все мы считали скучной – это было прекрасным образованием, полученным в поистине роскошной обстановке. Когда годичный курс закончился, я уже не хотела возвращаться в обычную школу. Я вступила в Красный Крест и разделяла свое время между амбулаторией в военном госпитале в Штрелене, организацией девочек Гитлерюгенда и изучением русского языка.

Осенью с Восточного фронта в отпуск приехал Йосси, в очень подавленном настроении, несмотря на его Железный крест и получение звания ефрейтора в Люфтваффе, где он начал служить, пока я уехала в школу. Он по пути домой побывал в Делятине и привез нам первые вести о массовых убийствах евреев, которые происходили по всей Польше. В лесах над лесопилкой, где мы играли в детстве, он своими глазами видел расстрел многих из наших друзей, и он не мог выбросить из своей головы этот ужас. Он не хотел никого видеть и в одиночку сидел в своей комнате, более или менее в состоянии шока. Ничто не заставило бы его вернуться в свою часть, когда его отпуск закончился, и он провел несколько дней, скрываясь на сеновале над нашими конюшнями. В конечном счете, конечно, полевая жандармерия поймала его, но благодаря нашему влиятельному другу, герру Крамму, который поговорил с кем-то, Йосси не попал под трибунал.

За следующие восемнадцать месяцев оптимизм по поводу русского фронта начал исчезать, и воздействие войны стало ощущаться даже в Штрелене. Появлялись люди, эвакуированные из разбомбленных городов; в магазинах возник дефицит товаров, а очереди становились все длиннее. В январе 1945 года Советская армия вторглась в Силезию, и, несмотря на партийные приказы всем оставаться на своих местах, беженцы побежали на запад.

Семья Ванненмахеров была среди них. У герра Крамма была собственность в Гюстене, и он пригласил нас поехать туда с ним. Это была ужасная поездка. Погода была чрезвычайно холодной, и дороги были забиты напуганными людьми и военными конвоями, пытающимися пробиться на восток. Однажды нам пришлось лежать в канаве, в то время как вражеский самолет пролетел над нами и обстрелял нас; впоследствии снег был запятнан кровью.

В Гюстене, однако, жизнь продолжалась почти как прежде. Я делала добровольную работу в госпитале, вступила в местное отделение девочек Гитлерюгенда и готовилась к спортивному дню в местном спортклубе. Несколько бомб упали на город. Поражение ощущалось в воздухе, и все знали, что война должна скоро закончиться. Официальная линия партии все еще утверждала, что до победы было рукой подать, но немцы были более реалистичными. Но это была весна, мне было почти восемнадцать лет, герр Крамм продолжал уверять меня, что я красива – и у меня была непрофессиональная тенденция влюбляться в моих пациентов в госпитале.

*

Затем пришли американцы, и война закончилась. Сначала крах Германии не особо затрагивал меня лично. Я была влюблена, как обычно, и погода была великолепной. Моя первая стычка с завоевателями произошла, когда я плавала в реке с моими подругами Гердой и Адельхайд. Мы плавали наперегонки к мосту и ныряли под ним, когда несколько американских солдат приказали нам вылезти из воды, запихнули нас в джип, и повезли совершенно мокрых к ближайшему командному пункту. Они утверждали, что мы пытались взорвать мост, и прошло некоторое время, пока очаровательному штаб-сержанту по имени Боб Келли не удалось убедить всех в том, что мы совершенно безобидны. Когда мы были освобождены, он отвез нас к реке, чтобы собрать нашу одежду и затем отвел каждую из нас домой. Я была последней и прежде, чем он высадил меня, он спросил, мог ли бы он увидеть меня снова.

Следующим вечером он возвратился в недавно выстиранной униформе, чтобы обратиться к отцу, притворяясь, будто бы его послал его капитан, чтобы принести извинения за инцидент с мостом. После этого мой отец назвал его очень симпатичным человеком.

- Как ты можешь, Карл! Он же американец! – упрекала его мать.

- Ну и что? Нам не нужно цепляться за эти национальные предрассудки. И, кстати, среди американцев много людей немецкого происхождения.

Боб Келли не был немецкого происхождения, но он был очень методичным и часто обращался к отцу, когда приезжал на своем джипе. Как это и предполагалось, я скоро стала с нетерпением ждать этих визитов, и поняла, что широкоплечий Боб с его черными усами был намного более интересным, чем мой тогдашний парень.

- Превосходный человек, этот мистер Келли, – заметил отец, и он не возражал, когда Боб иногда гулял со мной, хотя мать не была от этого в восторге. Она полагала, что молодая девушка должна быть дома точно к семи часам вечера; но в Альслебене всегда была тетя Лиза, у которой были более либеральные взгляды, и которая была рада, если я оставалась у нее всякий раз, когда мне хотелось. Эти посещения быстро стали регулярными. Я приезжала на велосипеде на окраину города, где Боб ждал в джипе; мы оставляли велосипед в задней части машины и уходили куда-нибудь на целый день.

Герда и Адельхайд тоже жили в Альслебене, так что в случае необходимости я могла сказать тете Лизе, что осталась у них. Очень скоро это стало необходимо. Боб взял меня на вечеринку в другую часть; мы много танцевали и много пили, и когда мы уехали, было уже очень поздно. Боб был достаточно предусмотрительным, чтобы поселить меня в отель так, чтобы я не рискнула простудиться по пути назад в открытой машине. И он был достаточно внимателен, чтобы не оставить меня одну в той незнакомой комнате.

Утром я плакала с раскаянием, и Боб заверял меня: – Почему ты плачешь, дорогая? Мы поженимся, конечно, поженимся!

Он наговорил мне еще много других приятных слов, включая и то, насколько он был бы доволен тем, что у него будет немецкая жена. Он даже попросил у отца моей руки.

- Мой дорогой мистер Келли, – засмеялся отец, – ребенку только восемнадцать лет! Подождите еще один год, и тогда мы сможем поговорить об этом снова.

Боб и я должны были довольствоваться этим.

Но в те дни все оказалось совсем по-другому, нежели каждый из нас планировал. Вскоре после этой беседы Боб приехал на своем джипе намного раньше, чем обычно. Он был в неистовой спешке; американцы получали свой сектор в Берлине, а эти территории должны были отойти русским. Он просил меня убедить семью переехать в Берлин так, чтобы мы могли снова быть вместе; затем он умчался с визгом шин.

Мы обсуждали, что делать. Мы все были напуганы русскими, но мать была больна и лежала в постели. Действительно ли мы могли бы собрать все и снова сбежать? Нет, Ванненмахерам надоело бегать, и, несмотря на Боба, я не хотела ехать в Берлин одна.

И вот американцы уехали, а русские пришли. Все остались дома, теряясь в догадках о том, чего нужно было ожидать. В полночь в нашу парадную дверь постучали. Там стояла жена бургомистра с советским солдатом: Я должна был пойти в ратушу, потому что русским потребовался переводчик. Отец категорически отказался позволить мне идти, и я горько сожалела о том, что выучила русский язык. Жена бургомистра умоляла:

- Пожалуйста, подумайте об этом еще раз, герр Ванненмахер! Что мне делать? Вы же не хотите, чтобы Хельгу забрали силой?

Солдат показывал признаки нетерпения. Отец принял решение.

- Скажи ему, только при условии, что я тоже пойду с ней.

Запинаясь, я перевела. Русский кивнул совершенно спокойно.

- Да, да, – сказал он, – давай, давай!

Это означало «быстро», и это был первый раз, когда я услышала, как русский сказал это слово. Позже я это слово возненавидела.

Ратуша была переполнена людьми, и в ней стоял сильный запах русских сигарет. Офицер с двумя звездами на погонах спросил меня, говорю ли я на русском языке.

- Да, но не очень хорошо.

- Хорошо, давайте попробуем. Нам нужен большой дом для размещения штаба.

Я посоветовалась с отцом и бургомистром. Они решили предложить русским здание, которое прежде занимала окружная партийная организация. Я перевела, и офицер улыбнулся, когда он благодарил меня. Он действительно вовсе не был похож на человека, который мог бы причинить кому-то вред.

- Кстати, – сказал он, – ваш русский язык превосходен! Теперь вы можете идти. Большое спасибо.

Отец ворчал всю дорогу домой.

- Мне это не нравится, мне это совсем не нравится. Теперь они будут посылать за тобой всякий раз, когда им понадобится переводчик. Это слишком опасно.

Он сделал паузу. – Вот что я скажу! Ты поедешь в Альслебен и останешься там у тети Лизы. И никому не говори, что ты знаешь русский язык, слышишь!

Мне вполне понравилась эта идея. В Альслебене я работала в аптеке. Там почти нечего было делать, потому что запасы лекарств были давно израсходованы, и новые поставки были недостаточны. Русские, казалось, вовсе не были плохими людьми. Сталин отдал приказ, по которому любой солдат, который изнасиловал немецкую девушку, приговаривался к десяти годам каторжных работ в Сибири. И они не объявляли все общественной собственностью, как они это сделали в Делятине. Даже герру Крамму, бывшему партийному чиновнику, разрешили продолжить управлять его поместьями. Уверенная в себе, я однажды рискнула поехать домой на выходные.

Моей кобыле, которую звали Ханка, нужна была тренировка, и я решила, что не будет никакого вреда, если я поскачу на ней по сельским дорогам. Но я ошиблась. Я столкнулся с отрядом русских солдат, которые, несмотря на мои протесты, предположили, что я была богатой землевладелицей, заставили меня слезть с лошади, а затем закрыли меня и Ханку в гараже. Нас оставили там на пять часов, и затем меня привели к командиру.

Его имя было написано на двери его кабинета: Андрей Сидоров, подполковник. (В оригинале Сидров/Sidrov – прим. перев.) Я тут же узнала его; это был тот же офицер, для которого я переводила в ратуше.

- Какая приятная неожиданность, – улыбнулся он. – Где же вы прятались? Мы искали вас много недель.

- Что вам от меня нужно? – я чувствовала себя достаточно смелой, чтобы спросить его. – И что вы собираетесь сделать с моей лошадью? Вы же не забьете ее на мясо, правда?

- Забить вашу лошадь? За кого вы нас принимаете? У нас достаточно мяса. Вы, должно быть, растянули вашу ногу. Между прочим, вы ели?

Я должна была признаться, что была очень голодна. Дневальный принес еду – селедку с водкой, в сопровождении жареной говядины и овощей. Это была моя первая русская трапеза, и она была действительно очень хорошей, но я спешила вернуться домой и не доела до конца.

Комендант приказал вызвать автомобиль, и сам отвез меня назад. Позже солдат привел только что почищенную Ханку. На следующий день комендант нанес моему отцу официальный визит, чтобы спросить, смогу ли я работать переводчицей в штабе. Отец нахмурился.

- Подумайте об этом, – предложил русский, – а я еще раз спрошу вас об этом завтра.

Затем он уехал.

Он произвел хорошее впечатление. – Удивительно приятные манеры, – сказал отец. – Это как раз показывает, что и среди русских тоже есть люди.

Вопрос обсуждался всей семьей. Герр Крамм советовал нам принять предложение; он мог видеть в этой работе определенные преимущества.

- Как переводчица, – сказал он, – этот ребенок будет иметь больше влияния на коменданта, чем кто-либо другой.

На следующий день отец дал свое согласие.

Герр Крамм был совершенно прав. Я скоро стала известной и влиятельной личностью в Гюстене. Полковник Сидоров был энергичным человеком, работа которого состояла в том, чтобы создать порядок из хаоса, оставленного войной. Магазины были вновь открыты, фабрики снова начали работать, даже местная политика опять начала процветать. И не было ни одного заявления, которое я не переводила бы и не отдавала бы коменданту; не было ни одного просителя, который не говорил бы сначала со мной, касался ли вопрос разрешения на поездку или запроса о военнопленном. На публике я всегда была рядом с комендантом. Он называл меня «Еленой», потому что мое второе имя – Хелен, а имя Хельга русским слишком трудно произносить. Я называла его «товарищ комендант».

В конце концов, Боб услышал о том, что происходило. Однажды во второй половине дня он появился у здания штаба в своей безупречной униформе с нагрудными карманами, набитыми сигаретами «Лаки Страйк» и конфетами. Он поцеловал меня, чрезвычайно удивленный.

- Дорогая, я думал, что вы боитесь русских!

- О, они не настолько плохи, – торопливо уверила я его. – Я думаю, что это все была пропаганда. И комендант действительно очень хорош!

Американский штаб-сержант и русский подполковник быстро понравились друг другу. Мне разрешили пригласить их обоих домой, чтобы провести вечер, и мы весело отпраздновали эту встречу с водкой и виски. Когда Боб уезжал, он обнял командира и поцеловал его в обе щеки по русской традиции. У двери он прошептал мне: – Они точно такие же как мы, не так ли?

ГЛАВА 2

Нежеланные ухаживания

Но одно важное различие все же было. У русских был офицер безопасности, а у американцев его не было. В Гюстене таким офицером безопасности был майор Ящук.

(Имеется в виду военная контрразведка СМЕРШ. – прим. перев.)

В штабе он никому не нравился, потому что его работа состояла, главным образом, в шпионаже за всеми остальными. Ящук работал в тесном сотрудничестве с немецкими коммунистами; однажды вечером я увидела список, который он положил на стол коменданта:

«Следующие лица, как известно, являются опасными фашистами, милитаристами или подрывными элементами, и рекомендуются для высылки в СССР».

Под этой зловещей рубрикой были перечислены пятнадцать имен и адресов, и я знала трех из них, двух мужчин и одну женщину. Они были хорошими, безвредными гражданами, которые и мухи не обидят. Я запомнила имена и рассказала моему отцу об этом. Он ничего не сказал. Два дня спустя в Гюстене стало известно, что в течение суток двенадцать человек были арестованы и вывезены. Трое других убежали на Запад незадолго до этого.

Я испытала чувство тайного триумфа. Можно было помочь людям избежать беды, если работаешь в штабе! Я едва могла дождаться шанса сделать это снова. Я больше не боялась русских, не боялась даже майора Ящука. Будучи так близко к коменданту, я чувствовала себя в безопасности; он был настоящим джентльменом. Мне он понравился, и я хорошо знала, что я ему тоже понравилась.

К сожалению, майор Ящук, как оказалось, тоже положил на меня глаз. Я не могла вынести его, не говоря уже о его одиозной шпионской работе. Он был грубым, неотесанным и совершенно непривлекательным. Но он часто просил, чтобы я сопровождала его по служебным делам, и каждый раз, когда я отказывалась, он подмигивал и говорил: – Ну, конечно, ты лучше останешься со своим любимым комендантом, не так ли, моя дорогая?

Ящук вовсе не был так уж неправ. Я давно влюбилась бы в командира, если бы не Боб.

Однажды я не смогла увернуться от поездки с Ящуком; сам подполковник Сидоров отдал приказ об этом. Это была долгая поездка, и майор был в самом лучшем настроении. Он стал довольно экспансивным и рассказывал мне все о его родном городе на Украине и о том, какая там хорошая жизнь, насколько

уважаемым был офицер Советской армии, и о том, что после русской победы должно было настать самое лучшее время для всех советских людей.

Мы проезжали сад какого-то крестьянина, где старик собирал вишни. Ящук остановил автомобиль и купил целую корзинку. Мы уселись на обочине и ели их.

- Елена, – начал Ящук, ловко выплевывая косточки на дорогу, – Елена, ты женщина, которая хорошо вписалась бы в жизнь в Советском Союзе. Было бы жаль, если бы тебе пришлось остаться в этой стране – с ней покончено.

И затем он обнял меня и прижал меня к себе. Я ожидала что-то подобное и быстро вывернулась и вскочила. Ящук схватил меня за талию.

- В чем дело, маленькая милашка? Я не сделаю тебе ничего плохого!

Я ткнула ребром ладони его прямо в кадык, и он отпустил меня так внезапно, что я упала прямо в корзинку. Мое лучшее платье было испорчено. Когда он попытался снова обнять меня, я действительно вышла из себя и сильно ударила его по лицу. Этого, наконец, ему хватило; он отпустил меня и стал вытирать лицо. Старик в саду хихикал со злорадным удовольствием. Ящук заметил его и побелел от гнева.

- Ты еще об этом пожалеешь, сучка! – сказал он хрипло. – Пойдем, у нас есть еще дела.

Я больше не думала об этом.

*

Той осенью у коменданта были дела в Берлине, и он предложил взять меня с собой. Это был шанс увидеть Боба, и я ухватилась за эту возможность. Это посещение открыло мне глаза. Боб, как казалось, был достаточно рад видеть меня, но скоро стало ясно, что он вовсе не скучал по мне. У него была другая подружка, и наш роман – если он когда-либо был – закончился.

Комендант был полон сочувствия. Я немного выплакалась на его плече, и он поцеловал меня в лоб в отеческой манере. Затем он взял меня и купил мне подарки, и в машине, когда мы возвращались в Гюстен, он поцеловал меня снова – уже по-настоящему. Немецкий водитель видел нас в зеркале, и сразу же на всем протяжении города, мы уже занялись любовью. Но мне было наплевать. Я снова влюбилась!

Сидоров был очень корректен. Он говорил со мной о себе и своей семье, и он поощрял меня называть его Андреем, когда мы были одни, но он редко даже

целовал меня, и я чувствовала себя с ним в такой же безопасности, как я всегда себя чувствовала. Поэтому я не колебалась, когда однажды вечером он пригласил меня в свою квартиру.

Конечно, мы провели ночь вместе, но утром я не плакала. Андрей тут же сделал мне предложение.

- Я на двенадцать лет старше тебя, Елена, но я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты выйдешь за меня?

Различие в возрасте не было важно, но как полковник Советской армии мог жениться на немецкой девушке? Сталин никогда не позволил бы это.

- Я это как-то устрою, – обещал Андрей. – Так что ты скажешь, Елена?

Не успела я ответить, как в дверь постучали. – Кто это? – крикнул Андрей.

- Майор Ящук! Товарищ командир, здесь отец переводчицы. Он ищет свою дочь.

Андрей колебался только секунду. – Переводчица Елена вчера вечером осталась в доме своей тети в Альслебене.

- Простите за беспокойство, товарищ командир.

Несколько дней спустя Андрей вызвали к начальству в Потсдам. Он сказал, что одновременно попросит там разрешение на брак; и когда он вернулся, мрачный и измученный, я только предположила, что ему отказали в разрешении. Но дело обстояло гораздо хуже. Майор Ящук донес на своего командира за то, что он жил с немкой – со мной, и связался с американцем – с Бобом. Андрея отозвали в Москву, и Ящук был назначен комендантом вместо него. Мы прощались в кабинете Андрея.

- Ты будешь мне писать? – меня душили слезы.

- Нет, я боюсь, это будет невозможно.

- Но мы никогда больше не увидимся?

- О, Елена, кто знает? Я сделаю все, что могу, чтобы вернуться сюда, но это будет нелегко.

Я стояла у окна и наблюдала, как он сел в машину. Ящук проводил его наружу и отдал честь, когда автомобиль двинулся. Андрей не ответил на приветствие, и за несколько секунд человека, за которого я так отчаянно хотела выйти замуж, проглотил серый ноябрьский туман.

*

Всю ночь я плакала, и утром я заявила, что увольняюсь.

- Но это такая большая досада! – Ящук доброжелательно смотрел на меня. – Вы такая толковая переводчица. Вы не хотите передумать?

- Конечно, не хочу. И вы отлично знаете почему!

Я выбежала из штаба; я никогда больше не хотела видеть Ящука или сам город Гюстен; все здесь напоминало мне об Андрее.

Я стала работать в амбулатории больницы в Альслебене. После того, как я провела там приблизительно две недели, приехал Йосси.

- Хельга, тебе нужно немедленно вернуться домой! Отца арестовали!

Мы поторопились назад вместе, и я немедленно пошла к Ящуку, который просто излучал улыбки.

- Ой, вы только посмотрите, кто пришел! Я уж было думал, что вы сбежали на Запад.

- Из-за этого вы арестовали моего отца?

- О, это было только для того, чтобы он мог помочь нам в наших поисках. Я должен был узнать, куда вы подевались, видите ли. Вы были серьезным риском для безопасности.

Я с трудом проглотила свое отвращение и сказала Ящуку, где я работала.

- Вы можете проверить это простым телефонным звонком. Теперь вы освободите моего отца?

- Да, конечно, освобожу!

Новый комендант сладко улыбнулся. – Но я предложил бы вам вернуться, чтобы вы снова работали для нас переводчицей. Это было бы лучше для вас, лучше для нас и, поверьте мне, намного лучше для вашего отца.

Итак, у меня не оставалось никакой альтернативы, и в целом это не было так уж плохо, как я ожидала. Майор Ящук был невероятно дружелюбен и щедр. В ту зиму 1946 года повсюду в Германии не хватало продовольствия, но семья Ванненмахеров не страдала. Самой большой неожиданностью из всех было то, что Ящук больше не пытался поцеловать меня, хотя он стал абсолютным правителем Гюстена.

Немецкие коммунисты были заняты тем, что составляли списки подозреваемых фашистов, и я еще не раз запоминала имена, которые я знала, и передавала их отцу. Иногда система оповещения работала, а иногда нет, но никто не мог доказать, что я была вовлечена в это дело.

Однажды я нашла в списке имя госпожи Петцольд. Она была пожилой портнихой, которая иногда кое-что шила для меня. Сама мысль о том, что она имела какое-либо отношение к политике, была настолько нелепа, что я, не раздумывая, пошла прямо к Ящуку.

- Я могу заверить вас, товарищ комендант, что эта женщина за всю свою жизнь никогда не сделала ничего плохого!

Ящук улыбнулся и подмигнул. – Не сделала, да? Женщины, как свидетельствует мой опыт, никогда не бывают совершенно безвредными. Да вы только на себя посмотрите, например!

Я смогла не отреагировать на это. – Госпожа Петцольд даже не знает, что такое фашист!

Ящук встал и приблизился ко мне. – Правда?

- Правда, товарищ комендант!

Он положил свои отвратительные, волосатые руки на мои плечи и прижал меня к себе. Он поцеловал меня в обе щеки, и я не сопротивлялась. Затем он отпустил меня, взял карандаш и вычеркнул имя госпожи Петцольд из списка.

Однажды появилось в списке и имя, появления которого там я боялась – Отто Крамм. Я должна была спасти его. Он был таким хорошим другом нам всем – и он также был высокопоставленным должностным лицом нацистской партии. Я пошла к Ящуку и поклялась, что герр Крамм вовсе не был фашистом.

- Правда?

- Правда, товарищ комендант!

На сей раз, чтобы быть полностью уверенной, я ответила на его поцелуй.

*

Всю ту зиму продолжалась чистка «фашистских и подрывных элементов», и большая облава была запланирована на Рождество. Сто шестьдесят семей должны были быть арестованы, но, когда полиция пошла за ними, шестнадцать уже сбежали. Тогда приехал секретарь местной партийной организации, ворвался в штаб и сказал Ящуку, что это я предупредила их.

- Вы, Елена? Скажите мне правду. Вы знаете, что я все равно узнаю об этом, так или иначе.

- Я никогда никого не предупреждала, – сказала я – и это было в известной степени правдой. – Я, возможно, слишком много болтала; если так, то я прошу прощения.

Выражение лица коменданта было трудно истолковать. Он уставился на меня; затем он подошел к окну и долго всматривался в темноту, ничего не говоря. Я подумала о беде, в которой окажется мой отец, если кто-либо узнает, что это он предупредил семьи, и я невольно начала плакать. Ящук обернулся.

- Вы придете в мою квартиру сегодня вечером в восемь. Никто не должен видеть вас. Тогда мы сможем обсудить, как вытащить вас из этой неприятности.

Я пришла точно в назначенное время. Майор снял китель и открыл дверь в своих подтяжках. На столе стояли бутылка водки и два стакана. В этой квартире когда-то жил Андрей, и все в ней напоминало мне о нем.

Я не стала пить с Ящуком, так что он пил один. Он сидел, прижавшись ко мне на диване.

- Я думал о проблеме, – начал он. – Ты действительно вляпалась в серьезную беду!

Это не казалось мне подходящим ответом, потому что я знала, что он мог вытащить меня из этой беды, если бы захотел. Ведь он не был только комендантом, но также и офицером госбезопасности; к его словам прислушались бы в Потсдаме. Ящук прервал мои мысли.

- Есть один способ спасти тебя – мы должны пожениться!

Я была настолько потрясена, что могла только запинаться, – Но это невозможно, и вы это знаете! Я не русская гражданка.

Ящук засмеялся. – Для меня все возможно. Я сделаю из тебя русскую гражданку в мгновение ока.

Он повернулся, чтобы обнять меня.

- О, пожалуйста, не сейчас!

- Почему же нет, черт возьми?

Я отбилась от него, зная, что я нарушила правила, что пришло время заплатить за госпожу Петцольд, и за Отто Крамма, и еще заплатить, так сказать,

авансом за мою собственную свободу. Но в той комнате, где Андрей и я любили друг друга, я просто не могла сделать это.

Наконец Ящук встал, налил себе еще водки, зажег сигарету, и внезапно снова стал совершенно спокойным.

- Елена, никто не может обращаться со мной так, ты знаешь. Но, черт бы тебя побрал, мне это понравилось! Я думаю, что у тебя есть характер; у меня тоже есть характер. Именно поэтому мы подходим друг другу. Ты узнаешь, как хорошо мы подходим друг другу! Подумай об этом. Мы можем пожениться, и все будет прекрасно. У тебя есть целая ночь, чтобы подумать. А теперь ты можешь уйти – если хочешь.

Он проводил меня к двери. Перед тем, как я ушла, он слегка погладил мои волосы.

- Не будь глупой, девочка!

Он сказал это как настоящий друг.

ГЛАВА 3

Десять лет каторжных работ

Я все рассказала отцу, и единственное решение, о котором он мог подумать, состояло в том, что я должна была бежать в Берлин. Это была холодная ночь; я оделась в свою походную одежду, бросила несколько вещей в чемоданчик, и отправилась на своем велосипеде в Магдебург, где я могла бы сесть на поезд.

Все проходило легко, и я почти доехала до места назначения, когда вдруг передо мной остановился военный автомобиль. Из него вышли два солдата, которые потребовали у меня документы. У меня все еще было удостоверение переводчика с подписью Андрея. Русские взяли его, на минутку взглянули на него, и указали на автомобиль: – Садитесь!

Двое суток я просидела в магдебургской военной тюрьме, в одиночной камере. Никто не допрашивал меня, никто не замечал меня, за исключением того, что утром приносили кофе, а в полдень суп, и то, и другое почти одинаковое по вкусу. На третье утро в коридоре были слышны различные шаги; дверь открылась, и в мою камеру вошел майор Ящук.

- Здравствуй, Елена!

- Здравствуете, товарищ майор.

Он присел на койку. – Ты действительно думала, что это будет так легко?

Я не потрудился ответить.

- Ты ехала в Берлин, не так ли? К тому американскому парню?

Я кивнула. Тогда он повторил все свои старые угрозы и обещания.

Я только должна была выти за него замуж, и все будет прекрасно. Он сделал так, что меня перевели в удобную камеру с занавесками и хорошей кроватью, и он пришел ко мне туда в середине ночи.

- Я хочу дать тебе последний шанс, – бормотал он. – Завтра ты сможешь быть свободной; тебе решать.

Я устало покачала головой. Тогда он оказался на мне и стал срывать с меня одежду. Когда его ужасные руки коснулись моей груди, я ткнула большим пальцем в его глаз с такой силой, с какой я только могла. Он закричал от боли и швырнул меня на пол.

- Будь ты проклята, фашистская шлюха! Ты об этом пожалеешь!

С ругательствами он вышел из камеры и хлопнул дверью – и это был последний раз, когда я видела его.

Следующим утром меня доставили в потсдамскую тюрьму, где меня допрашивали каждый день в течение двух недель. Меня обвиняли в выдаче государственных тайн, в помощи и подстрекательству капиталистов и бывших фашистов к бегству на Запад, и еще в том, что я сама пыталась сбежать на Запад, и в том, что я поддерживала секретные связи с американцами. Я отрицала все обвинения много раз, но это было бесполезно. Письма Боба лежали на столе как «улики», значит, они обыскали наш дом. Они снова арестовали отца? Я никак не могла этого узнать.

10 января 1946 года, в четыре часа дня, хотя меня ни разу не приводили в суд, мне зачитали приговор.

«В соответствии со статьей 56, разделами 4, 6 и 10 Уголовного кодекса, вы, Хельга Хелен Ангелика Ванненмахер приговорены к каторжным работам в исправительно-трудовом лагере в Сибири. Там вам дадут возможность искупить вину за преступления, которые вы совершили против Советского Союза. Срок заключения: десять лет».

В мои восемнадцать лет это звучало как пожизненное заключение. Я была потрясена и ошеломлена, и в течение следующих нескольких дней я едва замечала то, что происходило со мной. В трансе страдания меня перевезли из Потсдама в Берлин и разместили в бомбоубежище, чтобы приблизительно с двадцатью другими женщинами ждать следующей стадии нашего унижения.

Рядом со мной была симпатичная девушка приблизительно моего возраста. Она сказала мне, что была танцовщицей, она приехала из Дрездена, и ее звали Бригиттой Мюллер.

- Сколько лет тебе дали? – спросила она.

- Десять.

- Это, кажется, их стандартный срок. И ты на самом деле политическая?

Я кивнула. – А ты тоже политическая?

- Я не знаю, можно ли это так назвать. Я танцевала канкан в нашем варьете.

- И что же?

- Ну, ты же знаешь канкан. В конце выступления нужно обернуться и задрать юбки, чтобы показать залу свою попу.

- И что же здесь не так?

- Ну, ты сама мне скажи! Русские в зале решили, что танец был провокационным, поэтому они арестовали меня. Меня допрашивали много дней, пока не узнали, что я иногда танцевала в американском секторе Берлина. И поэтому они обвинили меня в том, что я сотрудничала с американцами и оскорбляла советских солдат. Вот так! Десять лет в Сибири за один канкан.

Железная дверь открылась, и нам приказали двигаться в санпропускник на дезинсекцию.

- Все мы? – с негодованием спросила одна старая дама. Она была одета в шубу, и у нее были румяна на впалых щеках.

- Конечно, все вы! Мы можем обойтись без немецких клопов и вшей в Советском Союзе.

- Это невероятно! – воскликнула дама. – Неужели вы предполагаете, что у меня могут быть...

- Заткнись!

Наступила тишина. Мы все смертельно боялись надзирательницы. После дезинсекции нас привели в парикмахерскую.

- Теперь нас будут стричь.

Одна из женщин знала, к чему это все.

- Полностью? Старая дама в шубе коснулась своих вьющихся серебристых волос.

- Как бильярдные шары.

Хорошо осведомленная женщина печально засмеялась.

Я старалась держаться в конце очереди, но не было никакого спасения, и, наконец, меня втолкнули в комнату. Пол был покрыт волосами – светлыми, темными и седыми, во всех вообразимых оттенках. Мои глаза наполнились слезами.

- Сюда, сюда, – утешала женщина в белом халате, – знаете, это не больно. Сколько вам лет, милочка? Вы выглядите не больше чем на шестнадцать! И что же вы сделали?

Я рассказала ей, и она выслушала с интересом. – Десять лет, ну, в общем, это не слишком плохо.

- Вы так думаете? Мне будет двадцать восемь, когда я вернусь!

- Это еще ничего! Здесь раньше была одна, которой дали двадцать пять лет, а ей уже пятьдесят. Ей повезет, если она вообще выйдет живой.

- А вы, сколько дали вам?

- О, я не заключенная, – сказала бодро женщина. – Я гражданский персонал, так они мне говорят. Я получила эту работу в качестве компенсации.

- Компенсации за что?

- Они изнасиловали меня. Шестнадцать раз за одну ночь. Когда они пьяные, вы ничего не можете сделать, чтобы остановить их. В любом случае двое всегда держали меня. После этого я провела в больнице около трех недель. Затем приехал какой-то офицер и принес извинения, и когда меня выписали, они дали мне эту работу. Это нормально. Завтрак, обед, ужин – все бесплатно, да еще и большие порции. Вдобавок к этому они даже платят мне зарплату!

Другой цвет был добавлен к куче на полу. Наконец женщина подержала перед моими глазами зеркало, и я разрыдалась.

- Они снова отрастут, милочка, – сказала она. – Это единственное, в чем вы можете быть уверены.

Она взглянула в сторону двери, и затем дала мне листок бумаги и карандаш.

- Быстрее, напишите пару строк своим родителям. Я отправлю это для вас.

Я сообщила им, куда меня везут, и сказала, что я в порядке. Мои слезы капали на бумагу. Женщина подняла завиток моих волос, чтобы отправить его вместе с весточкой.

*

Путешествие в Сибирь заняло приблизительно два месяца. Было трудно отследить время; часто были бесконечные остановки, и наш товарный поезд иногда до недели проводил на запасном пути, пропуская более важные поезда. Вагоны для перевозки скота, в которых мы жили, были сначала невыносимо переполнены; но, как сардонически заметил один охранник: – Некоторые из вас скоро освободят место для других.

Почти половина из нас так и сделала. Первой умерла старая дама в шубе. Ее тело было выброшено в снег; ее шубу сохранили.

На всем протяжении Германии и Польши наши порции состояли из двух котелков горячей воды в день – охранники называли это «кипяток». Как только мы пересекли границу с Россией, появилась в некотором роде еда, суп из капусты. Несколько женщин умерли от этого после длительной диеты из одной воды.

Наконец, наш поезд остановился в середине пустой и неизвестной местности. Выживших выгрузили, запихнули в грузовики и в течение четырех часов везли по ледяной тундре. В сумраке мы достигли лагеря. Оцепеневшие и замерзшие, мы проковыляли через ворота в приемный барак, где наши имена были зарегистрированы, и каждому дали котелок, кружку и деревянную ложку. Затем нас повели в женскую часть лагеря.

Из-за атмосферы в бараке № 17 у нас почти перехватило дыхание. Все окна были закрыты, печь в середине мрачного помещения давала почти невероятную жару, и зловоние приблизительно семидесяти женщин ударило нас как кулаком. Они сидели или стояли вокруг, полуголые, уставившись на нас любопытными глазами. На мгновение никто не говорил. Тогда из темноты позади хижины выступило вперед какое-то действительно очень толстое существо; ее

тело было покрыто татуировками, и у нее был скрежещущий неприятный голос.

- Вы кто? Откуда вы?

Я была единственной, кто мог понять вопросы, поэтому я ответила за других. Толстая женщина усмехнулась.

- Из Германии, да? Я вижу – фашистские шлюхи!

Я начала протестовать.

- Заткнись, сука!

Татуированное чудовище подошло поближе. – Я староста, и вы должны научиться делать так, как я скажу, и немедленно. А не то вы скоро узнаете, что бывает с людьми, которые не слушаются!

Слово «староста» означало что-то вроде «старшей по бараку». Я объяснила ситуацию остальной части нашей партии, кто все еще тихо толпился у входа.

- Выстройтесь в линию там вдоль стены! – скомандовала староста. К ней теперь присоединились несколько других столь же отталкивающих женщин. – Сложите на пол свои вещи, и разденьтесь!

Немецкие заключенные повиновались. Голые, мы стояли перед старостой и ее телохранителями; мы не сопротивлялись, в то время как наше скудное имущество было разграблено; шелковые трусики, бюстгальтеры, комбинации и шубы переходили к новым хозяевам. Наконец, нам сказали снова надеть нашу одежду и найти себе нары, пока наши мучители ушли в дальний конец хижины.

- И еще одно! – закричала староста, – в эту часть барака нельзя заходить. Любой, кто войдет сюда, будет избит. Понятно?

Мы слышали, как они ссорятся из-за добычи, и затем высокий, резкий голос заставил их замолчать и отдал несколько распоряжений. Теперь староста появилась снова, ее большая грудь не помещалась в красный лифчик, который был слишком маленьким для нее. Она усмехалась от уха до уха.

Пока я устраивала свою койку, подошла одна из русских заключенных.

- Вы, правда, все политические? – прошептала она. Я кивнула. – О, как хорошо! Я тоже. Нас было только трое таких, пока вы не приехали. Теперь мы должны держаться вместе против блатных.

- Кто они?

- Профессиональные преступницы – те женщины, которые отобрали ваши вещи. Никогда не раздевайтесь ночью, или они украдут у вас все. Меня зовут Вера.

Я сказала ей свое имя, а затем спросила ее, почему нам не разрешили заходить в дальний конец барака. Вера объяснила.

- Там живет царица блатных, главная преступница. Она командует всеми другими блатными; тех, кто не повинуется ее приказам, убивают.

- Но что говорит администрация лагеря?

- Они сами ее боятся! Они даже разрешают ей иметь на ночь заключенного из мужской части, когда ей этого хочется.

Староста заметила наш разговор, и подошла, чтобы разделить нас. Вера попыталась спорить с нею.

- Почему мне нельзя говорить с ними? Они такие же политические, как и я.

Староста не ответила. Красный лифчик впивался в ее плоть, и она нетерпеливо сбросила его, снова показывая свою большую татуированную грудь. Она со всего размаху ударила кулаком Веру по лицу, бросив ее на пол. – Еще что-то хочешь сказать?

Вера, пошатываясь, поднялась на ноги. Староста ухмылялась. – В следующий раз ножиком пырну!

*

Следующие дни были заполнены медицинскими осмотрами и выдачей одежды для нашей работы в шахтах. Предметы одежды, которые нам дали, были немедленно отобраны старостой, и все, что было в хорошем состоянии, было обменено на поношенные вещи. Мы были слишком запуганы, чтобы возражать – за исключением фрау Кленце из Веймара, маленькой, проворной женщины, бывшей владелицы магазина одежды, которая чувствовала, что нужно было что-то сделать. Тайно, в немногих словах на своем плохом русском языке, она пожаловалась охране.

От лагерной администрации ничего не было слышно о жалобе, по крайней мере, в тот день.

- Завтра, – сказала фрау Кленце, – что-то обязано произойти. Я предполагаю, это должно будет сначала пройти по каналам.

Утром мы нашли ее повешенной в туалете. Они отрезали ей грудь, и ее порезанное лицо было неузнаваемо. Девушка, которая увидела ее первой, издала дикий крик, и все помчались туда, замерли, когда увидели, и тоже начали кричать. Тогда староста появилась на сцене.

- Чего вы все так кричите? Замолчите! Она повесилась, вы сами можете это видеть.

Она усмехалась. – Здесь в этом нет ничего необычного.

Вера потеряла контроль над собой и набросилась на старосту. Это был сигнал к битве – тридцать восемь немецких женщин и три русских политических заключенных против семидесяти блатных. Была бы массовая резня, если бы начальник лагеря не появился в тот момент. Он смотрел из дверного проема, пока его охранники принялись бить нас прикладами винтовок и быстро восстановили порядок. Всем, кто сопротивлялся, связали руку и ногу, и выстроили их в линию лицом к стене. Начальник лагеря затянулся своей сигаретой.

- Что здесь произошло?

Вера вышла вперед. – Пойдите и посмотрите в туалете, гражданин начальник! Вы сможете лично убедиться, что произошло!

Он прошел через барак к двери туалета и заглянул внутрь.

- Вы видите? – кричала Вера ему вслед. – Если вы ничего не сделаете, то блатные убьют нас всех!

Начальник действительно все понял, и он действовал решительно. Трое русских политических и все немки были немедленно переведены в барак № 11, который был пустым и чистым. Все мы вздохнули с облегчением. Наконец мы были среди своих, и мы не возражали против трех русских женщин – политические заключенные всегда держатся вместе во всех лагерях мира.

Всех допрашивали о смерти фрау Кленце, и мы услышали позже, что преступница была найдена и отправлена работать на кладку кирпичей.

- Они называют это наказанием? – Бригитта была оскорблена. – Я-то думала, что убийц казнят или отправляют в тюрьму пожизненно.

- Но это и так тюрьма, дорогая, – сказала Вера с горькой улыбкой. – У всех блатных все равно уже есть пожизненные заключения, так, что больше они могут дать им? Только политических преступников приговаривают к смерти.

- Так, теперь мы знаем, где мы оказались, – сказала фрау Болевски, – в тюрьме с профессиональными преступниками – и ради этого я боролась против нацистов так много лет!

Фрау Болевски из Лейпцига была коммунисткой, начиная со своей ранней юности. Она была учительницей, пока нацисты не уволили ее, но даже в темные годы Третьего рейха ее убеждения не поколебались. После победы русских она с нетерпением поспешила помочь созданию истинно социалистического государства; но ее теории коммунизма никак не совпадали со взглядами товарищей из Москвы. И поэтому они тоже избавились от нее, и она была приговорена к пятнадцати годам каторжных работ на основании сталинской статьи 56. Но даже в сибирском лагере она продолжала с усердием пророка защищать учение Маркса и Ленина, и все мы уважали ее за ее честность и прямоту. Она единогласно была избрана старостой нашего нового барака.

ГЛАВА 4

Опасности для начинающего аптекаря

Лагерь, где большинству обитателей барака № 11 суждено было погибнуть, находился в нескольких милях на восток от города Новосибирска; приблизительно 2000 мужчин и 600 женщин жили за его оградой из колючей проволоки под током. Более сильные заключенные работали в шахтах, более слабые в бригадах лесорубов, в то время как инвалиды делали разные хозяйственные работы внутри лагеря. Средняя температура зимой была приблизительно сорок градусов мороза; но, по крайней мере, в шахтах и в бараках было тепло.

Это был 1946 год, Советский Союз голодал, и Сталин правил страной железной рукой, так же, как он это делал до вторжения Гитлера. Это было мрачное время для всех. Бригитта Мюллер и я вместе работали в шахте на глубине 300 метров. Мы должны были загружать вагонетку углем и толкать ее по низкому туннелю до ленточного конвейера. Это классифицировалось как работа «средней тяжести», но вагонетка была слишком тяжела для нас, и нам никогда не удавалось достигнуть нормы, требуемой для получения хлебного пайка – поэтому мы всегда были голодными. Смена длилась с шести часов утра до шести часов вечера, с получасовым перерывом на обед и еще двумя перерывами по четверть часа каждый. Мы обычно доедали всю еду, которую мы приносили с собой, в самый первый перерыв, и затем у нас оставалось еще десять часов до получения жидкого вечернего супа. Это был замкнутый круг: мы с каждым днем становились все слабее, поэтому работали все хуже, и от этого наш паек соответственно становился еще меньше.

Нас спас от гибели бригадир Кассим Хан, татарин из Казахстана. Его внешность была немного пугающей, и с его ломаным русским он казался совсем чужим, но его сердце было мягким как масло.

- Девочки, – сказал он через один день после того, как наблюдал наши мучения, – вам нужен отдых. Вы худые, вы слабые. Вы должны есть!

И он дал нам кусок хлеба, такой же большой, как целая дневная порция. Интересно, сделал ли бы он это, рассуждали мы, если бы мы были старыми и некрасивыми? Больше недели он выручал нас, даря нам хлеб и давая дополнительные перерывы, но он тоже должен был выполнять свою норму выработки, и однажды утром он сказал нам:

- Вы, девочки, не подходите для работы в шахте, вы тут бесполезны! Идите лучше домой!

Мы едва могли поверить, что он сказал это всерьез; но всю нашу группу действительно отправили на поверхность. Группа к тому времени уменьшилась на четыре человека – одна умерла, и трое лежали с туберкулезом в больничном блоке. Кассим уведомил руководство лагеря, и с тех пор мы работали наверху с бригадой лесорубов. Это тоже было мужской работой, но это была все же более здоровая работа под открытым небом, чем глубоко в шахте, в угольной пыли, и хлебный паек был лучше. Наша работа состояла в том, чтобы с помощью веревок валить огромные дубы после того, как мужчины почти полностью перепиливали стволы. Мы, как предполагалось, должны были быстро отскакивать, когда дерево начинало падать, но женщины часто получали ранения от веток. Мой опыт работы в госпитале оказался, наконец, полезным, и я могла оказывать первую помощь. Кассим, который все еще был нашим бригадиром, прозвал меня «докторшей».

Несмотря на опасность и трудности, я была взволнована красотой этого огромного сибирского леса, и не могла сдержаться, чтобы не запеть во время работы. Эта странность, в конечном счете, стала известна начальнику лагеря, и мне приказали пойти к нему и спеть для него! Это была совсем другая манера пения, потому что мне приказали петь в его душном кабинете, перед нашим тюремщиком, его помощником, сержантом, и лагерным врачом. Я исполнила сентиментальную украинскую песню, которой они, казалось, наслаждались, и я даже нашла время, чтобы заметить, каким привлекательным был врач. Начальник лагеря, очевидно, услышал также о том, что я оказывала неотложную помощь, потому что он и доктор затем согласились с тем, что меня надо было бы перевести на работу в больничный блок.

Но когда я явилась туда, толстая женщина с грубыми чертами лица резко спросила: – Вы врач?

- Ну, нет, но...

- В таком случае вы мне не нужны.

- Но гражданин начальник...

- Я не могу использовать вас, и начальник ничего с этим не сможет поделать!

Женщина-врач махнула, чтобы я уходила.

После этого меня послали работать на кухне. Это была работа, которую все очень хотели получить, и некоторые из женщин были злы на меня из-за этого. Это правда, что главный повар иногда поглаживал мои волосы – но взамен мне разрешали тайком выносить жиры, муку, сахар и овощи. Ночами мы в бараке № 11 готовили еду на железной печке. Охранники ничего не замечали, но зато заметили блатные. Они потребовали половину украденной еды и, когда им отказали, мы были пойманы, и я вернулась в бригаду лесорубов.

Весной одну из моих подруг убило падающим деревом. О мертвых заключенных никто особо не заботился. С них снимали одежду, а их тела относили в барак-морг у забора, чтобы ждать, пока их не погрузят на грузовик, что никогда не занимало много времени. Росвита Фокке, студентка гуманитарных наук из Берлина, была любима нами всеми, и мы не могли смириться с тем, что ее голой бросят в братскую могилу. Фрау Болевски пожертвовала свою ночную рубашку как саван, и я с Бригиттой надели ее на покойницу. В качестве предосторожности мы следующей ночью снова пошли в морг, и, конечно же, ночная рубашка была украдена. Тогда женщины из барака № 11 сшили саван из бумаги и приложили несколько цветных лоскутков к нему; третьей ночью мы снова одели Росвиту. На следующий день, когда мы возвращались с работы, мы встретили грузовик, увозящий тела. Было ветрено, и ветер сдул газеты, которыми обычно накрывали их. Росвита лежала на самом верху, в бумажном саване, и цветные лоскутки пылали как цветы на похоронах.

Внезапно Бригитта начала молиться: «Отче наш…» Мы все присоединились, и охранники ждали, пока мы закончим.

В конце того же лета меня ударило толстой веткой дуба, которая сломала мне левую ногу. И тогда я снова оказалась в больничном блоке уже как пациент. Толстая женщина-врач, товарищ Варвара Коморова (так в оригинале, вероятно, Комарова – прим. перев.), поместила ногу в гипс, не вправив ее до этого, и я всю ночь пролежала с ужасной болью, беспокоясь о том, что нога срастется неправильно, и я навсегда останусь калекой. Рано утром я позвала медсестру и потребовала ножницы. Она была простой, добродушной душой, заключенной из Алма-Аты, и она с открытым от удивления ртом смотрела, как я разрезала бинт и снимала гипс, а затем накладывала сама себе на ногу шину из доски от своей деревянной койки.

- Как такое возможно? – спросила она на своем ломаном русском. – Вы доктор?

- Что-то вроде того.

У меня не было желания объяснять. – Теперь мне нужно еще немного гипса. Пойдите и приведите доктора, хорошо?

Толстая докторша была бы в ярости, но меня это не волновало; моя нога была важнее.

Но ко мне пришла не доктор Коморова, а красивый майор, которого я встретила в кабинете начальника лагеря.

- Ага, это наша соловушка, – воскликнул он бодро, и склонился над моей ногой. – О боже, вы действительно сделали это очень хорошо! Такой талант потрачен впустую на лесоповале; вы были бы намного более полезны здесь.

Я была поистине поражена его дружелюбием, и также, нужно признаться, его красивыми темными глазами и мягкими волосами. Впервые, с тех пор как уехал Андрей, почти год назад, я почувствовала волнение интереса к мужчине.

Он отвез меня в больницу в Новосибирске для рентгена, и там мою ногу правильно зафиксировали и поместили в гипс. Вернувшись в больничный блок в лагере, я видела его через день, потому что доктор Коморова и он работали посменно. Он никогда не проходил мимо моей кровати без улыбки и доброго слова, и я скоро начала любить его с застенчивой преданностью, как существо из другого мира света, теплоты и надежды.

Когда моя нога зажила, доктор Стремилов принял меры, чтобы я осталась в лаборатории как аптекарь. Это дало мне некоторую важность среди заключенных; быстро стало известно не только то, что я говорила на русском языке, но также и то, что я могла готовить лекарства и таблетки от большого количества общераспространенных болезней.

Само собой разумеется, блатные тоже узнали об этом, хотя их барак теперь был отделен от остальной части лагеря дополнительным забором из колючей проволоки. Однажды вечером, когда я выходила из больничного блока, две женщины преградили мне путь.

- Пойдем с нами, ты нам нужна!

Это был грубый голос старосты из барака № 17. Я колебалась, задаваясь вопросом, не закричать ли мне и позвать на помощь; но у старосты был нож в руке.

- Он будет у тебя в брюхе, если хоть пикнешь. Пошли!

Я проползла с ними через отверстие в проволоке. Барак № 17 был таким же, каким я помнила его, перегретый, плохо освещенный и вонючий. На сей раз, однако, меня провели в запретную заднюю часть барака. Мы остановились перед занавешенным альковом.

- Немецкая девочка здесь, – объявила староста.

- Хорошо, можно открыть.

Я узнала этот звонкий, немного резкий голос, и когда староста отодвинула занавески с мастерством церемониймейстера, я впервые увидела царицу блатных. Она была молодой, белокурой, голой за исключением черных шелковых трусиков. Она лежала на кровати с белыми простынями, и вышитой наволочкой. На полу лежал белый овчинный коврик, бутылка водки и стаканы стояли на ночном столике. Большой выбор платьев и длинных ночных рубашек висел на стене выше ее, и около ее подушки лежал нож.

- Подойди сюда, немка!

Мои колени дрожали, когда я повиновалась.

- Ты действительно боишься меня?

Я молча сглотнула.

- Ты, конечно, знаешь, кто я?

Не раздумывая, я сделала реверанс и поцеловала ее протянутую руку. Царица засмеялась.

- Сразу видно, что ты из хорошей семьи, точно так же как я.

Она приподнялась на локтях, взяла бутылку водки и налила мне стакан. Ее бледная кожа была покрыта шрамами. Я смотрела, очарованная, на тот шрам, который по диагонали пересекал ее правую грудь, когда она заговорила снова.

- Это не военные раны, знаешь, но они тоже заработаны с большим трудом. Нельзя стать главной просто так.

Она протянула мне стакан.

- Тебе не нужно бояться меня, немка. Только помоги мне, и я тоже буду помогать тебе.

Водка придала мне храбрость. Как только мой стакан был пуст, царица наполнила его снова. Тогда она спросила: – А ты действительно докторша?

- Нет, я не доктор.

- Но ты аптекарь?

- Нет, и не аптекарь.

- Ну, это не имеет большого значения. У меня нет выбора, и ты действительно что-то понимаешь в медицине, так мне рассказывали.

- Что ты хочешь, чтобы я сделала?

Царица откинулась назад на своих подушках. – Я беременна, и ты должна сделать аборт.

Я знала очень мало о беременности и родах, и еще меньше об абортах. Не было ничего, что я могла бы сделать для нее, и я впала в уныние.

- Почему ты не хочешь оставить ребенка? – выпалила я. – В конце концов, ты могла бы себе это позволить...

Я нечетко махнула рукой, показывая на роскошь, окружающую ее. Царица покачала головой.

- Не будь дурой, немка! Мы все хотели бы иметь детей, поверишь ты этому или нет. Но знаешь, что происходит потом? Они оставляют ребенка с тобой на два года, а когда он начинает говорить, когда учится называть тебя мамой, они забирают его и отправляют в государственный детский дом. И ты остаешься здесь, и ты никогда больше не увидишь своего ребенка.

Ее жесткое молодое лицо почти рыдало. – Нет, я этого не выдержу! Ты должна избавить меня от ребенка.

- Но я не знаю, что делать!

- Конечно, знаешь. Есть лекарства, и ты достанешь их, если будешь знать, что хорошо для тебя. Если ты подведешь меня, тебе конец, поняла?

Я печально кивнула.

Внезапно царица вся излучала улыбки. – Значит, договорились. Возвращайся сюда завтра ночью и приноси лекарства. А сейчас можешь идти.

Я не посмела спрашивать у кого-то совета, но обыскала полки в лаборатории, надеясь на вдохновение. Хинин! Конечно, я когда-то слышала, как его упоминали в связи с абортами! Я смешала большое его количество в дистиллированной воде и дала бутылку старосте следующим вечером. В течение трех дней ничто не происходило; потом она пришла в больничный блок, жалуясь на ангину, и настояла на том, чтобы поговорить со мной конфиденциально.

- Это проклятое лекарство вообще никак не подействовало, – прошипела она, как только мы были одни. – Ты что, думаешь, что мы тут в игрушки играем? Ты скоро окажешься на своих собственных похоронах, если не сможешь придумать что-то получше. Царица волнуется!

Я не смогла сдержать рыдания от отчаяния и беспомощности, хотя это только усилило презрение старосты. Она не стала слушать мои утверждения, что я не знаю, как это сделать.

– Мы дадим тебе время до завтрашнего вечера! – прорычала она мне и вылетела как ураган.

Медсестра Катя просунула голову в дверь. – Чего она там хотела? Не связывайся с этой бандой! В чем дело? Почему ты плачешь?

Катя была женщиной приблизительно пятидесяти лет, которая уже отсидела шесть лет из своего десятилетнего срока. У нее была дочь моего возраста, которой она была предана. Я решила, что моей единственной надеждой было бы довериться ей, и я рассказала ей все. Ее реакция была быстрой и практичной.

- Перманганат калия, раствор в соотношении одна часть к десяти – не больше! И не благодари меня; я не хочу иметь к этому никакого отношения.

Следующим вечером староста снова ждала у забора. Я дала ей мешочек кристаллов и сказала ей, как сделать раствор. Несколько дней спустя она, прихрамывая, пришла в больничный блок.

- Нога, моя нога! Я едва могу идти!

У меня душа ушла в пятки, пока я помогала ей сесть на стул.

- Ты гребаная сука! – прошептала она. Ты отравила царицу! Она на последнем издыхании, и если ты не придешь и не спасешь ее, то я тебе все кишки вырву!

- Что с нею случилось?

- Ты сама скоро увидишь!

- Но я не доктор, я не могу...

- Ты пойдешь, или будешь висеть в туалете. Ну, быстрее!

- Подожди минутку.

Я побежала, чтобы найти Катю; она мыла пол в соседней комнате. – Катя, царица умирает!

Лицо пожилой женщины стала серым. – Я же тебе говорила, что не хочу иметь с этим ничего общего.

Я умоляла ее, и она неохотно согласилась пойти со мной, при условии, что мы никогда не будем больше говорить об этом. Она перекрестилась, когда вставала с пола.

В блатном бараке мы нашли царицу, лежащей на ее роскошной кровати. Она кричала и корчилась от боли. Ее женщины старательно пытались успокоить ее, но напрасно.

- Уйдите с дороги! – закричала староста, – немка пришла. Она вытащила нож из своего кармана и подтолкнула нас. – А теперь сделайте хоть что-нибудь!

Аборт был успешен – даже я могла это увидеть, но плацента не вышла, и на бедрах царицы были ожоги от перманганата калия. Вероятно, они сделали раствор слишком насыщенным, несмотря на мои предупреждения. Катя сразу же оценила ситуацию, попросила принести горячую воду и чистую ткань, и приказала двум женщинам удерживать пациента на кровати. Тогда она принялась за работу, без инструментов, без анестезии, в то время как мы, все остальные, смотрели на нее, преисполненные благоговейного страха. Час спустя, Катя выпрямилась и вытерла пот с ее широкого крестьянского лица. – Теперь дайте ей поспать.

Царица лежала неподвижная, тихая, и бледная как смерть.

- Она выздоровеет? – голос старосты был полон подозрения.

- Конечно, выздоровеет! – резко бросила Катя. – А теперь выведите нас!

Староста провела нас к дыре в заборе. – Если она умрет, я тебя убью! – бормотала она мне, пока Катя пролезала через дыру, и я ни на минуту не сомневалась, что она говорила это всерьез.

ГЛАВА 5

Буран

Последовала странная неделя. Я была измучена страхом того, что царица может умереть, и каждый вечер, когда наступала темнота, я опасалась, что из тени появится староста с ее ножом. Я очень хотела довериться кому-то, или даже поговорить с Катей. Но она бесстрастно занималась своей работой, избегая моего взгляда, и я не осмеливалась нарушить свое обещание.

В то же самое время я не могла не заметить, что доктор Стремилов все чаще приходил в лабораторию. Там для него мало что было делать, но он разговаривал со мной, расспрашивал меня о моем прошлом, даже иногда поглаживал мои волосы. Если бы эта идея не была настолько нелепой, то я, возможно, предположила бы, что он влюбился в меня. Мой ужас чередовался с вызывающим дрожь волнением.

На восьмой день, в сумраке, когда я выходила из больничного блока, староста преградила мне путь, как я и ожидала. Я была слишком напугана, чтобы даже просто закричать. Она схватила мою руку.

- Царица передает свою благодарность. Она снова хорошо себя чувствует, и она говорит, что, если ты когда-нибудь окажешься в беде, ты должна прийти к ней, и она поможет.

Это был последний раз, когда я видела кого-то из блатных. Моим единственным врагом теперь была толстая докторша Комарова, которая пыталась осложнить мне жизнь всякими мелочными способами – потому что, по словам доктора Стремилова, ей не нравились симпатичные девушки. Но я скоро перестала из-за этого переживать. Стремилов как-то застал меня поющей в лаборатории, и он поцеловал меня и объяснился в любви. Я настолько измучилась от отсутствия чувства любви, что была готова влюбиться в кого угодно; это казалось удивительным, что меня выбрал именно тот человек, который уже был моим героем в течение многих месяцев.

За этим последовали другие чудеса. Юрий, который был близким другом начальника лагеря, смог получить для меня пропуск, чтобы я могла покидать лагерь под предлогом получения лекарств из аптеки в Новосибирске. Затем мы шли к нему на квартиру, где он хранил для меня одежду, чтобы я могла переодеться. Там мы ставили самовар, и пили чай, и примерно на час притворялись, будто бы мы были обычными влюбленными. Однажды он даже повел меня на танцы; это было так невероятно замечательно, что я даже не заметила, как поздно уже было, когда музыка прекратилась. Я была испугана, но Юрий казался беззаботным.

- А что скажет охранник? – спросила я его.

- Он вообще ничего не скажет. Ты была на ночном дежурстве в больнице.

- И он в это поверит?

- Если я сам скажу ему об этом, то он поверит. Он мой пациент; я лечил его бутылкой водки как раз сегодня днем.

Он поцеловал меня. – Тебе понравился наш выезд?

- О, Юрий! И все же, это ведь опасно. Представь, что кто-то спросит мое имя!

- Ничего. Твое имя – Елена... Как звали твоего отца?

- Карл.

Значит, ты – Елена Кирилловна из Ленинграда – нет, из Львова. Теперь нам нужно только придумать фамилию. Посмотрим. Как насчет Пушковой? Это, похоже, красивая фамилия, не так ли?

- Елена Кирилловна Пушкова, – повторила я, не догадываясь, что эта фамилия приклеится ко мне на следующие восемь лет.

Мы вернулись в лагерь только в четыре часа утра, и все же никто ничего не сказал. Охранник провел меня в барак № 11; я на цыпочках прошла мимо рядов спящих женщин с серыми лицами, и забралась на свои нары. Ниже меня бодрствовала Бригитта. – И где же ты была? – прошептала она.

- Я была на дежурстве... в больнице.

Это казалось не очень убедительным. Бригитта хихикнула. Я лежала в темноте, мне очень хотелось довериться ей, и, наконец, я спустилась к ней на нары. – Поклянись, что никому не расскажешь...

*

Когда осень перешла в зиму, в нашем бараке было уже много смертей. Западноевропейцы почти не могут приспособиться к сибирским условиям, и одна за другой пожилые женщины становились жертвами туберкулеза, недоедания или болезней сердца. Мое секретное счастье придавало мне силу, но оно также дало мне чувство долга по отношению к другим. Я крала из больничного блока все, что я могла утащить, и что могло бы дать им хоть какой-то уют. Юрий заботился о поставках, не без риска для себя; но, как я уже узнала, с его характером он просто наслаждался риском.

Марля и вата были особенно полезны. Женщины складывали их слоями и шили из них стеганые одеяла и занавески, или, окрасив в бледно-синий цвет с помощью растворенных чернил, пришивали к платьям и курткам. Во время одного из своих обходов начальник лагеря даже похвалил нас за красивый внешний вид барака. Он, должно быть, знал, откуда брались материалы, но Юрий был его другом, и он ничего не сказал.

Но такому благоденствию не суждено было длиться долго. Однажды вечером у одной пожилой заключенной случился сердечный приступ, и, к сожалению, доктор Коморова была на дежурстве. Женщина была уже мертва к тому времени, когда она пришла; но она заметила стеганое одеяло, которым мы накрыли ее, и быстро поняла, из чего оно было сделано.

- Только ты могла это украсть! – яростно набросилась она на меня. – Это последняя капля! Ну, подожди только, я с тобой разберусь!

Она вылетела как ураган, снова оставив меня нерешительной и перепуганной.

Следующим утром меня вызвали в кабинет начальника лагеря. Я больше не трепетала перед ним и с готовностью признала свою вину.

- Но это действительно выглядело очень хорошо, гражданин начальник. Вы же сами это сказали, помните? Вы говорили, что наш барак самый красивый во всем лагере.

- Это, в общем-то, верно, – засмеялся он, – но доктор Коморова в ярости на вас. Она больше не хочет видеть вас в лаборатории, и я с этим ничего не могу поделать. На самом деле я обязан был бы посадить вас в карцер, но думаю, что мы сможем обойтись без этого. Вопрос в том, что же нам делать с вами?

Я затаила дыхание и ждала, пока он перекладывал бумаги у себя на столе.

- О, вот, – сказал он, наконец. – Им нужны две уборщицы в местном доме культуры. Явитесь туда завтра утром. И возьмите подругу.

Никогда еще дом культуры не убирали с большим энтузиазмом. Бригитта и я постирали занавески, вымыли полы, и отполировали все, пока это место уже почти нельзя было узнать. До некоторой степени это была даже еще лучшая работа, чем в лаборатории; никто не контролировал нас, и так как дом культуры был за пределами лагеря, то в нем не было тюремной атмосферы.

Дом культуры был чем-то вроде общественного клуба, который посещали в основном свободные шахтеры, жившие в окрестностях; они были дружелюбными и симпатичными людьми, и заботились о том, чтобы нам хватало еды.

Когда они узнали, что Бригитта умеет играть на фортепьяно, а я могу петь, нас попросили выступить на их ежегодной вечеринке, 7 ноября, годовщине большевистской революции. Все пришли туда – начальник лагеря, партийный секретарь, два лагерных врача. Мы исполнили весь наш репертуар немецких и русских песен, под гром аплодисментов, и получили в качестве гонорара огромную корзину пирожков – своего рода пончиков, наполненных мясом, капустой и луком.

Женщины в бараке № 11 едва могли поверить своим глазам. Фрау Болевски подарила нам одну из своих редких улыбок и, как хороший коммунист, она проследила, чтобы пирожки были разделены поровну. Как хорошая староста, она также должна была проследить, чтобы никто не съел за один раз слишком много, поскольку этой еды было слишком много для наших измученных голодом желудков. На этот раз весь барак была довольным и сытым, когда мы легли спать ночью.

Но в час ночи в дверь постучали.

- Две певицы, на выход!

У нас душа в пятки ушла. Но это были только Юрий и начальник лагеря – который настаивал, чтобы мы звали его Костей – оба сильно пьяные. Мы махнули в Новосибирск, где у Кости тоже была квартира, и не встречались снова до утра, когда мы должны были вычистить клуб после празднества.

Но это оказалось слишком неосмотрительным поступком. Доктор Коморова обнаружила, что мы отсутствовали всю ночь, и узнала, с кем мы были, и она угрожала неприятностями нашим покровителям. Бригитта и я лишились нашей приятной работы уборщиц, и были направлены на работы во дворе лагеря. Нам приходилось рубить дрова, таскать мусорные ящики и носить воду от насоса до бараков. И убирать снег; каждое утро плац должен был быть очищен от снега для ежедневной переклички.

Юрий предупредил меня, что мы не сможем встречаться некоторое время, но он пообещал попытаться устроить что-то на Рождество. Поздно в Сочельник от него все еще не было ни слова. Когда другие женщины вернулись с работы, они заметили, что я сделала себе прическу, и начали дразнить меня.

- Здесь не бывает никаких рождественских вечеринок, ты знаешь!

- О, да ладно, – сказала Бригитта, – почему мы должны слушать все это? Мы могли бы также выйти и убрать снег к завтрашнему дню. Все равно это лучше, чем сидеть взаперти в бараке.

Вера, русская политзаключенная, сушила свои влажные портянки на печке.

- Я бы на вашем месте не выходила, – сказала она. – Будет буран. Разве вы не слышите, как воет ветер?

Я подошла к двери и выглянула наружу. Снег падал густыми хлопьями и кружился вокруг зданий, но на западе вечернее небо выглядело красным и безопасным.

- Все в порядке. Пойдем!

Бригитта и я надели наши тяжелые ботинки и фуфайки, взяли наши лопаты, и поплелись к проволочному забору под током в дальнем конце двора. Оттуда мы начали систематически работать, двигаясь назад к бараку. Мне пришло в голову, что, если бы Юрий действительно пришел, то сбежать было бы легче, если бы мы уже были снаружи. Но никого не было. Я чувствовала себя абсолютно подавленной разочарованием. Бригитта начала говорить о своей семье в Дрездене и о том, как они проведут Рождество. Мы чувствовали себя настолько жалкими и брошенными, что в конце мы просто стояли, обнявшись, и плакали.

Внезапно порыв ледяного ветра свалил нас на землю. Небо было уже не красным, а черным как смоль. Твердая стена снега прижимала нас назад к забору под током; кристаллы жалили мое лицо, и я легла плашмя, пытаясь медленно двигаться вперед против ветра. Я не могла видеть Бригитту или что-либо еще; когда я закричала, ветер унес звук и заполнил мой рот снегом. После этого была только удушающая темнота.

Долгое время спустя я проснулась. Надо мной был красный деревянный потолок, и я лежала на чем-то твердом и холодном. С трудом я повернула голову и посмотрела прямо в лицо какой-то женщины. Ее кожа была восковой, ее глаза смотрели вслепую в мои, и после одной или двух минут я поняла, что она мертва.

Было еще больше тел с другой стороны от меня; я была в морге. Я позвала на помощь, но никто не пришел, и я решила, что я и сама умерла. Почти с чувством облегчения я снова потеряла сознание.

В следующий раз, когда я проснулась, я была на кровати, и Юрий склонился надо мной.

- Мне приснилось, что я умерла!

- Ты почти умерла, Леночка.

- Бригитта! Где Бригитта?

- Пока не думай об этом. Я позже все расскажу. А пока послушай меня. Ты находишься не в лагере, ты в городской больнице. Никто не знает, что ты заключенная, так что не говори по-немецки, что бы ты ни делала. Постарайся вообще ничего не говорить, если меня нет рядом. Понятно?

Он подождал, пока я не нашла в себе силу кивнуть, и затем я почувствовала подкожный укол. Меня снова и снова клонило в сон, и каждый раз, когда я просыпалась, моей первой мыслью было: «Не говорить по-немецки». На самом деле мне было слишком тяжело вообще разговаривать; моя голова была полна запутанных сновидений, и я едва ли могла различить сон и бодрствование.

Наконец, я открыла глаза и вполне четко увидела комнату, в которой я была. Юрий сидел на стуле около кровати, в белом халате, со стетоскопом, висящим из кармана. Я знала, что я не сплю, и я была голодна. Юрий принес мне миску супа.

- Рождество закончилось? – спросила я его.

- Оно было больше трех недель назад. Ты была очень больна.

- Почему ты не приехал за нами? Ты же обещал!

- Я только обещал попытаться, любимая, и это оказалось невозможно. Коморова ни на минутку не упускала меня из виду.

- Но тогда как я здесь оказалась?

- Это целая история, Леночка!

Очевидно, после снежной бури Бригитту и меня откопали из снега и отнесли в больничный блок, где доктор Коморова объявила нас обоих мертвыми. Как только Юрий услышал об этом, он помчался к моргу, понял, что меня еще можно «оживить» и унес мое «тело», сказав, что ему оно нужно для вскрытия. Он доставил меня в больницу как предположительно больную тифом – вот почему изолятор.

- А Бригитта? Я уже знала, что он скажет.

- Для нее я уже ничего не мог сделать. Буран бросил ее на проволоку, и она умерла от удара электрическим током. Мне жаль.

Я заплакала по моей подруге. Когда я немного успокоилась, Юрий снова стал оживленным и веселым.

- С тобой теперь, все будет в порядке, любимая. Я достал для тебя чудесное новое лекарство, оно называется пенициллин.

Он взглянул на свои часы. – Сейчас мне нужно уходить, но я направлю сюда медсестру. И не забывай – не говорить по-немецки!

- Но что мне говорить, если она меня о чем-то спросит?

Он снял грифельную доску с конца кровати. На нем было написано: «Елена Кирилловна Пушкова, студентка, девятнадцати лет». – Теперь это твое настоящее имя. Заключенной Хельги Ванненмахер не существует. Она мертва.

ГЛАВА 6

Появление ветеринарши

Пока я лежала в больнице, медленно выздоравливая, Юрий был занят тем, что готовил все, что должно было сделать из меня советскую гражданку. Он взял мою фотографию в рентгеновском отделении и получил для меня удостоверение личности в новосибирской милиции. Я была поражена, что это было возможно, но когда я спросила Юрия, как это ему удалось, он рассмеялся.

- Я сказал им, что тебя доставили в больницу без сознания, и твою одежду сожгли из страха тифозной инфекции. К сожалению, твой паспорт был в кармане твоего пальто, поэтому он тоже сгорел.

- И они тебе поверили?

- А почему они должны были бы сомневаться в словах доктора, военного врача, майора победоносной Советской армии?

Он приезжал ко мне каждый день; больше не как полубог, снисходивший к одному из несчастных, вверенных его попечительству, но как такой же заговорщик и равный, полный нетерпеливых планов. Только однажды я увидела его раздраженным, когда я спросила его, как обстоят дела в лагере.

- Елена Пушкова, ты ничего не знаешь о трудовых лагерях; ты никогда их не видела. И больше не говори об этом!

Меня выписали из больницы в середине марта, и я потратила на выздоровление еще несколько недель в гостях у одной из пациенток Юрия, Ани Федоровой. Юрий снабдил меня одеждой вроде той, которую носили молодые русские женщины, и я выдавала себя за племянницу Ани, которая была студенткой в Москве. Все это казалось настолько легким, и, наконец, я начала расслабляться – хотя я почти и не выходила из дома.

Затем одним весенним утром Юрий и я вместе сели на Транссибирский экспресс и поехали в Москву, где у его сестры была квартира. Поездка заняла четыре дня, и это совсем не было похоже на длившийся неделями кошмар в эшелоне с преступниками, сосланными на восток. Мы путешествовали первым классом, питались в вагоне-ресторане, и были окружены комфортом и вниманием. Я была взволнована как ребенок, хотя немного опасалась встречи с сестрой Юрия, которая преподавала историю в университете.

- Тебе не надо бояться Сони, – постоянно говорил он мне. – Мы все прекрасно поладим. Я сказал ей, что ты приедешь, и я уверен, что вы с ней мгновенно подружитесь.

Соня встретила нас на вокзале, и мы поехали на метро к ней домой. Ее квартира состояла из двух комнат, одной для нее и одной для Юрия, с кухонным оснащением на лестничной площадке. Я была смущена и все еще поражена великолепием московского метро, и сидела безмолвно, пока Юрий рассказывал сестре о моих приключениях. Тогда он сказал, что мне понадобится разрешение на работу.

О! – Соня была, очевидно, озадачена. – Вы хотите заключить брак?

- Конечно, мы так и сделаем, – сиял Юрий. – Иначе она не сможет остаться в Москве.

- Нет, она же не может, не так ли? – Соня смотрела на своего брата, не отводя взгляд.

- Ну, я пойду приготовлю чай.

Она подняла самовар.

- Я тебе помогу, – сказал Юрий и вышел вместе с нею. Я осталась сидеть на диване и чувствовала себя очень подавленной. Очевидно, Соня не одобряла меня. Но когда они вернулись в комнату, она была довольно дружелюбна и немедленно энергично занялась важным вопросом о том, что нужно надеть на свадьбу.

Я выходила замуж в белом шерстяном костюме, который хоть и был ношеным, но был похож на новый, и за который Юрий заплатил восемьдесят рублей. Его свадебным подарком было золотое ожерелье с рубиновым кулоном. Одетая для праздничной церемонии, я впервые почувствовала себя совсем не как заключенная. Но Соня понимала, что мои проблемы в действительности еще не закончились.

- Елена превосходно разговаривает на русском языке, но это почти что все, – сказала она за чаем на следующий день. – Что она знает о жизни в Советском

Союзе, или о русской истории, искусстве и литературе? Для жены офицера было бы странно быть такой невежественной!

После некоторого обсуждения она и Юрий решили, что я должна зарегистрироваться в университете. Чтобы сделать это, я должна была перевестись туда из какого-то провинциального университета, и, так как Львов значился в моем паспорте как место рождения, он показался очевидным выбором. Поэтому Юрий и я поехали во Львов, чтобы провести там своего рода медовый месяц. Это был голодающий город, и на черном рынке можно было купить все, включая документы. Юрию потребовалось восемь дней и 20 000 рублей, чтобы получить действительный документ о переводе студентки Елены Кирилловны Пушковой из Львова в Московский университет.

Мы провели еще одну неделю в Москве, осматривая достопримечательности, и затем отпуск Юрия закончился. Соня и я провели его к поезду, который должен был отвезти его назад в Новосибирск, и вскоре после этого я приступила к работе. Я выбрала курс технических наук – геологии, химии и механики – и на протяжении первых нескольких дней я не могла понять ни слова на лекциях. Я в отчаянии прибежала домой к Соне, но она подбодрила меня, и уверила, что я скоро привыкну и начну справляться. Затем я начала заводить себе друзей среди других студентов, и они тоже помогали мне. Как и они, я вступила в комсомол, молодежную коммунистическую организацию, и торжественно поклялась стать не только хорошим коммунистом, но также и хорошим инженером.

К концу семестра я почувствовала себя достаточно уверенно, чтобы написать моим родителям в Гюстен – на русском языке, конечно. Я сказала им, что у меня все хорошо, что я учусь в Московском университете, и что я вышла замуж, и подписалась как Елена Пушкова. Три недели спустя я получила ответ от матери, тоже на русском языке. Ее письмо было столь же осторожным, как мое, в нем просто говорилось, что они были рады получить известие от меня и надеялись, что я посещу их, когда окончу свой курс обучения. Это едва ли казалось вероятным, но, по крайней мере, они знали, что я жива.

Юрий снова приехал в отпуск осенью, и мы провели несколько замечательных недель вместе. Он просил о переводе в Москву и был уверен, что его просьба будет удовлетворена к весне. Так я проводила его к Транссибирскому экспрессу, радостно думая, что это было в последний раз.

Вскоре после того, как начался мой второй семестр, Соня должна была уехать в Киев на несколько дней, чтобы посетить там конференцию. Я была одна в квартире, готовила себе ужин на небольшой печке на лестничной клетке, когда высокая, полная женщина, тяжело ступая, поднялась по лестнице. На ней была форма майора со знаками отличия ветеринарного врача, и она несла

большой чемодан. Без слов, она протолкнулась мимо меня и вошла в комнату Юрия. Увидев, что комната пуста, женщина вернулась.

- Вы случайно не знаете, где мой муж?

Я улыбнулась ей. – Возможно, если вы скажете мне его имя?

Незнакомка нетерпеливо фыркнула. – Доктор Стремилов, конечно!

Я почувствовала, как мои колени подкосились, но так или иначе мне удалось ответить ей.

- Доктора Стремилова здесь нет. Он работает в Новосибирске.

- Хорошо, а где же Соня, его сестра?

- Ее сейчас здесь тоже нет.

- Понятно, – сказала женщина, рассматривая меня. – А что же вы здесь делаете, могу я спросить?

Я пролепетала что-то о том, что я студентка, которой Соня сдала комнату.

- А почему комната моего мужа открыта?

- Я только что закончила ее убирать. Соня попросила меня.

Женщина внезапно стала довольно любезной. – Ну, тогда все в порядке. Я могу разместиться в ней прямо сейчас.

Наша свадебная фотография была на ночном столике, и мне только едва хватило времени, чтобы схватить ее прежде, чем жена Юрия последовала за мной в комнату и положила свой чемодан на кровать.

- Хорошо вернуться в Москву, – заметила она, вытирая лоб огромным носовым платком. – Я вспотела как свинья. Я пойду и приму ванну, а потом мы вместе попьем чай. Хорошо?

Она, похоже, привыкла командовать.

Как только она уже точно была в ванной, я помчалась вниз к телефону-автомату и позвонила моей подруге Вике в университет.

- Пакуй свои вещи и приезжай, – сказала Вика. – Соня все уладит, когда вернется.

Я снова побежала наверх, быстро написала записку, чтобы сообщить Соне, где я буду, упаковала свои вещи и выбежала из дома еще до того, как женщина вернулась из своей ванны. Я все еще не могла поверить, что Юрий обманул меня, но я была слишком напугана, чтобы остаться и спорить. Все, что я хотела сделать, это убежать.

*

Два или три дня спустя Соня позвонила по телефону. – Я только что вернулась домой. Я должна приехать и поговорить с тобой о Нине.

- Кто такая Нина?

- Ты знаешь. Где мы можем встретиться?

- Она жена Юрия?

- Это не телефонный разговор, Елена. Я могу прямо сейчас прийти к тебе?

Я не могла ждать. – Соня, скажи мне только одно, она замужем за Юрием или нет?

На другом конце провода наступила короткая пауза; затем Соня с явной неохотой сказала: – Ну, да, но только на бумаге!

- Спасибо! – сказала я и повесила трубку так быстро, чтобы она не услышала мои рыдания. Когда буря плача стихла, я села и написала Юрию письмо – такое письмо, которое пишет каждый человек, когда ему двадцать лет, и когда он только что был безжалостно предан. Среди прочего, я написала ему, что больше никогда не хочу его видеть.

Как только я дописала письмо, я пошла и отправила его, и когда я вернулась, Соня ждала в моей комнате.

- Ты должна позволить мне все объяснить, Елена!

- Что там объяснять? Ты знала, ты же все время знала, что он уже был женат!

- Да, но он попросил, чтобы я не говорила тебе. Бедный Юрий! Это было неправильно с его стороны, я согласна, но его жизнь в такой неразберихе.

Соня продолжала рассказывать мне о браке своего брата. Это была поспешная свадьба во время войны, в 1939 году, на финском фронте, где они служили врачом и ветеринаром. Нина притворилась, что беременна, и когда Юрий узнал, что она его обманула, они рассорились и разошлись. Нина сохранила свое свидетельство о браке, но из-за какой-то оплошности этот брак никогда

не был зарегистрирован в документах Юрия. Если бы он попросил о разводе, то он оказался бы в беде, а у нее не было никакого намерения разводиться с ним.

К концу истории я плакала, как из-за Юрия, так и из-за самой себя.

- Зачем она вернулась?

Я рыдала. – Чего она хочет?

Соня вздохнула. – Она по горло сыта жизнью в колхозе. Она хочет жить в Москве как жена Юрия.

*

Неделю спустя я получила ответ на свое письмо. «Оставайся там же, где сейчас. Я приеду, как только смогу. Все будет в порядке!»

Но этого не случилось. Соня сообщила мне, когда приедет Юрий, и я пришла на вокзал, чтобы встретить его. Нина уже была там. Я спряталась за столбом и увидела, что они тепло поприветствовали друг друга и поспешно ушли под руку. Затем я три дня прождала в своей комнате, и к тому времени, когда Юрий, наконец, действительно появился, я была слишком обиженной и сердитой, чтобы позволить ему поцеловать себя.

- Как ты мог оставить меня одну так надолго! Где ты был? Не с Ниной!

- Но, Леночка, она же моя жена, в конце концов!

- А кто тогда я?

- Ты та, кого я люблю, – сказал он, и подарил мне свою старую неотразимую улыбку.

- Послушай, дорогая, сейчас самое важное – убрать запись о браке из регистра.

Я не сразу это поняла. Затем мои колени подкосились, и я захныкала.

- О каком именно браке?

- Ну, о нашем браке, конечно. Тогда я попытаюсь получить развод от Нины.

- Что ты имеешь в виду, ты попробуешь?

- Я вовсе не уверен, что она согласится. Она не обязана соглашаться.

- А что, если она откажется?

- Тогда ты и я должны будем жить в грехе, моя любимая, не так ли? Он снова одарил меня своей улыбкой, но в этой улыбке каким-то образом исчезла ее былая магия, и я внезапно поняла почему.

- Юрий, я думаю, что на самом деле ты ее боишься!

- Нет, нет, конечно, нет! Но я должен учитывать ее чувства.

А кто будет учитывать мои чувства, задавала я сама себе вопрос. Они были удивительно спокойны, когда это произошло, и я сказала Юрию, что не буду больше встречаться с ним, пока ситуация не будет улажена. Если я ожидала протеста, то я была разочарована.

- Это очень разумно с твоей стороны, Леночка. Я надеюсь, что ты сможешь оставаться здесь. И не волнуйся. Когда дела будут улажены, я сам свяжусь с тобой.

Когда я открывала ему дверь, в моей голове как бы что-то щелкнуло.

- Не утруждайся! – сказала я, и на сей раз я действительно была серьезна. Я не стала принимать его деньги; я возвращала его письма нераспечатанными. Затем однажды Соня приехала ко мне. Она сказала, что благодаря большой взятке наш брак был аннулирован; а также, что Нина все еще жила в квартире и не собиралась уезжать.

- Мне так жаль, Елена. Поверь мне, для Юрия это тоже очень нелегко!

Когда она ушла, я сломалась. Это была частично мысль о Юрии и Нине, живущих вместе в той же комнате, в которой он и я были так счастливы; частично горькое открытие, что правду можно изменить, что брак можно «стереть», если заплатить подходящую цену. Жизнь казалась бессмысленной – но каков был лучший способ закончить ее? В фильмах и романах с этим никогда не было проблем, но у меня не было ни револьвера, ни таблеток.

В конце концов, я купила литр чернил и выпила много за один раз. Мне из-за этого стало очень плохо, но я не умерла. Когда Соня поняла, в каком я отчаянии, она помогала мне любым возможным способом. Мало того, что она уговорила меня не отчаиваться; ей также удалось добиться для меня государственной стипендии в восемьсот рублей в месяц, так, чтобы я могла продолжать учиться в университете независимо от Юрия. Я была очень благодарна ей за все это, и я упорно трудилась, посещала невероятно скучные собрания комсомольской организации, и прилагала все усилия, чтобы стать образцовой студенткой.

Возможно, когда-нибудь я стала бы хорошим инженером; это так никогда и не удалось проверить. Вика и я работали однажды вечером в комнате, в которой мы жили, когда в дверь постучали.

- Я посмотрю, кто там, – сказала она, и пошла открыть дверь. Я едва могла поверить в то, что произошло потом.

- Простите, что побеспокоил вас, – сказал голос из прошлого. – Я ищу студентку по имени Елена Кирилловна Пушкова; мне сказали, что я найду ее здесь. Меня зовут Андрей Сидоров.

ГЛАВА 7

Ночь в горах

Мы пошли в ресторан и много часов говорили за бутылкой вина. Нам нужно было так много рассказать друг другу! Андрей был теперь полковником, преподавателем в Военной академии в Москве. Он поддерживал связь с одним другом в Гюстене, который рассказал ему о моем аресте и приговоре. Только недавно этот друг снова написал ему, сообщив о письме, которое я послала своей матери – и у Андрея была вся информация, нужная для того, чтобы разыскать меня.

Он недоверчиво выслушал рассказ о моих приключениях, и мне было немного обидно, когда я позже узнала, что он тщательно проверил все, что я говорила ему. Он посетил Соню Стремилову и убедился, что мой брак действительно был аннулирован; он удостоверился, что Елена Кирилловна Пушкова была должным образом зарегистрирована в милиции; и он справлялся о моем деле в комсомольской организации. Как он подчеркивал, офицер в академии не мог позволить себе даже малейший непорядок – у себя самого или у своей жены. Затем, во второй раз, он попросил, чтобы я вышла за него замуж.

Для свадьбы мы поехали в город Горький, где жили его родители. Празднества продолжались в течение трех дней, и, безусловно, самым активным гостем был генерал Шемякин, начальник Андрея. Он был видной фигурой, и он мне сразу понравился. Одна из его лучших историй, которые он рассказывал очень много раз за время празднования, была о том, как он лично поднял красный флаг на Рейхстаге после падения Берлина, но все почести за это достались одному из его сержантов. Но втайне, так заверил меня Андрей, генерал очень восхищался Западом. Мы рассказали ему правду о моем прошлом, и он ни в малейшей степени не был потрясен.

Поэтому я была рада, когда генерал Шемякин был назначен командиром ракетного испытательного полигона на Кавказе и попросил Андрея стать его заместителем. Мы переехали в Кировабад, где у нас был большой дом, со слугами, и садом, где росли лимонные и апельсиновые деревья. Это была идиллическая жизнь; мы путешествовали, развлекались, ездили на охоту в горы, проводили выходные на Каспийском море.

Я не привыкла к такому большому количеству свободного времени, и через некоторое время я получила разрешение работать на полигоне как переводчица. После войны очень много немецких ученых и инженеров были отправлены в Советский Союз, и некоторые из них попали и в Кировабад. Я пригласила двух из них провести Рождество с нами и устроила настоящий немецкий праздник, со свечами, украшениями и подарками вокруг елки. Герр Вильперт и герр Остен были переполнены благодарностью и ностальгией, и выражали свое изумление тем, что русская женщина устроила все с такой точностью до мельчайших деталей. Если бы только они знали, что это событие было для меня таким же ностальгическим, как и для них!

У нас был год почти идеального счастья, которое достигло апогея весной 1949 года, когда я узнала, что беременна. Андрей был так взволнован, что настаивал на том, чтобы рассказать об этом всем; и я тоже была бесконечно рада. Действительно начало казаться, как будто мои несчастья закончились. Жизнь на самом деле казалась почти слишком хорошей, чтобы быть правдой.

Так это и было. В то лето я получила взволнованное письмо от Сони. Юрия уволили из армии, и он не мог найти работу. Она не сообщала подробностей, за исключением того, что «во всем виновата была Нина», и она закончила вопросом, не могла ли бы я с моим новым влиятельным положением как-то помочь ему. Ну, когда-то он спас мою жизнь, и я едва ли могла бы отказать. Я показала это письмо Андрею, и он поговорил с генералом Шемякиным, который признал, что на испытательном полигоне могло бы найтись место для еще одного врача. Юрий должен был приехать на собеседование.

Он приехал, без предупреждения, в один жаркий июльский день, когда Андрей был все еще на работе. Мы вместе пили чай на террасе, выходящей на сад. Сначала Юрий, казалось, был в самом лучшем состоянии духа, поддразнивал меня разговорами о моем будущем ребенке и говорил, как удачно было то, что он приехал как раз в то время, когда мне мог бы понадобиться хороший доктор. Затем он замолчал, задумчиво осмотрелся по сторонам, и сказал: – Здесь хорошо. Возможно, КГБ оставит меня в покое.

(Разумеется, в 1949 году советские органы безопасности еще не назывались КГБ, но для западных авторов и читателей привычно распространять это название и на структуры госбезопасности до 1954 года. По сути, на Западе широкой публике известны только два названия – ГПУ и КГБ. – прим. перев.)

- Юрий! Что ты имеешь в виду?

Эти три буквы испугали меня, как они пугали всех в России в то время, и их тень омрачила этот день.

Тогда он начал длинную историю. Я всегда верила в то, что он рассказывал – не могла не поверить, и по сей день я не знаю, сколько из этого было правдой. Суть рассказа была в том, что Нина поехала в Новосибирск, чтобы попытаться узнать, почему Юрий хотел развода. Она подружилась с доктором Коморовой и многое узнала, но не поднимала шум, пока развод не был предоставлен. А потом она донесла на Юрия за то, что у него был роман с немкой-заключенной, и за злоупотребления ценными лекарствами и материалами в исправительно-трудовом лагере. Ничего из этого нельзя было доказать, так как женская секция лагеря была с тех пор закрыта, но они все равно его уволили.

- Они, возможно, были рады такому предлогу, – Юрий застенчиво усмехнулся. - Я действительно пил немного, как ты знаешь, и я никогда особо не придерживался правил и норм.

Я не могла сдержать улыбку из-за этих двух преуменьшений. Но все это еще не объясняло, почему КГБ заинтересовался им.

- Потом, – продолжал Юрий, меня вызвали в Москву для допроса. У кого-то в центральном управлении возникла мысль, что Хельга Ванненмахер и Елена Пушкова могли бы быть одним и тем же лицом.

- Нет!

Страхи, которые я почти изгнала прочь, быстро вернулись обратно, и я увидела свою жизнь с Андреем как шараду, которой она была. Жена уравновешенного и уверенного в себе полковника, в конце концов, все еще была беглой преступницей. Я едва слышала слова Юрия, когда он поспешно продолжал.

- Конечно, я сказал им, что смерть заключенной Ванненмахер была подтверждена, и ее дело закрыто. И что Елена Пушкова была украинкой из Львова – вообще никакой связи. Они казались удовлетворенными; но на прошлой неделе они снова вызвали меня. Я не знаю, что они думают на самом деле.

Его взгляд беспокойно избегал моих глаз.

- У тебя найдется немного водки для старого друга?

*

Юрий поселился как гость в нашем доме, и скоро он уже понравился всем. Но он, похоже, вовсе не стремился приступить к работе. Генерал Шемякин предложил ему работу на испытательном полигоне, и к тревоге Андрея Юрий отказался от нее. Я могла это понять; такая работа означала проверку безопасности в Москве. Но я не могла понять, когда он отказался от работы в муниципальной больнице, которой очень нужны были врачи.

У него всегда было много денег, и это тоже озадачивало меня, пока однажды я не увидела в его комнате чемодан, полный сигарет, и он признался в том, что он продавал их на базаре. Андрей был шокирован.

- Знаешь, дорогая, он мне нравится, но у меня просто не может быть спекулянта в моем доме. Он, конечно, должен это понять.

Итак, Юрий снял комнату в городе и продолжил катиться по наклонной плоскости. Генерал Шемякин вышел в отставку, и Андрей стал временно исполняющим обязанности начальника полигона. Если бы это назначение было подтверждено, то он сам мог бы стать генералом. Но прежде, чем это произошло, его внезапно вызвали в Москву. Он вернулся, выглядя встревоженным. КГБ вновь открыл дело Гюстена.

*

Я могла чувствовать, как затягивается петля. Андрей пытался заверить меня, что в его положении он сможет защитить меня, и что никто не стал бы ставить под сомнение его слова. Но Юрий играл на моих страхах и добавлял новые. Карьера Андрея будет разрушена, говорил он, когда правда раскроется, и это расстраивало меня даже больше, чем мысль о возвращении в тюрьму.

- Мы должны бежать, Леночка, – говорил Юрий. – Это единственное, что мы можем сделать; мы оба в смертельной опасности. К счастью, сбежать отсюда легко. До персидской границы отсюда всего лишь сто миль. Нам нужно только пройти горы и пересечь реку Аракс.

- Не забывай, что я беременная на шестом месяце! И, так или иначе, я и не подумала бы бросить Андрея.

Больше ничего не было сказано, но как только мысль о побеге была подброшена, я уже не могла выбросить ее из головы.

Затем приехала комиссия из Москвы, чтобы инспектировать базу. В моем крайне возбужденном состоянии я с уверенностью решила, что они приехали, чтобы проверить меня, и я умоляла Андрея забрать меня в Персию. Он уставился на меня так, как если бы я предложила поездку на луну.

- Бросить Россию – ты с ума сошла? Перебежать к капиталистам? Как ты вообще могла предложить такое?

Но в конце сентября его снова вызвали в Москву, и он не сказал мне почему.

- Вот теперь пора! – сказал Юрий, как только Андрей уехал. – Я все продумал. Твои немецкие друзья, Вильперт и Остен, тоже пойдут с нами; они уже очень давно хотят убежать. Я нашел парня с фургоном, который довезет нас до гор; потом мы пойдем пешком, и еще кое-кто переправит нас через реку.

- Кто эти люди?

- О, – ответил он беззаботно, – это контрабандисты, с которыми я познакомился на базаре, вполне заслуживающие доверия люди. Мы заплатим им огнестрельным оружием. Ты пойдешь? Мы выдвинемся через три дня, но мне нужен твой ответ уже сейчас.

Я, должно быть, действительно сошла с ума; я сказала «да».

- Хорошая девочка! – усмехнулся Юрий. – Тогда дай мне пистолет.

Я отдала ему «Маузер» Андрея. Два дня спустя он вернулся с окончательными инструкциями.

- Будь на главном вокзале завтра вечером в шесть. Фургон из колхоза будет стоять там; водителю уже заплатили. Не забудь взять еду на шесть дней. У тебя найдется немного водки для старого друга?

Он выпил ее как воду. – Ах, да, я почти забыл, нужны еще два охотничьих ружья.

Я отдала ему два ружья Андрея. На следующий день я упаковала чемодан, и попросила нашего шофера отвезти меня на вокзал, дав ему понять, что еду к своему мужу в Москве. Я оставила Андрею записку, которая, как я надеялась, снимет с него любую вину, потому что в ней просто говорилось, что я сбежала с Юрием, потому что люблю его. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы написать все правильно.

Фургон был на месте, и мужчины были снаряжены как будто бы для охоты, что было совершенно обычным делом в Кировабаде. Мы проехали приблизительно двадцать миль в горы; затем водитель фургона высадил нас и поехал обратно, а мы поставили нашу небольшую палатку и сделали привал на ночь. Юрий приезжал сюда заранее и припрятал пистолеты, которыми мы должны были заплатить нашим проводникам – и мы провели весь следующий день в их поисках. Он просто не мог вспомнить, где он их спрятал; и когда я обвинила его в том, что он был пьян, когда прятал их, он только мрачно кивнул. Мы нашли

их слишком поздно вечером, и должны были провести еще одну ночь в том же месте. Это было не очень хорошее начало.

Весь следующий день мы шли на юг, и к вечеру мы добрались до дома одного из контрабандистов. Он, казалось, жил очень хорошо; у него был большой, удобный дом и несколько жен. Юрий отдал ему несколько пистолетов в обмен на комнату на ночь и инструкции для следующего этапа.

Затем последовал трехдневный пеший марш оттуда до хижины пастуха, по намного более труднопроходимой земле. Я скоро поняла, что не смогу это выдержать и попросила Юрия разрешить мне вернуться. Он не хотел и слышать об этом; вместо этого он смастерил носилки, и мужчины, сменяясь, несли меня.

Мы легко нашли хижину, но пастуха в ней не было. Юрий и два немца отправились по отдельности в различных направлениях, чтобы найти его, оставив меня одну. Уже скоро я обнаружила, что хижина кишела змеями. Дрожа, я забралась на скамью и присела там, пытаясь следить за ними всеми, и слушая шакалов, воющих в лесах снаружи. К тому времени, когда мужчины возвратились, я уже оцепенела от ужаса.

Пастух вылил несколько ведер воды на змей и выгнал их, как будто они были надоедливыми цыплятами. Он внешне был похож на дикаря, но он немного говорил по-русски, и я решила, что попрошу его вытащить меня из этой авантюры. Когда другие спали, я заговорила с ним.

- Вы могли бы забрать меня в Кировабад?

Он решительно покачал головой. Вероятно, у него были веские причины, чтобы держаться подальше от цивилизации, но я была в полном отчаянии. Я погладила свой живот и знаком показала, что я совсем обессилела. Наконец он кивнул.

- У меня есть осел. Сколько вы заплатите?

Он не собирался отвозить меня назад, но, по крайней мере, я могла бы ехать дальше с большим комфортом. В моем чемодане лежал серебряный пистолет; пастух любовно погладил его и спрятал под своим матрацем.

Рано следующим утром мы зажгли пять сигнальных костров – заранее подготовленное предупреждение нашим помощникам у реки, что мы были готовы к последнему этапу путешествия. Мы оставили последние ружья пастуху и отправились в путь в хорошем состоянии духа. Мой осел был небольшим животным, которое не спотыкалось и, казалось, само знало дорогу, и мы двигались намного быстрее. К вечеру второго дня мы вышли к краю горного обрыва. В трехстах футах под нами вилась через расселину в горах река Аракс, а за нею

лежал свободный мир. Мы были почти у цели! Юрий сказал, что его помощники говорили ему, что попытаться пересечь границу нужно только рано утром. Поэтому мы в последний раз поставили нашу палатку, сделали чай и доели то, что осталось из наших припасов. Мы проснулись до рассвета и, оставив все наше походное оснащение, начали долгий спуск со скалы вниз.

Первая часть была очень крутой, и мы спускались вместе на веревке. Первым спускался Юрий, затем я, потом два немца. Вскоре после того, как мы начали, разразилась внезапная буря. Стало очень темно, дождь и ветер стегали нас, и мы боялись, что нас унесет с обрыва. Несколько минут мы не могли двинуться ни в одном направлении; и затем, так же внезапно, как она началась, буря утихла. После этого небо стало как раз достаточно светлым, чтобы мы могли увидеть, куда идем. Мы промокли до нитки, и я заметила, что мои руки были запачканы красновато-коричневыми пятнами, от краски, которая текла из карманов моего костюма. Это, казалось, не имело большого значения.

На полпути вниз мы остановились для отдыха. Под нами мы теперь могли видеть деревянные наблюдательные вышки, колючую проволоку и пулеметы – все принадлежности границы. Вторая половина спуска была намного легче, и мы спускались без веревки. Мужчины шли вперед, проверяя камни и показывая мне, куда ставить ноги. Как только кто-то смещал камень, мы задерживали дыхание, пока камень с шумом катился вниз. Ничего не происходило. Спокойно и внимательно мы ползли дальше. Теперь путь стал легче, и каждый нашел свою собственную дорогу. Остен и Вильперт ушли далеко вперед, Юрий был следующим, а я отстала.

Внезапно огромная черная змея скользнула через мою тропу. Я невольно вскрикнула и отскочила назад. Я упала на валун, который оторвался от скалы и покатился, подпрыгивая, вниз в ущелье, с грохотом, похожим на раскаты грома. Собаки начали лаять. Я утратила самообладание и громко стала звать Юрия.

ГЛАВА 8

Фамилия в Железной книге

Он в ту же секунду был возле меня, зажимая ладонью мой рот. Но было уже слишком поздно; пограничники уже что-то кричали нам, и треск выстрелов отражался эхом среди скал.

Затем в Юрия попала пуля; он упал на меня, и кровь сочилась из его рта. Лай, казалось, становился ближе. Я почувствовала острую боль в ноге и затем странную влажную теплоту. Внезапно собаки были над нами. Мы лежали неподвижно, прижавшись лицом к земле, пока стрельба не затихла, и кто-то не

отозвал собак. В полной тишине три лица с раскосыми глазами склонились над нами, эмалированная советская звезда мерцала на их фуражках.

Двое солдат унесли Юрия; третий оторвал бинт и перевязал мне ногу; только тогда я поняла, что меня подстрелили. Потом пришло еще несколько пограничников с носилками, и меня отвезли вниз на пограничный пост. Юрий лежал на полу, с серым лицом, с окровавленным бинтом на груди. Когда меня относили мимо него в другую комнату, он еще смог слабо улыбнуться.

- Пока, Леночка!

Когда они поставили носилки и оставили меня одну, то состояние шока, в котором я была, начиная с того момента, когда увидела змею, внезапно сломалось, и я начала плакать и кричать. Я знала, что это был бессмысленный, бесполезный шум, но я не могла остановиться. Я продолжала и продолжала. Дежурный сержант вошел и с неодобрением посмотрел на меня.

- Ты кричишь как свинья, которую режут!

Я много раз громко звала Юрия.

- Притащите сюда этого ублюдка, – сказал сержант. – Может быть, тогда она успокоится.

- Уже поздно, товарищ, – ответил другой пограничник. – Он умер.

Позже меня на машине скорой помощи отвезли в больницу в Баку, где мою ногу проверили и перебинтовали.

- Пуля прошла навылет, – сказал одобрительно врач. Когда он закончил, вошли трое мужчин в штатском. Один из них сфотографировал меня со всех углов, в то время как двое других засыпали меня вопросами:

- Где фотографии?

- Какие фотографии?

Человек показал на мои руки. – Не пытайтесь увиливать! Вы проявляли фотографии, не так ли?

Мои руки были все еще коричневыми от краски с моего костюма; я понятия не имела, что при проявлении фотографий руки приобретают такой цвет, потому что я никогда этим не занималась. Но они не поверили моему объяснению.

- Как вас зовут?

- Елена Кирилловна Пушкова.

- Бросьте! Ваше настоящее имя!

- Елена Пушкова, родилась во Львове на Украине.

- Пусть будет по-вашему. Вас сбросили с парашютом, я предполагаю?

Я не потрудилась ответить.

- Скажите нам, кто ваши связники. Кем были те трое мужчин?

Значит, Вильперт и Остен тоже мертвы, иначе они бы уже знали их имена. Моя нога причиняла боль, и я чувствовала, что ребенок шевельнулся во мне. Я закрыла глаза и игнорировала вопросы.

В течение целой недели я не говорила вообще ничего. Они поставили вокруг моей кровати яркие лампы и допрашивали меня днем и ночью, а я молчала. Затем однажды утром пришел человек, отличавшийся от других. Он был один, и он пододвинул стул, положил свой портфель себе на колени и посмотрел на меня с мягким выражением лица.

- Доктор сказал мне, что вам намного лучше, и ребенок тоже в порядке. Я этому действительно рад. Позвольте представиться: меня зовут Боверман, и я специально приехал из Москвы, чтобы увидеть вас. Теперь мы узнаем правду, не так ли? Как вас зовут?

- Елена Кирилловна Пушкова.

Боверман улыбнулся. – Да, кстати, к вам посетитель.

(Возможно, под именем Боверман здесь фигурирует Яков Михайлович Броверман, с 1946 года заместитель начальника секретариата МГБ СССР. – прим. перев.)

Яков Броверман

Он отошел и открыл дверь, и два охранника привели в комнату Андрея. Он выглядел измученным, небритым и бледным. Я разрыдалась. Андрею не разрешили прикоснуться ко мне.

- Не волнуйся, дорогая, – сказал он дрожащим голосом. – Мы со всем разберемся. Я был членом партии с 1938 года.

Он похлопал по карману своего пальто. – У меня как раз с собой мой партбилет. Мы скоро будем свободны, ты увидишь.

- Достаточно! – Голос Бовермана был вполне дружелюбным. Он кивнул охранникам, и те увели Андрея.

- Теперь давайте продолжим. 16 сентября вы уехали из Кировабада вместе с двумя немецкими инженерами Вильпертом и Остеном, и третьим человеком, чтобы сбежать через персидскую границу.

- Нет! Мы просто поехали на охоту.

- В вашем положении? – сухо спросил Боверман. – Так или иначе, четыре дня спустя ваш муж вернулся из Москвы и последовал за вами.

Я была ошеломлена. – О, нет! Это все совсем не так! Мой муж ничего об этом не знал. Вы должны поверить мне!

- Мы обо всем узнаем в свое время. В настоящее время нас интересуете вы. На кого вы работаете?

- Ни на кого! Я уже говорила вам. Мы поехали на охоту и заблудились, и пограничники открыли по нам огонь.

Его глаза сузились. – С каких это пор немецким инженерам-ракетчикам разрешили охотиться где-то поблизости от границы?

- Это было нашей ошибкой. Мы часто приглашали их пойти с нами.

- А кто это «мы», могу я вас спросить, ведь вы же говорите, что ваш муж не знал, где вы были?

Казалось невероятным, что они не узнали, кем был Юрий; все, что я могла делать, это продолжать импровизировать. Я сказала, что он был моим старым другом по Львову, что его звали Соколенко. Боверман открыл свой портфель и вручил мне измятый листок бумаги; это был один из отвергнутых мною вариантов той записки, которую я перед отъездом оставила Андрею. В ней говорилось, что Юрий был моим любовником.

- Это – этот человек?

- Да, это он, Юрий Соколенко.

- Когда ваш муж только что был здесь, у меня не сложилось такое впечатление, будто бы вы обманывали его.

Боверман снова положил записку в свой портфель и покачал головой, почти печально.

- Вы не очень-то хорошо умеете лгать! Рассказать вам, что произошло на самом деле? Вы работали на американцев; я не знаю, сколько времени это продолжалось, но мы узнаем. У вас было подходящее место работы, на ракетном полигоне, и я рискну сказать, что ваш муж обсуждал с вами свою работу. И затем по каким-то причинам вы решили уехать, и вы взяли этих двух немцев с собой в качестве награды, так сказать. Этот человек, которого вы называете Юрием Соколенко, должно быть, был вашим связником – но он не мог быть единственным. Скажите мне, кем были другие!

Я покачала головой, закрывая мои глаза так, чтобы Боверман не видел мое облегчение. Очевидно, он не очень много знал. Андрей не заговорил, и я сама решила больше ничего не говорить.

День за днем, неделя за неделей, иногда в середине ночи, Боверман приезжал и сидел около моей кровати. Я ничего не говорила ему; я чувствовала себя больной и несчастной, и ребенок больше не шевелился. Однажды я получила посылку из Кировабада; моя горничная послала кое-какую одежду для меня и ребенка. Они позволили мне оставить одежду для меня, но забрали детские

вещи, что вызвало у меня бурю плача и криков. Значит, они тоже думают, что ребенок мертв? Я плакала и кричала полночи, и охранник в моей комнате продолжал ругаться низким голосом.

Наконец, к моему восторгу, ребенок у меня в животе зашевелился снова, и я сама немедленно почувствовала себя лучше. Но я не испытывала желание нарушить свое молчание.

Затем однажды утром мне приказали встать, на мою ночную рубашку набросили одеяло, и меня вывели наружу к машине скорой помощи. Медсестра и один из охранников сопровождали меня, и нас привезли из Баку на аэродром, где ждал маленький самолет. Мне помогли забраться в него и разрешили лечь на носилки. Затем Боверман и два офицера КГБ сели в самолет.

- Куда вы меня везете? – спросила я. – Я хочу остаться там, где мой муж.

Боверман наклонился ко мне. – Вашего мужа увезли некоторое время назад. Если вы хотите сделать признание, я в вашем распоряжении. А если нет, тогда молчите!

Я закрыла глаза. Позже из беседы мужчин я поняла, что целью нашего путешествия была Москва.

*

Город был покрыт снегом. Меня посадили в машину скорой помощи, и я сидела закутанной в одеяло, пока автомобиль несся по холодным улицам. Он остановился во внутреннем дворе, окруженном высокими зданиями, и меня вдоль бесконечных коридоров привели к комнате, на двери которой висела табличка «Приемная». Женщина в форме спросила, были ли у меня какие-либо жалобы на мой конвой. Я посмотрела на медсестру и охранника.

- Нет. Жалоб нет.

Женщина расписалась на каком-то бланке и вручила его охраннику, и он и медсестра покинули комнату без слов. Я чувствовала, что пора было спросить кого-то, что происходит.

- Скажите, пожалуйста, где я?

Женщина уставилась на меня, подняв брови. – В тюрьме, конечно. А теперь пойдем, разденьтесь для вашего медосмотра.

Внезапно я поняла, где я оказалась – на Лубянке, в тюрьме, пользующейся самой дурной славой во всем Советском Союзе. Во времена царей Лубянка была роскошным отелем; ее история как тюрьмы началась после революции.

Целые поколения «врагов народа» заселяли ее камеры, включая старых соратников Ленина, прежде чем Сталин избавился от них. Теперь это было тихое место, которым управляли с плавностью укоренившейся рутины.

Мне дали кусок мыла и сказали, чтобы я приняла душ; затем мне выдали обычное армейское нижнее белье, солдатскую форму коричневого цвета, и тяжелые ботинки. Женщина-врач назвала мое состояние удовлетворительным, и, наконец, мне разрешили отдохнуть.

Через некоторое время за мной пришел надзиратель, и меня по множеству коридоров привели в небольшую комнату, где за столом сидела пожилая женщина в форме. Мне приказали стоять лицом к стене. В течение нескольких минут ничего не происходило. Никто не говорил. Я начала спрашивать себя, сколько я еще могу простоять, не упав в обморок, когда старуха рявкнула мне:

- Повернитесь и подойдите сюда!

Единственной вещью на столе была большая книга с металлической обложкой – «Железная книга» Лубянки. Она было открыта, и фамилией на странице была моя собственная фамилия, с моей датой рождения, и, в другой колонке, «доставлена 10.10.1949».

Мне приказали расписаться в этой книге, затем надзиратель провел меня по длинному коридору с зелеными и красными лампочками, и в лифте поднялся со мной на шестой этаж. В комнате 656 меня ждал первый допрос.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА 9

Справедливый суд

Это вся правда о том, как я оказалась на Лубянке. Достаточно иронично было то, что эта правда была для меня менее опасна, чем та шпионская история, которую они придумали; но она уничтожила бы Андрея, и я была решительно настроена спасти его, если я могла.

Они были достаточно вежливы, в тот первый раз в комнате 656. Я повторила свой рассказ о поездке на охоту, и через час меня увели. Моя камера тоже оказалась для меня сюрпризом. В ней были кресла, стол, кровать с белыми простынями, и раковина с горячей и холодной водой. Я слишком устала, чтобы воспринять все это в ту ночь, и немедленно заснула. Утром ко мне пришел Боверман.

- Как вы, моя дорогая? Условия вовсе не плохи, не так ли? Вы можете видеть, что в Советском Союзе мы знаем, как обращаться с заключенными должным образом.

Я подумала о лагере в Новосибирске и ничего не сказала. Боверман, все время улыбаясь, вытащил из своего портфеля карандаш и бумагу и положил их на стол.

- Ну вот. А теперь посидите здесь и напишите полное признание. Назовите своих работодателей и свои контакты; чем больше вы напишете, тем лучше для вас. Если вам что-то будет нужно – вот телефон. Вам нужно только поднять трубку.

В течение четырех дней меня хорошо кормили и со мной внимательно обращались. Если не считать отсутствия свободы, я была тут почти как постоялец в отеле. Я отлично знала, что взамен от меня ожидали информацию, но листки бумаги оставались чистыми. Когда Боверман снова приехал, он был разъярен; это был первый раз, когда он вышел из себя во время беседы со мной. В каком-то смысле было почти облегчением обнаружить, что у него были человеческие чувства. Меня отвели в комнату для допросов и подвергли намного более грубому допросу. Мне светили яркой лампой в лицо, угрожали и издевались. Руководителем бригады следователей был рыжий человек с зелеными, как у кота, глазами. Он схватил меня за плечи и сильно тряс. При этом он кричал: – Если бы ты не была беременной, я бы все кости тебе переломал в твоем чертовом теле!

После этого я упала в обморок. Врач ухаживал за мной со стерильным безразличием, и затем меня вернули в мою камеру.

Следующие несколько недель меня постоянно перемещали. Иногда я оказывалась в общей камере с преступницами и проститутками; иногда я была в одиночной камере. Допросы всегда происходили без предупреждения в любое время дня или ночи. Вопросы всегда были одни и те же, как и обещания – свобода, как только я скажу правду. Я не верила им и не собиралась поддаваться.

Однажды рыжеволосый человек положил передо мной готовое признание и приказал мне подписать его. Когда я отказалась, он ударил меня в лицо кулаком, и из моего носа пошла кровь. Это было первое реальное насилие, которое ко мне применили, и моей реакцией была слепая ярость. Я попросила карандаш и бумагу, и написала записку, угрожая пожаловаться на обращение со мной, как только я буду освобождена. Это был абсурдный жест; у меня не было никакой надежды на освобождение – и во всей России не было никого, к кому можно было бы обратиться с такой жалобой.

Допросов больше не было. Вместо этого меня оставили в одиночной камере на много недель. Два раза в день приносили еду; иногда приходила женщина-врач и осматривала меня; большую часть времени я плакала в одиночестве. Затем, наконец, однажды в декабре в камере установили еще одну кровать. У меня должна была появиться сокамерница.

В камеру принесли девушку, которую я знала, молодую еврейку по имени Шура. Она была особенно добра ко мне, когда мы были вместе в общей камере. Она была без сознания, и кровь капала из угла ее рта. Я, как могла, вытирала губкой ее распухшее лицо, и через некоторое время она немного пошевелилась. Я спросила ее, что же произошло.

- Они бьют меня, – прошептала она, но из-за этого усилия она закашлялась и начала харкать кровью. Я дала ей выпить ложку воды и затем дала ей уснуть.

Она пролежала два дня, и на третий вечер ее унесли для следующего допроса. На следующее утро ее принесли на носилках. Я смогла узнать Шуру только по ее темным волосам. Когда я беспомощно встала на колени около нее, светло-красная кровь внезапно полилась из того, что оставалось от ее носа и рта. Я стучала по двери камеры и кричала, и теперь женщина-врач поспешила войти с двумя надзирателями. Шуру накрыли одеялом и унесли.

В тишине, которая последовала, я пришла в бешенство. Я колотила своей оловянной кружкой по двери и во весь голос вопила: – Убийцы! Звери! Бандиты!

Это было так же бесполезно, как любой другой протест в этом месте, но мне уже было все равно; мое здравомыслие висело на ниточке. Они пришли и влепили мне пощечину, чтобы заставить меня замолчать. Потом они вынули булавки из моих волос, оторвали металлические пуговицы от моей одежды, и поместили меня в маленькую камеру с резиновыми стенами в полной темноте.

Я понятия не имею, сколько времени я провела там. Время от времени появлялась узкая полоска света, когда дверь приоткрывалась, и кто-то засовывал в камеру хлеб и воду. Все остальное время я в одиночестве сидела в темноте, неспособная отличить ночь от дня. Когда, наконец, они пришли за мной, я слишком окоченела от холода, чтобы встать, и им пришлось почти нести меня к лифту. Но тогда, к моему удивлению, меня отправили спать в ту самую роскошную камеру, которую я занимала, как только попала сюда. Это все абсолютно сбивало меня с толку.

Несколько дней спустя приехал Боверман, чтобы увидеть меня, в безупречной униформе вместо серой штатской одежды, которую он обычно носил. Его глаза уставились на мою наполовину расстегнутую тюремную блузу.

- Вы выглядите очаровательно, моя дорогая. Я настолько рад видеть, что вы снова хорошо себя чувствуете.

- Я вовсе не чувствую себя хорошо! – резко возразила я. – Я не могу прекратить думать о Шуре.

- Кто такая эта Шура?

- Одна из ваших заключенных. Ее избили до смерти. Она умерла в моей камере.

- Ах, да, – сказал он небрежно, – теперь я вспомнил. И из-за этого был весь этот шум?

Я вскочила и ударила его по лицу. Удар мой, возможно, не причинил ему сильную боль, но он стер его показное дружелюбие. Он схватил меня за запястья и насильно посадил меня обратно на мой стул.

- Прекрати, глупая сука! Или ты не понимаешь, что это твой последний шанс? Дай мне имена твоих связников, и завтра ты будешь свободна. А не то...

- А не то, что?

Боверман укоризненно покачал головой. – Разве вам никто не сказал? Через три дня ваше дело передадут в суд.

Так вот почему мне вдруг устроили такие удобства и так хорошо кормили! Мне даже выдали новую и прилично выглядящую одежду из теплой серой фланели. Очевидно, было важно, чтобы заключенный, появляющийся на публике, своим видом способствовал хорошей репутации системы.

Когда меня вели в зал суда в первое утро процесса, я с ужасом увидела, что Андрей тоже был на скамье подсудимых. Мы были в отдельных деревянных боксах на противоположных сторонах зала. Он выглядел ужасно; его голова походила на череп, лишенный волос, с серой кожей, натянутой на выступающих скулах. Инстинктивно я двинулась в его сторону и протянула к нему руки; надзиратель остановил меня и приказал, чтобы я вела себя спокойно. Андрей не смотрел на меня. Я сидела, беспомощно плача, пока не объявили, что суд идет, и мы все должны были встать.

Андрей и я должны были оставаться стоять, пока секретарь вслух зачитывал обвинительный акт. На это потребовалось очень много времени, и к концу мои колени начали подкашиваться, и надзирателю пришлось поддерживать меня. Версия обвинения против меня была фактически тем же самым признанием, которое Боверман так долго пытался заставить меня подписать. Андрея обвиняли в том, что он знал о моем плане побега и ничего не сделал, чтобы остановить меня и сообщить властям. Наконец, когда невыразительный голос продолжал гудеть, он поднял голову и наши взгляды встретились через переполненный зал суда.

Когда секретарь сел, председатель суда обратился ко мне. – Вы действительно жена обвиняемого Сидорова?

- Да.

- Прошу вас рассказать суду, как и почему вы предприняли эту попытку убежать 16 сентября.

Как мне показалось, уже в тысячный раз, я повторила свою историю о поездке на охоту.

- Что этот человек Юрий Соколенко делал в Кировабаде?

- Он оставался у нас, потому что на Украине был голод.

- Замолчите! – резко выпалил судья. – Нигде в Советском Союзе нет никакого голода! И если вы поехали на охоту, почему у вас не было ружей?

- Их украли, пока мы спали. И затем мы заблудились, и мы только тогда поняли, что были близко к границе, когда пограничники начали стрелять.

- Прекратите оскорблять суд своими сказками!

Это был главный обвинитель, фиолетовый от гнева, он колотил кулаком по столу.

Я простояла на ногах в течение достаточно долгого времени, и в тот момент я упала в обморок. Когда я очнулась, я была на кровати в небольшой комнате с дежурной женщиной-врачом, и я оставалась там на всю оставшуюся часть дня, в то время как процесс продолжался без меня.

Следующим утром несколько офицеров с Кировабадской ракетной базы ждали в суде, чтобы дать свидетельские показания. Среди них я заметила подполковника Абрамова, моего бывшего начальника, и майора Павлова, чрезвычайно красивого человека, который был кем-то вроде предмета обожания у офицерских жен на военной базе. Далее в очереди сидел подполковник Зарубкин, заместитель Андрея, и я почувствовала себя плохо от страха, когда увидела его. Мало того, что он хотел получить должность Андрея, но у него была еще одна серьезная причина не любить нас обоих. И в этом, как и во многом другом, была полностью виновата я. Он и его жена были когда-то нашими близкими друзьями, но Зарубкин вдруг увлекся мною, а я не сделала ничего, чтобы отвадить его. Это все закончилось ужасной сценой, во время которой я назвала его некрасивую толстую жену «ревнивым бегемотом». С тех пор мы не поддерживали отношения, и я была уверена, что он приехал, чтобы отомстить нам.

Едва вошли судьи, как у меня случился приступ тошноты, и меня пришлось вывести. Было принято решение, что я не обязана была присутствовать при выступлениях свидетелей, и мне разрешили лечь. Но уже скоро я не могла выдержать того, что не знала, что там говорили обо мне. Поэтому я упросила разрешить мне вернуться.

Как раз допрашивали подполковника Абрамова. Он твердо стоял прямо, уставившись на портрет Сталина на стене позади скамьи судей. Обвинитель только что закончил расспрашивать его, взяли ли немецкие инженеры, Вильперт и Остен, что-нибудь с базы, когда они ушли.

- Нет.

- Как много времени прошло, пока обвиняемый Сидоров вернулся из Москвы?

- Мы сообщили полковнику Сидорову...

- Не называйте обвиняемого полковником! – прервал обвинитель.

- По нашей рекомендации, – продолжал Абрамов, – обвиняемый сократил свою служебную командировку и вернулся четыре дня спустя.

- Обвиняемая Пушкова работала в конструкторском бюро базы под вашим руководством. Вы когда-либо замечали что-нибудь в ее поведении, что, возможно, заставило бы вас заподозрить ее в какой-то шпионской деятельности?

Абрамов быстро взглянул на меня и затем снова стал рассматривать Сталина.

- Обвиняемая Пушкова была хорошей переводчицей. Я никогда не замечал ничего необычного в ее поведении.

На этом показания Абрамова закончились. Следующим свидетелем был майор Павлов.

- Каковы были ваши отношения с обвиняемой Пушковой?

Павлов, худой и изящный, нахмурившись, глядел на обвинителя. – Я не думаю, что понял ваш вопрос.

- Я спрашиваю вас, часто ли вы встречались с ней неофициально, не в рабочее время.

- Нет, не часто. Но я любил танцевать с ней на официальных вечеринках.

- Обвиняемая когда-либо расспрашивала вас о чем-то или показывала особый интерес к ракетной технологии?

- Нет, такого я не помню. Но иногда мне нужна была ее помощь в общении с немецкими инженерами. Естественно, мы имели дело с техническими вопросами.

Обвинитель заговорщически наклонился вперед. – Скажите, вы верите, что обвиняемая занималась шпионажем на ракетной базе?

Павлов выглядел очень возмущенным. Он посмотрел прямо на меня и ответил твердым голосом: – Нет! Я никогда не поверил бы в это!

Затем настала очередь Зарубкина. Мое сердце колотилось, когда он дал присягу, и я ожидала, что он уничтожит нас. Обвинитель спокойно приступил к допросу.

- Подполковник Зарубкин, вы были заместителем обвиняемого Сидорова?

- Да, был.

- Когда вы позвонили ему в Москву, чтобы сообщить ему об исчезновении его жены, он поручил вам искать этих двух немцев?

- Нет, о них он ничего не сказал. Полковник был в отчаянии из-за беспокойства о....

- Не называйте обвиняемого полковником! – прервал его судья. Зарубкин слегка поклонился, и обвинитель продолжил.

- Что произошло, когда обвиняемый вернулся на базу?

- Он вызвал свою машину и поехал в горы.

- Он не поднял тревогу?

- Нет.

- Это не вызвало у вас подозрения?

- Нет, потому что я предполагал, что он согласовал свой план действий с начальством в Москве. Когда он не возвратился к следующему утру, я позвонил в Москву, и впоследствии поднял общую тревогу. Обвиняемый затем был арестован в горах сотрудниками госбезопасности. Он сказал, что искал свою жену и этих двух немцев.

Зарубкин посмотрел на Андрея, как будто приглашая его подтвердить это объяснение, но Андрей по-прежнему смотрел в пространство.

Тогда встал второй обвинитель.

- Подполковник Зарубкин, вы должны были по службе иметь дело с обвиняемой Пушковой. У вас никогда не было никаких подозрений, что она могла бы быть шпионкой?

- Если бы у меня были какие-то подозрения, я тут же сообщил бы о них прямо в центральное управление.

- О каком центральном управлении вы говорите?

- О КГБ. Я – офицер контрразведки базы, и это моя обязанность – сообщать о чем-либо даже в малейшей степени подозрительном.

- Могли бы вы дать суду краткую характеристику обвиняемой?

- Ее работа как переводчицы была превосходна, – сказал Зарубкин после небольшой паузы. – Ее поведение было всегда корректным, и своим усердием она подавала пример всей остальной части нашего гражданского персонала.

- Вы были в дружеских отношениях с обвиняемой?

- Какое-то время моя жена и я часто встречались с обвиняемым Сидоровым и обвиняемой Пушковой. Но потом, как это часто бывает, наши жены поссорились, и дружба закончилась.

Зарубкин смотрел прямо на меня, когда он говорил, и я могла почувствовать, что я покраснела от стыда и смущения.

Я ожидала от него свидетельских показаний с целью мести; вместо этого, он был так добр и щедр, насколько это было возможно.

ГЛАВА 10

Родовые схватки

Во время обеденного перерыва я чувствовала абсолютную уверенность, что и Андрей и я будем оправданы. Против нас не было никаких доказательств; никто из свидетелей не сказал ни одного неблагоприятного слова. Должно было пройти всего нескольких часов, и мы снова будем вместе и свободны. Я возвратилась в зал суда почти беспечно.

Вторая половина дня была заполнена длинными речами прокурора, за которыми последовали короткие выступления защиты. Обвинитель потребовал для

каждого из нас по двадцать пять лет каторжных работ. После этого адвокат, которого я, во всяком случае, никогда раньше не видела, обратил внимание судьи на выдающуюся военную карьеру Андрея и на мою молодость и беременность. Я не могла поверить своим ушам; все вели себя так, как будто бы они все еще думали, что мы виновны!

Наконец, Андрею и мне по отдельности разрешили еще раз сказать, что я не была шпионкой, и затем судьи удалились для вынесения приговора. Я провела час в небольшой приемной; мне дали чай и бутерброды, но я ничего не могла проглотить, и когда меня снова ввели в зал суда, я дрожала так, что едва могла стоять.

Председатель суда вслух зачитывал длинное заявление торопливым, монотонным голосом. Он повторил все, в чем обвинитель обвинил нас, и затем он перешел к приговору Андрея – десять лет в трудовом лагере и три года лишения гражданских прав. У меня в ушах внезапно возник какой-то громкий гул, и я потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, я была на кровати, и женщина-врач склонилась надо мной.

- Соберитесь с силами, – сказала она резко, – а то вы упустите шанс увидеть вашего мужа! Тогда она подошла к двери и открыла ее. – Теперь можете его ввести.

Андрей был смертельно бледен и тяжело дышал. Он поцеловал меня, и мы крепко обнялись на мгновение.

- Не теряй надежду, любимая, – бормотал он, – я обжалую приговоры, и мы победим, я уверен.

Слезы лились вниз по моему лицу. – Андрей, это все была моя вина! Мне так жаль! Прости меня! Ты сможешь простить меня?

- Все будет хорошо. Не волнуйся. Только позаботься о самой себе и о ребенке. Я всегда буду думать о вас обоих.

Затем охранники увели его. Я забыла спросить его, каким был мой собственный приговор.

*

Рыжий комендант на Лубянке сказал мне, что мне дали шесть лет, и добавил свое мнение, что мне очень повезло, что я так легко отделалась. Для меня это походило на вечность, и я всю ночь прорыдала на своих твердых нарах. По совпадению это снова был Сочельник, хотя там никто не знал бы об этом.

28 декабря меня перевели в Бутырку, одну из самых больших, самых старых и самых мрачных тюрем во всей России. Камера 81, куда меня посадили, ясно напомнила мне блатной барак в Новосибирске. Здесь был тот же самый зловонный сильный запах, как только дверь была открыта, и меня охватили отвращение и депрессия. Неужели мне действительно доведется пережить все это снова?

Камера была рассчитана на тридцать обитателей, но в ней содержалось более чем в два раза больше узниц. Я не могла найти место, чтобы лечь; наконец, какая-то молодая женщина сжалилась надо мной и пригласила меня разделить с ней ее участок на полу. В четыре часа каждое утро сто женщин боролись за использование пяти туалетов и пяти кранов с холодной водой; и в течение пятнадцати минут каждый день мы ходили по тюремному двору. Остальную часть времени я лежала или сидела на твердых и грязных досках, пока на четвертый день у меня не начались родовые схватки.

В родильном отделении тюремного лазарета было около двадцати женщин. Это была такая роскошь – снова оказаться на настоящей кровати, что я немедленно уснула – чтобы позже быть разбуженной громким смехом и пением. Мои соседки, неопрятные женщины на последних днях беременности, танцевали и резвились по всей палате, размахивая бутылками водки и распевая похабные песни. Я натянула простыню на голову, но никак нельзя было ускользнуть от этой нелепой и ужасающей сцены.

- Вставай и присоединяйся к нам, дорогуша! Мы тоже любим повеселиться, если можем. Мы празднуем Новый год!

Восхитительно красивая девушка с темными волосами и голубыми глазами присела на мою кровать. Она проигнорировала мои протесты и протянула мне кружку водки.

- На, выпей. Меня зовут Зина. А тебя?

Я сказала ей.

- Что ты натворила?

- Я политическая.

- Ага, значит, ты самая опасная из нас всех! Неважно, выпей и забудь свои заботы.

Это была хорошая водка, и я скоро начала чувствовать себя довольно веселой. Зина сказала мне, что другие женщины все были мелкими преступницами. Сама она была признана виновной в убийстве; что давало ей определенное положение среди них; также именно ее поклонник тайно проносил сюда водку.

Когда все мы познакомились друг с другом, я поняла, что мое положение внушало даже больше уважения – я была политической заключенной, женой полковника, и, самое необычное из всего, я старалась мыться на протяжении каждого дня.

Мои первые боли были ложной тревогой, но врач разрешил мне оставаться в палате, и 4 января схватки начались по-настоящему. Все женщины собрались вокруг моей кровати. Но меня перенесли в комнату для родов и оставили одну на холодном, покрытом резиной столе. В течение ночи Зина принесла мне несколько одеял, но утром акушерка убрала их, жалуясь, что они не были стерильны. Зина быстро вернула их назад и запугала акушерку, чтобы та позволила мне оставить их, и следующей ночью она принесла мне чай и мед. К тому времени я была очень слаба; и снова именно Зина нашла врача и настояла, чтобы он что-то сделал для меня. Мне сделали укол, и наконец, 6 января 1950 года у меня родился сын. Это было православное Рождество, и колокола звонили по всей Москве.

Четыре дня спустя Зина родила девочку, и мы были вместе в палате новорожденных с нашими младенцами. Были времена, когда я лежала в чистой светлой комнате с маленьким Аликом на моих руках, что я чувствовала себя почти счастливой.

Когда мы отошли после родов, Зину направили на работу в тюремной кухне, и вскоре повар уже бегал за ней. Но в действительности она положила глаз на главного снабженца. У меня было достаточно молока для обоих младенцев, и я была, в общем, довольна моей работой в детском саду, в то время как Зина преследовала свои цели. Однажды ее мать приехала, чтобы навестить ее, обсудить прошение о помиловании. Я не знала, что такое бывает.

- И куда же можно его послать?

- Товарищу Швернику, председателю Президиума Верховного Совета. Но это должны сделать твои родственники на воле.

- У меня никого нет.

- Боже мой!

Зина нахмурилась. – Я подумаю об этом. Должно быть что-то, что ты можешь сделать.

Она была удивительной девушкой. Ее собственный срок был двадцать пять лет, и все же она, похоже, беспокоилась обо мне больше, чем о себе. На самом деле она казалась абсолютно уверенной, что она скоро выйдет.

- Много людей обязаны мне, – смеялась она. – А я пока напишу заявление, чтобы пойти в дом свиданий.

- А что это такое?

- Да ты вообще ничего не знаешь! Это такое помещение, мы можем провести один или два дня с нашими возлюбленными или мужьями – если мы хорошо себя вели, и если они сами не находятся в тюрьме.

- Я не могу поверить!

- Не будь дурой. Как же все эти женщины стали беременными? Некоторые из них сидят в тюрьме уже много лет!

В положенное время Зине дали чистое тюремное платье и увели. Спустя три дня она вернулась, выглядя ухоженной, элегантной и довольной.

- Ему даже разрешили увидеть ребенка! – ликовала она. – Он обожает дочку – и он хочет жениться на мне!

Три недели спустя она получила другое разрешение на посещение дома свиданий. На сей раз она взяла с собой ребенка и все свои вещи, и она никогда больше не вернулась. Я часто спрашивала себя, была ли она очень счастливой или же очень несчастной. Могло быть и так, и эдак. Я никогда больше ничего о ней не слышала.

*

Вскоре после того, как Зина исчезла, надзиратель разбудил меня в середине ночи и приказал мне следовать за ним, так же, как в былые времена на Лубянке. И так же, как в былые времена, Боверман ждал в комнате допроса. Он засмеялся, когда увидел мое удивление.

- Вы думали, что мы забыли о вас? Мы никогда никого не забываем, моя дорогая.

Я слабо улыбнулась в ответ. Почему-то я знала, что он не будет причинять мне боль, хотя теперь, когда я не была беременной, никто не мог знать, что могли бы сделать другие. Я вспомнила Шуру и задрожала. Боверман протянул мне руку.

- Поздравляю вас с рождением сына!

- Спасибо.

- А мы тем временем узнали, что вы немка.

Я ничего не сказала. Это могла быть ловушка.

- Прежде, чем мы начнем новое исследование, я советую вам сказать мне, кто вы, и кто был вашим связником. Вы должны только назвать одного агента, и вы немедленно будете свободны.

Это все было мне слишком ужасно знакомо. Вопросы, обещания и угрозы продолжались в течение трех часов, и затем меня, обессиленную, отвели назад в палату для новорожденных в тюремной больнице. Я не могла уснуть, а только лежала, ломая голову над тем, как они могли об этом узнать. Андрея пытали? Мысль об этом заставила мою кровь застыть в жилах.

Следующим утром меня перевели в изолятор для политических заключенных. Боверман пришел в мою камеру и положил на стол карандаш и бумагу.

- Я дам вам неделю. Напишите все, и затем мы вас освободим.

Я ждала в тишине, пока он не ушел.

Изолятор не был плох; моя камера была теплой и чистой, и еды было достаточно. В течение дня я работала в библиотеке с пожилой заключенной по имени Валентина. Она обратила мое внимание на маленький стол, за которым я сидела.

- Знаешь, здесь обычно работает Дора Каплан!

- А кто это?

Валентина была потрясена. – Ты хочешь сказать, что не знаешь! Она пыталась убить Ленина!

- Но она же не может все еще быть живой!

- Да, она жива. Ленин отменил ее смертный приговор. Она была здесь в течение почти тридцати лет. Сейчас она больна. Мы считаем честью для себя работать за ее столом.

Меня это не впечатлило; это было слишком давно, и я тосковала по Алику. С этого времени, они сказали, я могла видеть его только по воскресеньям. Моя грудь, полная молока, все время болела.

*

В конце недели Боверман вернулся и был в ярости, когда узнал, что я ничего не написала.

- Я же вам уже говорила, мне не в чем признаваться.

- В конце концов, вы все равно это сделаете, поверьте мне!

В тот же самый день меня вернули в общую камеру. В ней вообще не было коек; пол был покрыт гниющей соломой, и единственным источником света была маленькая лампа, которая горела днем и ночью. Другие женщины все были грязными, татуированными существами как блатные в Новосибирске, и работа, которую мы должны были делать, была так же плоха, как любая там. Мы были бригадой, строившей туннели для метро. Каждое утро в шесть часов нас сажали в грузовик, уже наполовину заполненный заключенными-мужчинами, и везли к месту работы, где мужчины копали замерзшую землю, а женщины носили множество рельсов и шпал. После восьми часов работы нас возвращали в нашу камеру, и нигде не было и следа человечности. По дороге на работу и обратно мужчины и женщины обменивались ругательствами друг с другом. Продовольственная порция составляла каждый день полфунта хлеба и миску капустного супа. Я была всегда голодной, всегда усталой; моя спина и грудь болели невыносимо, и ночью в соломе просыпались клопы и делали сон невозможным.

Я как-то продержалась неделю, чтобы увидеть Алика в воскресенье. В палате новорожденных один из сотрудников встретил меня.

- Ваш ребенок болен, гражданка.

Он спокойно лежал в своей детской кроватке. Я подняла и поцеловала его. Его лоб был горячим, и он, казалось, не знал, что я пришла. Я вернулась в камеру, оцепеневшая от горя. На следующий вечер после работы меня вызвали в тюремную больницу. Женщина-врач сказала мне, что у него была дифтерия, и может случиться так, что уже слишком поздно спасти его. Я встала на колени и обвила руками кроватку, где он лежал неподвижно.

- Сегодня вечером я не уйду! Я должна остаться с ним – пожалуйста!

В конце концов, мне разрешили остаться, и в течение многих часов я слушала слабое дыхание и его короткие лихорадочные стоны. Затем внезапно наступила тишина. Лицо Алика было синим. Я вскочила и кричала, пока не пришел врач – на сей раз мужчина. Он внимательно обследовал ребенка и затем накрыл его тело тканью. – Менингит, – сказал он, – мне очень жаль.

Я убрала ткань. – Нет, он не умер. У меня этого не будет! Вы должны спасти его!

Доктор посмотрел на меня через свои очки со стальной оправой. – Я могу попробовать поясничную пункцию, но это опасно для ребенка в таком возрасте, понимаете.

- Неважно, все равно попытайтесь!

После этого мне разрешили остаться еще на один день.

- Его шансы очень невелики, – сказал врач, – но, если бы вы могли кормить его грудью, это бы помогло.

К вечеру Алик действительно выглядел немного лучше, но мне приказали вернуться в бригаду строителей туннеля, и я должна была работать целый день прежде, чем смогла увидеть его снова. Следующим вечером, к моему ужасу, я нашла его лежащим на голом полу.

- Мне жаль, – сказала женщина-врач, – но кроватка понадобилась другому ребенку, который может выздороветь. Я действительно не думаю, что у вашего малыша есть большой шанс.

Докторша отвернулась, и меня отвели в камеру. На следующий день в туннеле сквозняк пронес мимо какую-то старую газету, и я автоматически схватила ее. Ею можно было набить мои ботинки. На первой полосе была фотография ребенка, лежащего в деревянном выдвижном ящике, и сверху заголовок: «В капиталистической Англии нет детских кроваток для детей рабочих!» Ниже шла статья о трудностях, от которых страдает рабочий класс на Западе.

Мое настроение отчаяния уступило место слепому гневу. Как такая глупость могла существовать? Что я не отдала бы, чтобы увидеть Алика уютно лежащим в ящике! Неужели никто в России не знает, что происходит? Как только нас вернули в тюрьму после работы, я сказала, что хочу сделать признание. Мне тут же принесли карандаш и бумагу. Я написала два письма; одно было обращением к товарищу Швернику, к которому я приложила фотографию английского ребенка; другое было к начальнику Бутырской тюрьмы с просьбой разрешить мне остаться с моим больным ребенком. Я спрятала первое письмо в своей стеганой фуфайке, и попросила, чтобы надзиратель доставил второе.

Бригадир, руководивший строителями туннеля, был некрасивым, но порядочным человеком, который иногда проявлял ко мне некоторую доброту – давал кусок хлеба, или позволял затянуться от его сигареты. На работе на следующий день я решительно спросила его, отправит ли он мое письмо Швернику. Ему не понравилась эта идея, но мне нужно было только немного поплакать, и он сказал, что отправит.

ГЛАВА 11

Важное назначение

Четыре дня спустя, вместо того, чтобы ехать работать в туннеле, нам приказали вычистить нашу камеру. Мы рассыпали по полу свежую солому, и затем нас повели в душ. Моя нижняя рубашка была липкая от молока и кишела вшами, но мне не пришлось снова надевать ее, потому что нам всем выдали чистое нижнее белье. Днем меня вызвали к начальнику тюрьмы. Он поинтересовался моим здоровьем, и я сказала ему, что смертельно беспокоюсь за Алика.

- Не теряйте надежду, – сказал он дружелюбно. – Ваш сын все еще жив, и врачи делают все, что могут. Было бы лучше, если бы вы вернулись в палату новорожденных.

Ни один из нас не упомянул мое письмо, и действительно все это, возможно, не имело никакого отношения к письму, потому что на следующий день приехала комиссия, чтобы осмотреть Бутырку. В комиссии было пять мужчин и две женщины, и работа начальника зависела от их хорошего отчета. Они двинулись всей толпой в палату для больных детей. На них были белоснежные халаты и маски, и они провели некоторое время, склоняясь над Аликом – теперь он снова лежал в детской кроватке, с чистыми простынями. Затем их глаза оценивающе осмотрели меня с головы до ног.

- У вас есть какие-то жалобы?

- Нет, особых жалоб нет. Если бы я только могла остаться со своим ребенком.

- Естественно. У вас достаточно молока, чтобы кормить его?

- Да.

- Тогда отлично!

Группа проверяющих снова быстро вышла.

Для всех других в тюрьме жизнь возвратилась в обычное состояние, как только они ухали, но мне разрешили остаться в палате новорожденных. Алик был слишком слаб, чтобы сосать грудь в течение больше чем нескольких секунд за один раз, поэтому я кормила его каждые полчаса, днем и ночью, я так хотела, чтобы он выжил, и постепенно мои надежды укреплялись.

13 марта меня разбудили рано утром, отвели, чтобы я могла принять ванну, и выдали чистую одежду. Затем мне вымыли и завили волосы.

- Что происходит? – спросила я медсестру. – Я никуда не уйду без Алика!

Она заверила меня, что я вернусь вечером.

В десять часов два офицера КГБ приехали за мной, и мы поехали по Москве в тюремном фургоне. Никто ничего не объяснял. Мы остановились перед большим желтоватым зданием, и меня провели по широким коридорам из розового мрамора. Один из офицеров предъявил красное удостоверение, и на нем ставили печать на различных этапах нашего маршрута. Мы проходили через мраморные залы, где люди стояли в ожидании и что-то шептали, и, наконец, достигли широкой лестницы. Служащий вытащил папку, которую один из моих конвоиров взял себе под руку, и мы пошли вверх по лестнице. На следующем этаже толстый красный ковер приглушал наши шаги, и никого не было вокруг. Теперь мы подошли к двери между двумя вооруженными охранниками. Они посмотрели на наши документы, и впустили нас.

Какой-то майор поднялся и положил книгу на огромный стол.

- Пожалуйста, напишите свое имя здесь.

Это был первый раз, когда кто-то заговорил со мной. Он был дружелюбно выглядевшим человеком приблизительно тридцати пяти лет; и после того, как он взял папку и отпустил двух моих конвоиров, он предложил мне сигарету. Я так дрожала, что я едва могла держать ее. Затем зазвонил телефон.

- Да, она здесь.

Другая дверь открылась, и человек в штатской одежде сказал, что мы можем войти. Следующая комната была невероятно роскошной; хрустальные люстры свисали с мраморного потолка; бесценные восточные ковры покрывали пол; все было очень большим и красивым. В центре всего этого, за гигантским столом с множеством телефонов сидел старик в темном костюме. Он серьезно посмотрел на меня в течение нескольких минут. Затем он попросил нас сесть, и спросил у меня мое имя. Мне пришлось откашляться прежде, чем я смогла ответить.

Он медленно кивал, но его взгляд был острым и проницательным.

- Вы знаете, кто я?

Я покачала головой. – Я председатель Шверник.

Невольно я снова встала. Он улыбнулся.

- Пожалуйста, сядьте! Я послал за вами из-за этого письма. Это же ваше письмо, не так ли?

Он протянул его мне, и я кивнула. Он вынул газетную вырезку и внимательно посмотрел на нее.

- Что именно так раздражает вас в этой фотографии?

Я поглядела на Шверника, и мне показалось, что в его глазах было что-то вроде искреннего интереса; хорошо, тогда он получит от меня честный ответ.

- Когда я увидела эту фотографию, мой собственный ребенок лежал на голом полу тюрьмы, в очень плохом состоянии, и я думала, вместо того, чтобы ругать Запад, было бы лучше...

Безымянный человек в штатском вскочил на ноги и оборвал меня. – Какое вам дело до Запада? Вы пытаетесь создать проблему?

- Конечно, нет! Я только...

- Замолчите! Вам должно быть стыдно. Ни один советский гражданин не должен говорить так!

- Но я не советский гражданин! – крикнула я и разрыдалась.

Добрый майор протянул мне носовой платок, и все трое мужчин молча наблюдали, пока я сморкалась.

У штатского на шее был длинный шрам, который покраснел, когда он кричал на меня. Когда он снова заговорил, шрам исчез, и его голос стал тихим и разумным.

- В вашем письме вы написали, что признаетесь только самому товарищу Швернику лично. Так как насчет этого? Другой такой возможности у вас не будет.

Я колебалась, не зная, с чего начать. Тогда председатель Шверник наклонился вперед над своим большим столом и улыбнулся.

- Расскажи нам все, маленькая немецкая девочка!

Николай Шверник

Так я и сделала. Я говорила больше часа, и никто не прерывал меня.

Это было замечательным облегчением говорить правду, не пытаясь скрыть ничего из нее. В конце я сказала: – Я знаю, что совершила много ошибок, но единственная вещь действительно на моей совести – это тот факт, что мой муж был признан виновным из-за меня. Я попыталась убежать только потому, что не хотела, чтобы он оказался втянут в эту беду. Я клянусь, как я всегда клялась, что он ничего не знал об этом, и что я никогда не была шпионкой.

Затем я посмотрела прямо на Шверника.

- Меня даже не волнует, что вы сделаете со мной, товарищ председатель. Я только прошу вас помочь моему сыну.

- А где ребенок сейчас? – хотел он знать, – и как он?

Встреча была прервана на обед. Мне дали бутерброды в приемной, и позже я должна была вернуться в кабинет Шверника и дать адреса всех, кого я упомянула. Человек со шрамом был там, с каким-то незнакомцем. Я колебалась из-за адреса Сони.

- Зачем вам нужен этот адрес? Вы ее не арестуете?

- Мы должны проверить ваше заявление. Если оно окажется правдой, то ни с кем ничего плохого не случится.

С печалью я дала им адреса.

- Спасибо, – сказал человек со шрамом. – Вы не должны чувствовать себя виноватой. Мы бы все равно получили их, так или иначе. Так это просто будет быстрее.

Шверник вышел из-за стола и положил руку мне на плечо.

- Если вы сказали нам правду, моя дорогая, вас помилуют; я лично вам это обещаю.

Он указал на человека со шрамом. – Товарищ Абакумов проверит ваше заявление, и затем он сообщит вам, что будет с вами в будущем. Но кое-чем мы уже можем вас обрадовать. Вашего сына будут лечить в московской детской больнице. Я надеюсь, что ему скоро станет лучше. Я желаю вам удачи.

Товарищ Абакумов не умел улыбаться.

- Пока вы останетесь в больнице с вашим сыном, – сказал он. – По всем другим вопросам майор Черников будет заботиться о вас.

Не раздумывая, я обняла его за шею и поцеловала его. Майор увел меня, и как только мы вышли за дверь, он рассмеялся.

- Что тут такого смешного?

- Я не думаю, – сказал он между приступами смеха, – что много заключенных целовали министра государственной безопасности!

Виктор Абакумов

После этого майор Черников повез меня по магазинам. Он только должен был показать свое красное удостоверение, и все продавцы спешили услужить нам и показать свои лучшие товары. Скоро я была одета так же роскошно, как любая богатая москвичка в те дни, и мы были оба загружены пакетами. Я была как в счастливом сне, когда мы шли назад к машине.

- Мы теперь поедем в больницу?

- Я не думаю, что нужно так спешить; ваш мальчик там, и он находится в хороших руках. Разве вы не голодны?

- Я всегда голодна!

Он направил водителя к известному ресторану, где мы обедали под музыку цыганского оркестра. Впоследствии, наслаждаясь вином, Черников пробежался по деталям моей новой жизни.

- Вы пока сохраните фамилию «Пушкова»; это будет проще для всех. Вы будете жить в больнице в одной палате с двумя другими женщинами. Если они спросят вас о вашем муже, скажете, что он находится в командировке во Владивостоке.

- Почему?

- Почему? Вы хотите им объяснить, что ваш муж...

- Нет, нет, конечно, нет! Простите!

- Я буду навещать вас достаточно часто, по указаниям товарища Абакумова. Я должен сказать, – он усмехнулся, – что это одно из самых хороших заданий, которые мне когда-либо давали! Но снова, если кто-либо спросит вас, то скажете, что я брат вашего мужа.

- Хорошо.

Он опять наполнил наши бокалы. – И теперь мы должны выпить за более близкие отношения. Если уж я должен быть вашим шурином, то мы не можем оставаться в таких формальных отношениях. Меня зовут Михаил Петрович, а мои друзья называют меня Мишей.

Он поднял свой бокал.

- За здоровье, Елена!

- За здоровье, Миша!

Позже, когда мы ехали в больницу, он поцеловал меня. Я не возражала.

Когда мы добрались туда, он захотел увидеть моего сына. В это время посещения были запрещены, но его красное удостоверение в очередной раз убрало все препятствия, и нас провели, чтобы мы могли увидеть спящего ребенка. Он выглядел таким спокойным.

- Как его зовут? – прошептал Миша.

- Александр, или Алик, если коротко.

- Александр Маленький! Вы только посмотрите, какие крошечные у него пальцы!

- Вы ведете себя так, как будто вы никогда прежде не видели младенцев!

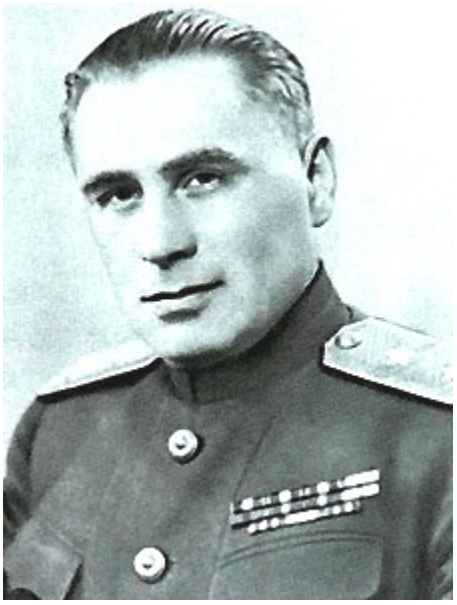
- Ну, по правде говоря, не видел. Во всяком случае, так близко. Я ведь холостяк, в конце концов!

*

Два дня спустя Миша привез ко мне незнакомца, который хотел видеть меня. Он представил его как своего друга Павла Анатольевича Судоплатова.

(У автора отчество Судоплатова ошибочно указано как «Антонович». – прим. перев.)

Оба мужчины были в штатской одежде и нагружены подарками для Алика и меня. В Судоплатове было что-то странное; он почти не говорил, но достаточно грубо пялился на меня все время визита. Кроме того, он казался слишком старым, чтобы быть другом Миши; но когда я на следующий день встретилась с Мишей один на один, он отказался обсуждать его.



Павел Судоплатов

*

Мы пробыли в больнице четыре недели, и затем наступил день, которого я одновременно с нетерпением ждала и боялась, когда врачи объявили, что Алик здоров. Что должно быть с нами теперь? Я с тревогой ждала посещения Миши; но когда он приехал, он уже знал, что нас выписали, и он был в приподнятом настроении.

- Но куда же мне пойти, Миша?

- В вашу новую квартиру, конечно! Я приеду и заберу вас завтра в десять часов утра.

Квартира была на втором этаже многоквартирного дома на Набережной Горького – гостиная, ванная, кухонька и балкон. Она была полностью меблирована и оснащена, в ней даже была ярко-красная детская коляска. Миша открыл дверь на балкон и впустил мягкий весенний воздух.

- Ну, как вам это нравится?

Моей первой реакцией, конечно, было недоверчивое восхищение; теперь я чувствовала первый приступ страха.

- Это прекрасно. Но почему вы делаете все это?

Его глаза постоянно были направлены на потолок.

- Не задавайте слишком много вопросов, Елена.

- О, Миша, я испугана! Я теперь уже немного знаю эту страну. Здесь никто ничего не получает просто так.

- Чепуха! Так или иначе, я только выполняю приказы. Мне приказали заботиться о вас, и я это делаю.

Он положил руки мне на плечи. – И в процессе этого вы мне очень понравились.

Я отвернула голову в сторону от его поцелуя. – Не забывайте, что я замужем!

- Я никогда об этом не забываю, – ответил он с грустью. – Нет ничего, что любой из нас может сделать, чтобы помочь вашему мужу, но я надеюсь, что кто-то скажет ему, что вы и Алик в порядке. Попытайтесь не переживать о нем слишком много.

- Ну, хорошо, но тогда почему я здесь?

- Если вы должны знать, то мы надеемся, что вы будете работать на нас.

- На КГБ?

- Да. И это – большая честь, как вы знаете.

- А если я не буду?

Миша положил меня на диван и обнял меня.

- Дело обстоит примерно так, Леночка. На вас все еще висят девять лет лагерей и почти шесть лет тюрьмы, которые вы должны отсидеть. Вы же не хотите передвинуть стрелки часов

назад, не так ли?

Я поняла, что сделаю абсолютно все, чтобы сохранить свободу.

ГЛАВА 12

Первое задание

Десять дней спустя я начала свою новую карьеру. Алика отвезли к матери Миши, которая была рада, что сможет снова заботиться о маленьком ребенке. А Миша привел меня в мрачное здание, которое заставило меня испугаться как напуганную лошадь.

- Но это же Лубянка! Я не пойду туда!

Он засмеялся. – Я боюсь, что вы должны. Мы сделали много для вас, но вы не можете ожидать, что мы переместим наш штаб!

В комнате 540 человек в генеральском мундире, с синими полосами КГБ на погонах, встал, чтобы поприветствовать меня. Это был «друг Миши» Судоплатов. Он улыбнулся моему удивлению и вручил мне бланк, который я должна была заполнить.

- Пожалуйста, заполните подробно эту анкету. Товарищ Черников поможет вам с этим.

Меня отвели назад в приемную прежде, чем я могла сказать хоть слово. В анкете было двадцать четыре вопроса, охватывающих не только мою собственную жизнь, но и жизнь моей семьи. Два часа спустя я подписала анкету, и Миша принес ее в кабинет генерала. В течение нескольких минут я могла только слышать их бормочущие голоса, и я была уверена, что они решили отвергнуть меня. Слишком много родственников за границей, возможно, или мое членство в организации девочек Гитлерюгенда. Я был почти готова к тому, что меня снова отправят в тюрьму, когда Миша открыл дверь.

- Войдите, пожалуйста, товарищ.

Генерал Судоплатов усмехался широкой улыбкой.

- Это здорово, действительно великолепно! Польский, украинский и немецкий как иностранные языки, а еще молодость и красота!

Его глаза блуждали по мне с очевидной симпатией. – Мы уже долго искали кого-нибудь вроде вас.

Я волновалась от смущения, и генерал снова стал оживленным и деловым.

- Поступление к нам на службу дело полностью добровольное, конечно. Здесь в Советском Союзе мы никогда не принуждали бы никого устроиться на такую работу.

Я знала, что это было бесполезно, но что-то заставило меня сказать: – В этом случае, товарищ генерал, я не думаю, что возьмусь за это. Я лучше вернулась бы в Германию.

У Миши перехватило дыхание, а голова генерала дернулась назад, как будто я дала ему пощечину. Когда он заговорил, у его голоса был уже резкий тон.

- Вам следовало бы более реалистично посмотреть на вашу ситуацию. Или вы работаете на нас, или вам придется полностью отсидеть свой срок заключения. У вас действительно есть свобода выбора – но нет никаких других альтернатив.

Я склонила голову.

Миша привел меня на склад одежды, где мне выдали форму лейтенанта в КГБ, цвета хаки, с синими кантами, хорошо скроенную и привлекательную. Меня сфотографировали. И, к моему ужасу, мне выдали пистолет. Молодой армейский капитан провел два часа, пытаясь научить меня пользоваться им. Механика не была проблемой; я быстро научилась разбирать и собирать оружие. Но я так и не могла стрелять из него, не вздрагивая. Когда мы уходили, молодой человек сказал Мише: – Знаете, она никогда не справится с этим.

Я уже решила, что огнестрельное оружие было не для меня.

Наконец, я снова стояла перед генералом Судоплатовым, в форме и при оружии. Он вручил мне мое удостоверение в красной обложке и осмотрел меня со всех углов.

- Изумительно! Фантастика! Это точно так, как я и предполагал, как вы будете выглядеть. Какое впечатление это сможет произвести за границей! Но сначала у меня есть для вас сюрприз. Вы когда-либо видели нашего дорогого товарища Сталина?

Я покачала головой. – Вы увидите его на своем первом задании. Мы отправляем вас и товарища Черникова на празднование Первого мая в Кремле. Явитесь к министру для инструктажа завтра в десять часов утра.

Пока мы ехали домой, я обратилась к Мише: – Я смогу когда-нибудь снова уйти отсюда?

- Я бы так не думал. Затем он уставился на меня с искренним изумлением. – Почему же ты захотела бы когда-либо уйти? Это достойная уважения и интересная карьера, да и жалование щедрое. У Алика есть хороший дом с моей матерью, и ты сможешь видеть его всякий раз, когда захочешь. Это идеальная договоренность; в чем же дело?

- Вы, должно быть, проработали это все с генералом заранее, я полагаю?

- Да, конечно. Мы не пускаем такие дела на самотек. Но я должен сказать, что это меня также очень хорошо устраивает!

- Миша, как ты думаешь, генерал мог бы что-то сделать для моего мужа?

Улыбка исчезла с его лица, и его голос стал твердым. – Нет, он не может, и даже если бы и мог, то не стал бы. Я уже тебе говорил, ты должна выбросить его из головы.

Я сердилась на саму себя за то, что попыталась подгонять события. С моей стороны было еще слишком рано попытаться помочь Андрею. Сначала я должна была проявить себя как агент разведки, и это будет достаточно трудно.

*

- Форма вам к лицу, – сказал товарищ Абакумов следующим утром. – Садитесь, пожалуйста. Я поздравляю вас со вступлением в ряды государственной безопасности. Ваше дело находится в нашем сейфе; никто больше никогда не должен узнать, что вы немка. Вы – советская гражданка из Украины, понятно?

Я кивнула, и он продолжил.

- В настоящее время ваши обязанности будут в значительной степени носить общественный характер. Вы будете посещать приемы, концерты, мероприятия такого рода, на которых ожидаются зарубежные гости. Вы будете действовать как хозяйка, принимающая официальные делегации, и иногда вам могут поручать установить дружеские отношения с каким-то определенным человеком. Позже вы будете в подобной функции представлять Советский Союз за границей. В каждом случае вы будете представлять письменный отчет обо всем, что вы увидели и услышали.

- Я не совсем уверена, что могу сделать все это, товарищ министр. Наверняка истинно русская женщина...

Он поднял руку. – Наши женщины – труженицы и хорошие коммунистки; но когда иностранные гости отдыхают после работы, они больше не хотят слышать о коммунизме. Они ищут женское очарование и привязанность – и именно вы в состоянии предложить им это. Вы теперь понимаете, Елена Кирилловна?

По внутренней связи он заказал бутылку шампанского и три бокала, и пригласил Мишу войти.

- Выпьем за ваше будущее, товарищ Пушкова. И теперь за вашу первую миссию.

Он проинструктировал нас о приеме в честь дня международной солидарности трудящихся.

*

Миша и я присутствовали на приеме как муж и жена. Мы сначала вращались среди немецких делегатов; их поведение было чрезвычайно корректным и вежливым, но через некоторое время их неискренняя похвала всего русского стала слишком надоедливой. Я была в толпе среди них, когда кто-то сказал: – Смотрите, вот идет товарищ Сталин!

И вот случилось так, что, спустя десять лет после того, как Хельга Ванненмахер столкнулась с Гитлером, Елена Пушкова обменялась рукопожатием со Сталиным. Это продлилось всего мгновение. Он сказал мне несколько слов, которые я не расслышала, поскольку немцы вокруг меня все взволнованно хлопали, но я все еще помню ощущение его тонкой старой руки в моей.

Как только немцы начали заполнять свои блюда в буфете, я убежала и присоединилась к другой группе, с которой нам поручили смешаться, к полякам. Они были намного более живыми и веселыми – особенно некий майор Станислав Бошинский, который обнаружил, что в другом из больших кремлевских залов проходят танцы, и был рад найти себе партнершу. Он был красив, забавен и замечательный танцор, и я, возможно, легко забыла бы, зачем я была там, если бы не замечала время от времени в углу бледное со шрамом лицо Абакумова, наблюдавшего за мной.

- Я пробуду в Москве еще одну неделю, – сказал майор Бошинский в конце вечера. – Для меня было бы большим удовольствием увидеть вас и вашего мужа снова.

Мы договорились встретиться в Большом театре следующим вечером, после парада на Красной площади. Это был долгий и утомительный день, и по пути домой я спросила Мишу, должна ли я действительно пойти в театр.

- Конечно, должна; это же служебная обязанность. Этот товарищ Бошинский просто увивается вокруг тебя, и мы могли бы многое узнать от него. Мы после этого пригласим его в твою квартиру, чтобы немного выпить.

- Я не понимаю! Поляки ведь не враги; они наши союзники. Что мы могли бы от них узнать?

- Мы хотим знать, насколько подлинный их коммунизм; есть ли американское влияние; такие вот дела.

- Но, Миша, если мы так мало доверяем нашим друзьям, то мы не должны также доверять и друг другу!

Он засмеялся. – Так мы и не доверяем, Леночка, мы никому не доверяем. Ты скоро сама узнаешь. Агенты КГБ никому не должны доверять. Наша работа начинается с поиска в корзине для бумаг и заканчивается... ну, хорошо, в

твоем случае, дорогая, она может закончиться в чьей-то постели. Все в интересах коммунистической партии, понимаешь.

*

Майор Бошинский был таким милым человеком, что я была уверена, что он не мог быть американским агентом, но я нервничала из-за того, что, если Миша слишком сильно напоит его, он может что-то ляпнуть, из-за чего он окажется на Лубянке. Во время первого антракта я зашла в женский туалет и написала моим карандашом для бровей записку на польском языке: «Держитесь от нас подальше». Майор слегка сжал мою руку, когда он взял ее, и во втором антракте он встал и оставил ложу. Внезапно я поняла, что я сделала. Я полностью выдала себя, да еще и в письменной форме! Нельзя было сказать, как поляк отреагирует, но я знала, что если Миша узнает, то он без колебаний донесет на меня. Антракт казался очень длинным, и огни рампы начали гаснуть, когда майор вернулся, неся огромный букет сирени. Когда он протянул мне цветы, он прошептал: – Спасибо, товарищ.

- Мне очень жаль, – сказал он Мише, когда балет закончился, – я надеялся провести оставшуюся часть вечера с вами и вашей очаровательной женой, но я только что услышал, что мои коллеги назначили деловую встречу в отеле, и я должен буду сразу пойти туда. Очень не повезло, но, возможно, в другой раз...

Миша был разъярен и ворчал всю дорогу домой.

- Что за странный человек! В одну минуту он без ума от тебя, а в следующую он уже не может дождаться, чтобы уйти!

- Но ты же слышала, что он сказал – у него там какая-то встреча.

- Чепуха! Я не верю ни единому его слову!

Так закончилась моя первая миссия, с букетом сирени и с нечистой совестью. Но генерал Судоплатов, казалось, был полностью удовлетворен моим отчетом.

– Это в точности подтверждает наши оценки. Вы говорите здесь, что немцы хвалили и восхищались всем, и что поляки не боялись критиковать. Точно! Немцы – очень надежные люди, легко управляемые. Но с поляками вы никогда не можете быть совершенно уверенным; они в целом слишком эмоциональны.

Я не сказала, какую позицию я считала более интересной.

- Теперь, – продолжал Судоплатов, – я хотела бы, чтобы вы познакомились с одной из самых эффективных наших женщин-разведчиц.

Он нажал кнопку на аппарате внутренней связи. – Пришлите капитана Тамару Николаевну Иванову в мой кабинет.

Она была худой женщиной где-то под сорок лет, с холодными голубыми глазами на жестком лице. Волосы ее были зачесаны прямо назад, и ее форменная юбка почти достигала лодыжек. Я попыталась было натянуть мою юбку пониже на колени, но она сразу заметила, что я значительно ее укоротила. Нам действительно нечего было сказать друг другу.

- Вы можете поговорить между собой на немецком языке, – довольным тоном сказал Судоплатов. – Тамара Николаевна работает в австрийском отделе.

Я робко пробормотала что-то вроде того, что мне еще многому нужно научиться.

- Нам всем нужно учиться, – быстро ответила товарищ Иванова, – и мы все еще учимся!

К счастью ее позвали к телефону. Она вышла из комнаты энергичными шагами идеалистки.

- Что вы думаете о ней? – спросил генерал, когда мы снова были одни. Я ломала голову, чтобы сказать что-то приятное.

- Ее немецкий язык очень хорош. Действительно превосходный.

- Да, и она по-французски тоже говорит. Она – один из наших лучших специалистов, незаменимых и абсолютно преданных службе. Замечательная женщина. Я позвал ее, чтобы показать вам, Елена Кирилловна, ту нишу, которую, как мы надеемся, вы заполните. Есть некоторые задания, для которых товарищ Иванова не совсем подходит. А теперь, может быть, вы доставите мне удовольствие и пообедаете со мной?

ГЛАВА 13

Венский вальс

Летом 1950 года я была направлена на шестимесячный курс обучения в милицейском училище (? – в оригинале – «полицейский колледж»). Я носила черную милицейскую форму точно так же, как другие курсанты, и ни один из них не знал, что я была сотрудницей государственной безопасности. И о них самих я тоже не узнала много, кроме Наташи, энергичной девушки, с которой я вскоре сдружилась. Однажды в классе возник спор о том, было ли идеологически правильно слушать радио «Голос Америки».

- Это так же плохо как сотрудничать с врагом! – искренне сказал один курсант.

- Нет, это не так! Музыка там фантастическая; это все, ради чего я его слушаю.

- А между музыкальными программами там сплошная пропаганда против Советского Союза.

- Откуда ты знаешь, – сказала Наташа, – если ты никогда это радио не слушаешь? Серьезный курсант покраснел. – Ну, знаешь, каждый иногда может услышать какой-то кусочек.

- В два часа ночи? – Наташа усмехнулась. – Брось! Лучше скажи нам, на какой волне эта станция работает!

После этого последние американские шлягеры постоянно пели и насвистывали вокруг милицейского училища.

Наташа часто проводила вечер со мной в квартире, слушая «Голос Америки». Однажды, к моему испугу, генерал Судоплатов и Миша позвонили в дверь в самой середине джазовой передачи. Я быстро выключила радио и ждала выговора. Но генерал только включил приемник снова и начал танцевать со мной.

- Кто эта девушка? – спросил он.

– Она учится в милицейском училище – отдел тюрем в министерстве внутренних дел.

- Не говорите ей, кто я. Это испортит вечеринку.

Я поняла, что он и Миша были немного подшофе. Наташа и я тоже не были абсолютно трезвыми; мы уже выпили по одной или по две рюмки водки под музыку. Мужчины принесли с собой шампанское, и мы продолжали пить и танцевать до первых часов после полуночи. Я чувствовала, что из нас всех Судоплатов был тем, кто действительно должен был все понимать и быть осторожным, но именно он-то и подстрекал нас. Позже Наташа взяла на себя обязанности заводилы.

- Здесь становится ужасно жарко! – хихикала она. – Давайте-ка снимем нашу одежду!

Один за другим, когда мы кружились в хороводе, наши предметы одежды падали на пол. Это было задолго до того, как «стриптиз» стал модным развлечением; на этот раз мы на один шаг обогнали американцев.

*

Я проснулась с ужасной головной болью. Миша был рядом со мной на кровати, и на полу, совершенно голый, лежал на спине генерал и мирно храпел. Наташа свернулась возле него, положив голову на его руку. Я осторожно накрыла мужчин одеялами и потрясла Наташу, чтобы разбудить ее.

- Ну, давай, просыпайся. Пора убираться отсюда!

Она застонала, когда села. – Черт, да кто же это?

- Он генерал разведки.

- О, боже мой!

Мы собрали нашу одежду и побежали в училище. После работы мы поторопились назад, чтобы убрать беспорядок, и увидели, что все уже было сделано. Стаканы были вымыты, пустые бутылки исчезли, и на столе стояли ваза с гвоздиками и бутылочка духов. К ним была приложена записка: «Большое спасибо за прекрасный вечер. Павел Анатольевич и Миша».

Суровые сотрудники КГБ были, в конце концов, людьми.

После начальной двухмесячной подготовки в милицейском училище последовал шестинедельный курс политических наук и основ государства и права. Этот курс состоял, главным образом, из пропагандистских лекций против Запада и предупреждений о проникновении американских агентов. Мне эти занятия не очень нравились, хотя в конце мне удалось получить хорошие оценки. Но следующий курс, судебная медицина, вообще добил меня. Мы должны были наблюдать вскрытия реальных трупов. Каждую жертву убийства показывали нам – и, хотя о них не сообщали в русских газетах, в Москве убийств было так же много, и они были такими же ужасными, как в любом другом большом городе. Я каждый раз падала в обморок. Конец настал, когда они принесли тело, которое было найдено на стадионе. Труп пролежал на солнце в течение нескольких дней, и убийца вырезал этому человеку глаза. Когда я подошла к телу, у меня был приступ крика. Я провела три дня в больнице, и впоследствии я не могла оставаться одна в квартире. Миша сообщил в училище, что я заболела, и я провела неделю с ним и его матерью и Аликом, пытаясь забыть это гниющее, лишенное глаз лицо.

Тогда генерал Судоплатов послал за мной, и я должна была объяснить свое отсутствие на курсе.

- Я сожалею, товарищ, – сказал он, – но это преднамеренная политика, чтобы закалить наших сотрудников. Вы не должны позволить себе быть такой брезгливой! Но, – продолжил он, улыбаясь, – вам повезло, у нас есть для вас другое задание.

Он представил меня элегантному человеку, одетому по последней западной моде.

- Полковник Мирковский – руководитель нашей разведки в Вене. Вы поможете ему и другому офицеру в вербовке очень важного человека.

(Вероятно, ошибка автора. Евгений Иванович Мирковский, Герой Советского Союза, известный во время войны партизанский командир, не был резидентом госбезопасности в Вене. Английский эксперт по разведке Найджел Уэст пишет, что главой советской резидентуры в Вене, был Евгений Кравцов, действовавший под псевдонимом Ковалев. Его заместителем был Евгений Галузин. Евгений Мирковский служил в послевоенные годы в центральном аппарате НКГБ/МГБ, а с 1953 года стал советником МВД при службе госбезопасности Албании («Сигурими»). – прим. перев.)

Евгений Мирковский

У меня была тетя, которая жила в Вене. У этого города был свой западный сектор, как у Берлина. Не было ли это шансом убежать?

- Могу я взять Алика с собой? – спросила я так небрежно, как только могла. – Это было бы такой радостью для него.

- Разумеется, нет! – быстро ответил Судоплатов. – Ваш сын останется в Советском Союзе, где ему и место!

Они все продумали. После сердитой паузы генерал продолжил:

- Вы поедете в Австрию как незамужняя женщина. Вы оденетесь так, чтобы показать капиталистическому миру, что у нас здесь есть все. Кассир выдаст вам необходимые деньги.

Мирковский смотрел на меня сквозь прищуренные глаза. – Я думаю, ей следовало бы покрасить волосы посветлее, – заметил он. Двое мужчин обсудили этот вопрос.

- Да, – согласился Судоплатова, не спрашивая мое мнение. – Пойдите в гостиницу «Интурист»; у них там есть западные парикмахеры.

Он, казалось, не замечал никакой иронии.

Затем он взял фотографию из папки на своем столе и протянул ее мне.

- Вот человек, которым мы интересуемся. Его зовут Хохштеттер. Он член австрийской коммунистической партии и начальник паспортного бюро в одном из пригородов Вены. Мы хотим, чтобы он предоставил нам следующее: австрийские удостоверения личности, отпечатанные и подписанные, но во всем остальном чистые, конечно; официальный штамп для фотографий; фотокопии регистрационных записей пропавших людей. Ясно?

- Но если он коммунист, – сказала я, – почему тогда полковник Мирковский просто не попросит их у него?

Они оба посмотрели на меня так, как будто я сказала что-то очень глупое.

- С одной стороны, – сказал генерал, – товарищ Мирковский должен быть в Вене совершенно неприметным. С другой стороны, в отличие от наших товарищей в Восточной Германии, у нас нет никакой власти в Австрии. И, наконец, герр Хохштеттер – государственный чиновник; мы не знаем, как далеко может зайти его сотрудничество. Именно это вы и должны узнать, товарищ Пушкова.

*

Другим офицером КГБ в нашей команде был майор Окунин. Он и я должны были пройти двухнедельный курс в центральном управлении железных дорог, чтобы убедительно выдавать себя за членов группы инженеров, собирающихся в Австрию для закупок машин и оборудования. Мы путешествовали в черной форме железнодорожных чиновников. Полковник Мирковский встретил нас в аэропорту, и во время одного из официальных приемов я услышала, как кто-то сказал: – Черт бы меня побрал! Я никогда не знал, что у русских бывают женщины вроде этой!

Мирковский улыбнулся мне. – А знаете, ведь он прав. Светлые волосы очень хорошо подходят вам. Если вы столь же эффективны, как красивы, то мы все можем поздравить себя.

Первые несколько дней с их переговорами о закупках были невероятно скучными. Моей ролью была роль переводчицы у инженеров, и я должна был присутствовать на каждом совещании. Наконец, контракт был подписан, и герр Баумгартнер, производитель оборудования и, по воле случая, близкий друг герра Хохштеттера, пригласил нас на вечеринку в свой дом.

Это и было сутью моего задания. В центре заранее предвидели, что такая вечеринка состоится, и что герр Хохштеттер почти наверняка будет на нее приглашен. Остальное было уже моим делом. Его действительно представили мне почти в самом начале, но я была столь очарована фрау Баумгартнер, что я едва ли обратила на него внимание. Она была очень элегантной женщиной; ее волосы были намного более нежно пепельно-светлыми, чем мои; и впервые за многие годы я наслаждалась беседой об одежде и парикмахерах и обо всех женских занятиях и интересах, которых так не хватало в моей жизни.

Майор Окунин напомнил мне о моих обязанностях. Я нашла герра Хохштеттера, и он приклеился ко мне на всю оставшуюся часть вечера. Он с восторгом говорил о Москве, Большом театре, Красной площади, Кремле – хотя он никогда не бывал в России.

- Для меня здесь это то же самое, – сказала я. – Вена, по крайней мере, столь же красива, как и Москва, я знаю, но я ее почти что и не видела. Это очень трудно для иностранца...

Казалось, он только и ждал этих слов, как будто бы мы все отрепетировали заранее. – Вы позволили бы мне показать вам город? Уверяю вас, нет ничего, чего мне хотелось бы больше.

Мы договорились провести воскресенье вместе.

*

Частью моего оснащения, полученного в КГБ, был плоский портфель из крокодильей кожи, в котором лежали пистолет, фотоаппарат «Минокс», миниатюрный радиопередатчик и изрядная сумма американских и австрийских денег. Я тщательно подобрала одежду для свидания с Хохштеттером, в темно-синем и белом тонах, и мне казалось, что кожаный портфель испортил бы весь эффект. В портфеле все равно не было ничего, что могло бы мне понадобиться в этот день. Поэтому я оставила портфель в платяном шкафу и взяла вместо него белую сумочку. Окунин ждал в холле.

- Все, что вам еще нужно, это букетик, – сказал он недоброжелательно, – и мы могли бы прямо отправиться в ЗАГС!

Я была в ярости, потому что он настаивал на том, чтобы пойти с нами; мы полночи спорили об этом. Чтобы досадить ему, я настаивала на том, чтобы посетить каждую церковь и подниматься на вершину каждой башни. Везде, куда мы шли, Окунин, потея, брел за нами. Любой подумал бы, что он пытается саботировать задание. Хохштеттер приложил все усилия, чтобы развлечь нас обоих. Мы сидели в уличном кафе, и он рассказывал нам какую-то запутанную политическую историю, когда Окунин внезапно встрял в разговор.

- Где ваш маленький портфель? – спросил он меня на русском языке.

- Я оставила его в отеле. Он не подходил к моему платью.

- Но вы вынули вещи из него?

- Ну, нет. У меня не было никакой надобности носить все это с собой.

Он вскочил на ноги, с белым лицом. – Мы должны сейчас же вернуться в отель!

Герр Хохштеттер пошел с нами, и все мы помчались в мой номер. Конечно же, портфель исчез. Окунин ушел, чтобы найти менеджера, а я разрыдалась. Хохштеттер погладил мою руку; он казался более веселым, чем он был весь день.

- Пожалуйста, не плачьте, моя дорогая! Я попрошу всех полицейских города помочь вам. У меня есть власть, знаете ли…

Да, власть у него, вероятно, была. Это казалось замечательным шансом. Я вытерла глаза и прямо обратилась к нему.

- Мы не можем вовлекать полицию. Я объясню позже. Но вы могли бы помочь мне в другом отношении.

- Как? Только скажите мне!

- Товарищ Хохштеттер, я должна вам кое в чем признаться. Майор и я – сотрудники КГБ.

- Правда? Это действительно так?

Его полное лицо пылало от волнения. – Вы настоящий агент советской разведки!

- Мы должны здесь заботиться о безопасности инженеров-железнодорожников, как вы видите. И теперь, когда я потеряла свой маленький портфель, мое начальство в Центре никогда не простит мне это!

- О, моя дорогая, я действительно это понимаю! У вас, вероятно, были в портфеле какие-то секретные вещи?

- Миниатюрный радиопередатчик, – шептала я, – и мини-камера.

Он был в таком благоговейном страхе, что мог только повторять то, что я сказала.

- Миниатюрный радиопередатчик! О, если бы я только мог помочь вам!

- Но вы можете помочь мне, товарищ Хохштеттер! Если бы вы только оказали мне определенную услугу, Центр, вероятно, простил бы мою ошибку.

Он сжимал мою руку и вглядывался в мои глаза. Я глубоко вздохнула и рассказала ему список требований, которые генерал дал мне. Всякий раз, когда я делала паузу, Хохштеттер торопил меня, и я начала спрашивать себя, не разыгрывал ли он меня. Но нет, он был абсолютно серьезен.

- Товарищ, я – настоящий коммунист, и для меня есть только одна родина, земля рабочих. Я имею честь помочь Советскому Союзу, и помощь лично вам является для меня особым удовольствием!

Я обняла его за шею и поцеловала его, и он ответил мне со страстным нетерпением.

- Только скажите мне, как, когда и где.

- Товарищ Мирковский все это устроит.

- Как! И он тоже секретный агент, правда?

Я кивнула, освободила его от моих объятий, и вытащила из шкафа бутылку водки.

- На здоровье, и спасибо, товарищ.

Мы уже выпили по несколько рюмок водки к тому времени, когда майор Окунин вернулся. Он хмуро сообщил, что ничего не нашли, и сказал, что мы должны поспешить в дом полковника Мирковского, где нас ожидали на обед.

- Дура! – бормотал он мне по пути, – в такой ситуации водка не подходящее утешение. Я советую вам честно признаться полковнику, как только сможете.

- Не беспокойтесь! Я как раз этого и хочу.

- Как только мы прибыли, я сказала Мирковскому, что герр Хохштеттер согласился передать нам документы, и добавила застенчиво, что я потеряла свой портфель.

- О, вот как! – сказал Мирковский, – мне самому было интересно, как скоро вы его потеряете. Он принес портфель из соседней комнаты. – Я заглянул к вам этим утром, но вы только что уехали. Ваш номер убирали, и я увидел портфель в открытом шкафу, таким образом, я забрал его себе на время, просто для безопасности. Вы же, как предполагалось, должны были бы держать его при себе все время, как вы сами знаете.

Остальная часть вечера была достаточно веселой, но когда я легла спать, то не могла уснуть. Тетя Маргарет жила всего лишь в паре кварталов отсюда; конечно, это никому бы не повредило, если бы я встретилась с ней до отъезда в Москву. В конце концов, я не смогла противиться этому; я встала, оделась, и тихо вышла из отеля. Было без четверти час ночи, когда я дошла до ее дома на тихой улице. Я целую вечность звонила в дверь, но никто не подходил. Наконец, на первом этаже открылось окно, и раздраженный голос спросил, кто тут шумит.

- Простите, что побеспокоила вас. Я ищу фрау Витхольд

- Ее сейчас нет; она уехала в отпуск. Вы что, не понимаете, что уже очень поздно?

Разочарование и тоска по дому охватили меня, когда я возвращалась той же дорогой. Мне никогда не приходило в голову, что ее могло не быть там, когда я так сильно хотела ее увидеть. Проезжающее мимо такси остановилось на обочине.

- Я могу подвести вас куда-нибудь, госпожа?

Я с благодарностью села в машину.

- Куда вас отвезти?

А действительно, куда? Мне была невыносима мысль сразу отправиться в отель.

- Есть ли тут где-нибудь место, где я могла бы выпить?

Таксист посмотрел на меня с некоторым сомнением. – В это время ночи мало что открыто. Казино «Ориенталь» вас устроит?

- Надеюсь, что да.

ГЛАВА 14

При исполнении служебных обязанностей

На самом деле оно вообще никак меня не устроило бы; я это сразу поняла. Я в нерешительности остановилась перед вращающимися дверями, когда чья-то твердая рука схватила мою руку.

- Привет, дорогая, заходи!

Я не могла сопротивляться, не устроив при этом скандал, а нас учили никогда до этого не доводить. Мой похититель повел меня через слабо освещенный бар и посадил меня за маленький столик.

- Меня зовут Чарли, – объявил он. Что ты хочешь выпить?

Внезапно мне действительно очень захотелось выпить, и я попросила виски. Я чопорно сидела прямо на моем стуле, в то время как Чарли все время крутился вокруг и пытался залезть ко мне. В милицейском училище меня научили нескольким полезным уловкам, и я скоро поняла, что мне незачем было его бояться. Он просто был поразительно пьян.

Три полуголых девушки исполняли танец живота в дальнем конце зала, и когда их шоу закончилось, огни в зале зажглись в полную силу. Я с удивлением увидела, что зал переполнен американцами, англичанами, французами и русскими, все в сопровождении девушек. Чарли, как оказалось, выглядел довольно хорошо со своей американской короткой армейской стрижкой. Он посмотрел на меня и присвистнул.

- Просто дай мне допить и уйти! – попросила я его.

- Зачем тебе уходить?! Останься со мной, красавица, и я обещаю вести себя хорошо.

- Тогда могу я просто позвонить?

Чарли настаивал на том, чтобы пойти со мной. Я позвонила Окунину и сказала ему, где я. Судя по голосу, он был в ярости. Когда я повесила трубку, у Чарли глаза на лоб полезли.

– Что это за язык?

- Русский.

- Ты беженка?

- Нет, я инженер в советском министерстве железных дорог, и мой босс приедет, чтобы забрать меня.

-Ого! За это нам нужно выпить еще шампанского!

Его действительно нельзя было остановить. Он дал мне визитную карточку «Чарльз Радфорд, Первый лейтенант, армия США» с его адресом и номером телефона в Вене на обратной стороне. Он хотел знать все о жизни в России. Я повторила некоторые банальности с нашего курса основ государства и права, постоянно глядя через его плечо, не приехал ли Окунин.

Наконец он появился, и я встала с облегчением. – Было очень приятно познакомиться с вами, господин Радфорд, но теперь нам пора уходить.

- Как это? – воскликнул Окунин, пододвигая стул. – Еще не поздно. Что бы нам выпить?

Мы пробыли там до рассвета, и впоследствии Окунин сказал: – Вы на самом деле сделали это очень хорошо.

- Что вы имеете в виду? Чарли абсолютно безвреден, вы же сами смогли это увидеть!

- Не бывает безвредных американцев.

- Если вы захотите обрабатывать Чарли, то я не хочу иметь к этому никакого отношения.

- Посмотрим.

Когда мы прилетели обратно в Москву, у меня было восемь чемоданов, полных западных тканей и платьев, а у Окунина был запечатанный пакет австрийских официальных документов, переданных Хохштеттером.

- Он передавал вам привет,- сказал Окунин, – и сожалел, что вы всегда были слишком заняты, чтобы встретиться с ним. Чарли тоже передал привет. Я пообещал, что вы свяжетесь с ним.

- О, идите к черту.

Окунин хихикнул, и спрятал пакет в свой портфель.

- Вы научитесь, – сказал он.

Вскоре после того, как я отправила своей отчет, меня вызвали в центральное управление. Я опоздала на поезд и приехала слишком поздно. Точность никогда не была моей сильной стороной, и я нервничала больше чем когда-либо, когда спешила по коридорам Лубянки в кабинет министра. Абакумов встал, когда я вошла и попросила прощения. Генерал Судоплатов стоял у окна с каким-то полковником, которого я не знала, и Окунин, к моему раздражению, тоже был здесь.

Абакумов повернулся к генералу. – Метро – очень ненадежный вид транспорта. Проследите, чтобы товарищу Пушковой немедленно выделили автомобиль с водителем.

Он, казалось, не шутил.

Он обнял меня и поцеловал в обе щеки по русскому обычаю, и поздравил меня с моими успехами в Вене. Было ли это тоже шуткой? Я тревожно посмотрела на Судоплатова, но тот кивнул и улыбнулся.

- Да. Майор Окунин дал нам подробный отчет. Вы не только завербовали Хохштеттера. Вы еще установили ценный контакт с американским офицером.

- Но это не было преднамеренным. Он сам подцепил меня в баре!

- Вот именно! Иногда нам требуются годы, чтобы устроить такую случайную встречу, а вы справились с этим за несколько дней

- Даже часов! – с гордостью уточнил Окунин. Незнакомый полковник рассматривал меня понимающим взглядом.

- Она точно тот магнит, который нам нужен, чтобы привлекать мужчин.

Эти его слова привели меня в бешенство. – Я поехала в Вену, не для того, чтобы привлекать мужчин, а чтобы работать! – резко огрызнулась я на него, и все засмеялись.

- Браво! – сказал Абакумов, – это и есть то, что я называю дисциплиной! Это полковник Шалатов из восьмого отдела, он будет сопровождать вас на вашем следующем задании. Генерал Судоплатов расскажет вам об этом.

Министр отпустил нас, и мы все пошли в кабинет генерала. Полковник Шалатов, похоже, особенно интересовался моим знакомством с американским лейтенантом, поскольку его работой было внедрять советских агентов в вооруженные силы западных стран.

- От Чарли Радфорда вам не может быть никакой пользы!

- Это уже нам решать.

План состоял в том, что я должна была на несколько месяцев получить должность в советском посольстве в Вене. У меня была бы своя собственная квартира, и я должна была войти в контакт с Чарли.

- Очень скоро, – продолжал Шалатов, – вы без ума влюбитесь в него.

- Ах, да?

Я ненавидела этого человека все больше.

- Вы пригласите его к себе на квартиру...

- И пересплю с ним, я полагаю!

– Совершенно верно.

- И под кроватью, – теперь я была очень саркастична, – будет магнитофон.

- Точно.

Шалатов был совершенно серьезен. – Мы дадим ему послушать эту запись, а если и этого не будет достаточно, то мы покажем ему парочку фотографий.

- Каких фотографий?

- В вашей квартире будет установлена скрытая камера.

- Чтобы снимать его и меня в постели?

- Да.

- И я тоже буду на фотографиях?

- Естественно. В противном случае от них будет мало толку, разве нет?

Окунин фыркнул от смеха. Видя мое сконфуженное выражение лица, Шалатов тоже начал смеяться, и скоро все трое мужчин гоготали и весело хлопали себя по бедрам. Я не могла вынести это. Гнев и отвращение охватили меня полностью; я пересекла комнату и сильно ударила полковника Шалатова по лицу.

Наступила тишина. Тогда генерал Судоплатов спокойно сказал: – Выйдите!

Я ждала в приемной, и некоторое время спустя вышел Окунин. Он изумленно качал головой.

- Это невероятно, – сказал он, – просто невероятно!

Я опустилась в кресло и разрыдалась.

Окунин положил на стол пачку сигарет.

- Вам нельзя покидать эту комнату, – сказал он. – Это приказ! Затем он вернулся в кабинет.

Я сидела, куря одну сигарету за другой. В течение долгого времени я могла слышать неразборчивые голоса, затем хлопнула дверь, и все было тихо. Время обеда наступило и прошло. Начало темнеть. Не было слышно никакого звука, кроме моего собственного дыхания. Где-то часы пробили десять.

В одиннадцать Окунин появился снова.

- Ваш автомобиль ждет внизу, товарищ.

- Что со мной будет? – спросила я его. Он пожал плечами.

Следующие десять дней выматывали меня. Я ежечасно ожидала ареста, но вместо этого вообще ничего не происходило. Никто не брал трубку, когда я звонила, никто не приходил ко мне. Я жила как отшельник в центре переполненного города. Я забрала Алика; он был для меня в некотором роде компанией, и мои дни были наполнены рутинным уходом за младенцем. Я стала ходить в церковь. По крайней мере, там были люди, которых я не должна была бояться.

Однажды вечером я пошла на квартиру Миши, под предлогом, что мне нужно было больше пеленок для Алика. Он был дома, но был не очень рад видеть меня.

- Разве ты не поможешь мне? – просила я, – или, по крайней мере, приезжай ко мне и поговори со мной! Что мне следует делать?

- Просто ждать. И на твоем месте я не ходил бы в церковь так часто. Для офицера КГБ это выглядит неуместно.

Значит, за мной следили! Миша не попытался задержать меня, и я печально пошла домой.

*

Когда телефон, наконец, позвонил, я подскочила так, как будто рядом взорвалась бомба. Это был генерал Судоплатов.

- Товарищ Пушкова? Я только хотел удостовериться, что вы дома. Было бы удобно, если бы я приехал, чтобы увидеть вас приблизительно через полчаса?

Точно полчаса спустя зазвонил дверной звонок. Генерал вошел в квартиру, как будто это была его квартира, и начал играть с Аликом. Я сделала чай, чтобы скрыть свое смущение, но моя рука дрожала, когда я наливала чай.

- Совершенно не нужно бояться меня, девочка. Все мы люди!

Он был в штатской одежде, в приподнятом настроении; он зажег сигарету и удобно растянулся в кресле.

- Но я должен поговорить с вами о вашем поведении в моем кабинете. Лейтенант, при исполнении служебных обязанностей, дает пощечину полковнику. Я никогда не слышал ничего подобного!

- Мне очень, очень жаль, товарищ генерал.

- Вам и должно быть жаль! Но вам также очень повезло. Полковник Шалатов сообщил об инциденте министру, но товарищ Абакумов, кажется, симпатизирует вам. Он был даже впечатлен тем, что вы так неистово защищали свое достоинство.

Рот генерала дергался; на какой-то ужасный момент я подумала, что он сейчас снова начнет смеяться. Тогда он продолжил: – Так или иначе, все это должно быть прощено и забыто, если вы в будущем будете вести себя ответственно и принимать приказы, которые вам дают.

- Товарищ генерал, я прошу вас. Я никогда не смогу выполнять задания вроде того задания с американцем!

- Чушь! – спокойно сказал Судоплатов. – Вы молоды. Вы научитесь.

Я была настолько взвинченной после десяти дней страха и напряжения, и я начала плакать. Генерал встал и взял меня за плечи.

- Успокойся, девочка. Тебе не придется делать эту работу в Вене. Если бы я послал тебя туда теперь, то в любом случае все пошло бы не так, как надо. Все задания должны быть предприняты добровольно. Это один из наших самых строгих принципов!

Вечером позвонил Миша, снова такой же дружелюбный как прежде.

- Итак, все снова в порядке. Так держать, дорогая!

Его жизнерадостность привела меня в бешенство. – Нет, тебя мне не за что благодарить! Ты ничего для меня не сделал.

- Это ты так думаешь. А я бывал в кабинете генерала каждый день.

Я ударила кулаком по столу. – Но я хотела видеть тебя здесь, именно здесь!

- Я не мог, Леночка. Ты была в немилости. Если бы я к тебе пришел, тогда только и у меня самого тоже возникли бы неприятности. Так или иначе, забудь об этом. У меня есть хорошие новости. Мы вместе отправимся на следующее задание!

- И куда же?

- Во Владивосток.

Он рассказал мне о железнодорожном вагоне, загруженном деталями для подлодок, который бесследно исчез по пути на восток. Он должен был изображать из себя офицера-инженера военно-морского флота и попытаться выяснить, что произошло с вагоном.

- А что насчет меня?

- О, ты будешь просто моей любимой женой, и, конечно, будешь держать глаза и уши открытыми. Это будет для тебя отпуском. Но прежде, чем мы поедем, ты должна вызубрить кое-что о флотских званиях, военно-морской жаргон и так далее, так, чтобы ты была убедительна в роли жены офицера ВМФ.

Это казалось довольно забавным. Мы сели на самолет 12 ноября в самом хорошем настроении. Я выучила о флоте все, что требовалось, и я также, следуя инструкциям генерала, подала официальное заявление о вступлении в коммунистическую партию. Как оказалось, нигде нельзя было быть добропорядочным гражданином без партийного билета.

Во Владивостоке мы остановились у капитана Канделки и его жены. Миша был занят, а у меня было много свободного времени.

Анела Петровна Канделка приехала из одной из прибалтийских стран, и ее родным языком был немецкий; мы скоро стали близкими друзьями. Однажды мы вместе вышли в город за покупками, когда голос какого-то человека прервал нас.

- Это слишком хорошо, чтобы быть правдой! Две немецкие женщины на самом краю Азии. Я едва мог поверить своим ушам, когда услышал ваш разговор!

Я обернулась. – Я боюсь, что вы ошибаетесь; мы обе русские.

- Но это удивительно. Я мог бы поклясться, что могу с точностью определить регионы, откуда вы родом. Ну, хорошо, – вздохнул он, – по крайней мере, вы не будете против того, чтобы выпить чаю со мной?

В его искренних голубых глазах появились слезы, когда мы отказались, и он указал на кафе через улицу. – Я бываю там каждый день в пять. Для меня было бы таким удовольствием поговорить с вами некоторое время.

Уже на следующий день я извинилась перед нашей хозяйкой и выскочила, чтобы встретиться с герром Йоханнсеном. Он казался таким потерянным и вызывающим жалость; и я также умирала от желания поговорить с соотечественником. Он приветствовал меня с изумленным восторгом и немедленно рассказал мне все о себе. Это была обычная история. Инженер по профессии, он был взят в плен в 1942 году, провел пять лет в трудовом лагере, и затем был освобожден при условии, что он останется в Советском Союзе. Он работал на базе подводных лодок во Владивостоке.

- Это не такая уж плохая жизнь, я думаю, – закончил он, – но все, что я действительно хочу, это вернуться в Германию.

- Я могу это понять!

Йоханнсен посмотрел куда-то вдаль. – Есть способ сбежать нелегально.

- Тогда почему вы не сбежите?

- Требуется много времени, чтобы скопить деньги для этого. И я не уверен. В этом есть что-то странное. Двое моих друзей сбежали этим способом и обещали послать открытки, но я так никогда и не получил весточки ни от одного из них.

- Расскажите мне, как они бежали.

Йоханнсен наклонился через стол немного ближе ко мне.

- Здесь есть один человек, капитан торгового флота, который вывозит беглецов за границу. Если, конечно, у них есть деньги, чтобы ему заплатить.

- И куда он отвозит их?

- О, в Японию, Австралию, Америку. Это зависит от того, куда идет его судно в тот момент.

- Сколько же это стоит?

- Я думаю, что он обычно берет 10 000 рублей. И время от времени он предает одного из них КГБ, только чтобы сохранить свою безопасность. Я полагаю, вы знаете, что такое КГБ?

- Да. А как его зовут?

- Капитан Дашкин.

Когда я вернулась, я рассказала Мише все об этом, но он не был особо впечатлен.

- Истории вроде этой есть в каждом лагере и в каждой тюрьме в стране. Это запретная военная зона; было бы невозможно тайком вывезти кого-то отсюда. Я готов спорить, что этого таинственного капитана Дашкина даже вообще не существует!

Он засмеялся. – И у меня для тебя тоже есть новости – мы идем домой. Этот пропавший вагон нашли на запасном пути в Хабаровске. Не было никакого саботажа, о нем просто забыли!

Тем вечером за обедом я спросила нашего хозяина, знал ли он капитана Дашкина.

- Да, конечно, знаю. А что?

Я бросила на Мишу торжествующий взгляд и повторила все то, что Йоханнсен рассказал мне. Анела была возмущена.

- Это невозможно, он такой хороший человек!

Но ее муж смотрел на это очень серьезно.

- Я не знаю. Я уже в течение некоторого времени спрашивал себя, как он мог позволить себе такой стиль жизни с зарплатой моряка торгового флота. Возможно, здесь что-то не так.

Миша, наконец, действительно заинтересовался этим, и на следующий день он пошел на встречу с офицером местного отдела КГБ полковником Ворониным.

- Это правда, – сказал он, когда вернулся. – Дашкин сдал одного или двух «зайцев». Я думаю, что мы должны изучить это.

Мы обсудили, что можно сделать. Герр Йоханнсен был такой доверчивой душой, мне не нравилась идея использовать его «втемную» в качестве подсадной утки.

- Ну, хорошо, – сказал Миша, наконец. – Единственный другой путь состоит в том, чтобы сказать ему правду. Объясни ему, кто ты и пообещай ему, что он сможет законно уехать домой, если поможет нам разоблачить Дашкина.

Это была деликатная часть переговоров; в конечном счете, Йоханнсен дал мне номер телефона капитана и сообщение в качестве пароля: «Я хочу отправиться в путешествие».

Я позвонила ему прямо из здания КГБ в присутствии Миши и Воронина, и с магнитофоном, подсоединенным к телефону.

- Кто вы? – спросил Дашкин, после того, как я дважды повторила пароль с сильным акцентом.

- Меня зовут Хельга, и я немка.

- Сколько вам лет, и какого цвета ваши волосы?

Я сказала ему.

- Я буду в кафе «Метро» завтра днем в пять. Я буду читать «Известия».

Он положил трубку, и я повернулась к двум мужчинам.

- Ну, и что вы теперь скажете?

Лицо Воронина было серьезным. – Я никогда бы не ожидал от него такого!

- Ах, – сказал Миша, – вам нужен девиз генерала Судоплатова – думайте обо всех самое худшее, всегда.

ГЛАВА 15

Кроткий немец

В пять часов на следующий день я встретилась с Дашкиным в кафе «Метро»; его газета была разложена на весь стол. У меня был мини-магнитофон – спрятанный в моей сумке. Он осмотрел меня сверху донизу, но предоставил мне начать разговор.

- Я звонила вам о путешествии.

- Ах, да – и куда вы хотите поехать?

- Это не имеет большого значения. В Америку было бы хорошо.

- Расскажите мне все о себе.

Я рассказала ему историю, которую мы с Мишей отрепетировали. Я якобы работала во Владивостоке с группой инженеров-специалистов из Германии, и один коллега хотел бы тоже уехать со мной.

Дашкин казался удовлетворенным.

– Осталось два билета. Цена за инженера составляет 10 000 рублей. Но для вас, – он раздевал меня глазами, – это будет стоить только 8 000. В четыре часа утра в пятницу мы отплываем в Сан-Франциско. Встретьтесь со мной в одиннадцать вечера в четверг, пирс № 7. Заплатите наличными, когда будете на борту.

В четверг вечером полковник Воронин дал каждому из нас деньги для оплаты проезда, в бывших в употреблении банкнотах. Затем он вынул из своего кармана две авторучки и вручил их мне.

- Вы знаете, как эта штука работает?

Я кивнула и засунула ручку в свою сумку. Йоханнсен выглядел полностью сбитым с толку. Воронин нацелил ручку на него как пистолет.

- Если бы я теперь нажал металлический зажим, то вы получили бы прямо в лицо струю газа, который вывел бы вас из строя, по крайней мере, на несколько часов. Понятно?

Он дал Йоханнсену ручку. – Но используйте ее только в чрезвычайной ситуации.

- Удачи! – шепнул Миша, – и не волнуйся. Мы все время будем следить за судном, и мы поднимемся на борт с таможенниками за час до того, как вы отплывете. Кричи, если возникнет какая-то проблема.

На пирсе № 7 Дашкин одел нас в белые халаты и дал нам ведро и коробку с аптечкой, которые мы должны были нести.

- Только пока мы не поднимемся на борт, – сказал он, и шагнул прочь в темноту. Мы поспешили за ним. Он привел нас в каюту на нижней палубе, где на скамье сидел какой-то молодой человек.

- Ждите здесь.

Молодой человек уставился на пол и нервно хрустел пальцами. Никто не говорил ни слова. Теперь Дашкин появился вновь и сказал, чтобы я шла с ним.

Он провел меня через затемненное судно к двери с табличкой «Судовой лазарет».

- Наш доктор теперь проверит вас.

Молодая женщина с миндалевидными глазами в белом халате посмотрела на мои миндалины, оттянула мои веки и пощупала гланды на моей шее.

- Очень хорошо.

- Ну, хорошо, тогда мы уладим финансовый вопрос?

Я отсчитала 8 000 рублей. Дашкин засунул деньги себе в карман.

- У вас есть на себе какие-то ценности? Вы знаете, что контрабанда не разрешена.

Я покачала головой, но он не был удовлетворен.

- Вы не возражаете, если я загляну в вашу сумку?

Я затаила дыхание, когда он копался в сумке, но он не заметил авторучки.

Судовой лазарет был ярко освещенной, выкрашенной белой краской комнатой с рядом шкафов, возвышающихся от пола до потолка вдоль одной стороны.

- Во время таможенного контроля, – продолжал Дашкин, – вы спрячетесь в одном из этих шкафов. Двери можно запереть изнутри. Ни один таможенник никогда не просил заглянуть в них!

Он хихикал и слегка подталкивал меня с отвратительной фамильярностью, затем, глядя на доктора, он забрал меня назад в каюту и увел Йоханнсена.

Странный молодой человек все еще хрустел пальцами, и через некоторое время это стало действовать мне на нервы.

– Вас не затруднило бы не делать этого!

- Простите, это такая глупая привычка. Вы тоже уезжаете за границу?

Я кивнула, и он начал говорить так, как будто ничто никогда не смогло остановить его. Он был из Прибалтики, его родители умерли, и он ехал к родственникам в Америку. Он буквально голодал, чтобы накопить деньги.

- Реальная цена составляет 10 000 рублей, и я не смог собрать больше 7 000, но капитан Дашкин все равно согласился взять меня. Разве это не было щедро с его стороны?

Как раз тогда капитан и Йоханнсен вернулись, и Дашкин кивнул молодому человеку.

- Теперь ваша очередь.

Они вышли вместе.

Йоханнсен и я сидели и ждали. Время тянулось очень медленно.

Я хотела пить, очень устала, и мне уже хотелось, чтобы наши пути никогда не пересекались. Молодой человек из Прибалтики не возвращался; но без четверти три капитан открыл дверь и позвал: – Идите со мной, быстро!

Он торопил нас к судовому лазарету, который был теперь лишь слабо освещен одной маленькой лампочкой над дверью. Я почувствовала сильный запах эфира.

- Когда зажжется красный свет, – сказал Дашкин кратко, – забирайтесь в шкафы. Не разговаривайте и не курите.

Он вышел и захлопнул дверь за собой.

Это все очень отличалось от той светлой и веселой комнаты, которую я видела раньше, и запах эфира заставил меня чувствовать себя больной. Я села на пол, дрожа от напряжения и тошноты.

- Я надеюсь, что где-то здесь найдется пара одеял, – прошептал Йоханнсен, и он начал рыться в шкафах. Одна из дверей была закрыта. Он нашел ножницы и попытался взломать ее.

- Вы не подойдете и не подержите спичку для меня?

Я встала и зажгла спичку, и держала ее, в то время как Йоханнсен взламывал дверь. В шкафу висел книзу головой молодой человек из Прибалтики, голый, с двумя длинными порезами, зияющими по обе стороны на его шее. Его мертвые глаза смотрели прямо в мои; и под его головой стояла большая миска, до краев заполненная кровью.

Прошла доля секунды прежде, чем мой ум осознал то, на что я смотрела, и затем я бросила спичку и начала кричать во всю силу моего голоса. Снаружи послышались шаги, дверь выбили, и я бросилась, все еще крича, в объятья Миши.

*

Анела Петровна провела меня до кровати и оставалась со мной, пока я не погрузилась в беспокойный сон. В обеденный перерыв на следующий день Миша пришел, чтобы увидеть меня.

- Поздравляю! – сказал он. – Воронин очень доволен и передает тебе свою благодарность. Это все было намного хуже, чем мы могли себе представить. Дашкин был серийным убийцей; он, должно быть, делал это в течение многих лет. Каждый раз, когда его судно отплывало, он брал двух или трех беглецов, приблизительно за 10 000 рублей с каждого, и под предлогом медицинского осмотра он и его подруга вводили им обезболивающее, а затем перерезали им вены.

- Но тогда почему он не убил нас?

Миша улыбнулся. – Ну, у него были другие планы на тебя, моя милая, и я предполагаю, что он думал, что было бы более забавно, если бы Йоханнсен остался жив, чтобы увидеть это. Вам обоим очень повезло.

*

Герр Йоханнсен поехал в Москву с нами за государственный счет, и я с радостью думала, что он скоро вернется в Германию. Мишу и меня вызвали в центральное управление, чтобы отпраздновать завершение этого дела, и там нас чествовали как «героев Владивостока». Шампанское и водка текли рекой; и я старалась не попадаться на глаза Мише, в то время как генерал Судоплатов произносил речь, восхваляющую нашу храбрость и инициативу. Каждый из нас был награжден орденом Красного знамени; я получила звание старшего лейтенанта и была официально принята в коммунистическую партию. Когда я получала свой партбилет и наклонила голову для орденской ленты, я не могла не спросить себя, были ли все герои столь же напуганы и трусливы, как я.

Йоханнсен обещал попрощаться с нами до своего отъезда, и три недели спустя я начала задаваться вопросом, почему он не потрудился это сделать. Оказалось, что он все еще был в России, и я получила разрешение посетить его. Его поселили в одном из «загородных пансионов» КГБ недалеко от города, и он, казалось, был очень рад видеть меня.

- Здесь мне очень уютно – но я чувствую себя как заключенный. Никто мне ничего не говорит, но я вполне уверен, что с моей выездной визой ничего не было сделано.

- Что заставляет вас так думать?

- Ну, видите ли, почти каждый день кто-то приезжает и говорит со мной о преимуществах работы на советскую разведку.

- Не делайте этого, герр Йоханнсен!

Я поторопилась назад к генералу Судоплатову и напомнила ему о нашем обещании, и он неохотно согласился позволить Йоханнсену уехать.

Но он так никогда и не уехал. Несколько месяцев спустя, я, как оказалось, снова встретила этого кроткого и добродушного немца. Он сказал мне, что работает в военно-морском министерстве.

- О! Как же они заставили вас?

- Никто меня не заставлял. Я сам решил, что так будет лучше. Все было полностью добровольно.

Но ничто не могло заставить его посмотреть мне прямо в глаза.

*

Следующим заданием для Миши и меня был новогодний бал-маскарад в Кремле. Это было великолепным событием; все самые высокопоставленные люди страны были там – элита нового бесклассового общества – так же как выдающиеся иностранные посетители, среди которых нам приказали вращаться. Я решила, что маскарадный костюм будет неподходящим, если я буду там по службе, и я надела одно из самых великолепных платьев из моей венской коллекции. Миша, которому в действительности только что присвоили звание подполковника, был в морской форме как капитан второго ранга Черников.

Точно в полночь, как только пробили куранты на Красной площади, в зал вошел товарищ Сталин в бело-золотом мундире генералиссимуса советских вооруженных сил. В тишине большого зала его хриплый голос предложил тост: – За нашу советскую родину. И как многократно повторяющаяся литания его гости отвечали: – За нашего гениального вождя и учителя, за нашего любимого товарища Сталина. Ура! Ура! Ура!

Бокалы были опустошены; все пожимали друг другу руки и обнимались, а Сталин ушел так же внезапно, как и появился. Я подумала о миллионах людей по всей России, которые будут пить за его здоровье в этот момент, надеясь на лучший год, на некоторое ослабление террора, на большее количество хлеба, мяса, молока, и даже на новую пару обуви.

Миша не интересовался танцами, и предпочел побыстрее отправиться в бар. Мы вместе потягивали шампанское, и я ругала его за то, что он такой скучный,

когда красивый молодой человек, одетый как донской казак, остановился передо мной и щелкнул каблуками.

- Вы позволите?

- О, пожалуйста, забирайте ее, – сказал Миша небрежно. – Все, что она хочет, это танцевать!

Молодой человек был превосходным танцором, а также забавным собеседником. Он сказал мне, что его звали Семен Берия, и что он инженер. После нескольких танцев мы вернулись, чтобы найти Мишу, который был в баре точно там, где мы оставили его. Они представились друг другу.

- Берия? – Миша от удивления открыл рот, – тогда вы, должно быть, сын...

- Правильно, – сказал Семен бодро. – Он мой старик.

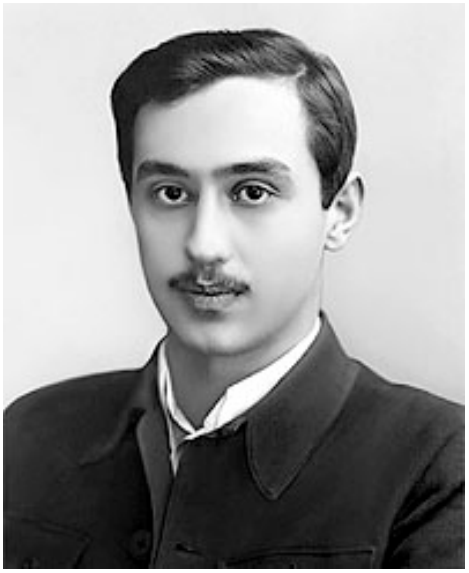
Внезапно Миша захотел танцевать.

- Хорошенькое дельце, – бормотал он, пока мы кружили по полу, – ты действительно поймала крупную рыбу! Или ты еще не поняла...?

Я, конечно, не поняла. Но теперь до меня внезапно дошло, что отец этого очаровательного молодого человека, министр внутренних дел, второй человек после самого Сталина, был тем единственным союзником, в котором я нуждалась в своей борьбе за освобождение Андрея. Я улыбнулась Семену, когда наши взгляды встретились, и Миша отпустил меня.

- Веди себя прилично! – пробормотал он и оставил нас вместе.

(Сына Лаврентия Павловича Берии звали не Семен, а Серго, т.е. по-русски Сергей. Правда, он действительно был инженером. – прим. перев.)



Серго Берия

Мы танцевали каждый танец всю оставшуюся часть ночи, а в перерывах получали свою порцию икры и шампанского. Когда бал закончился, Семен посадил меня в свой черный автомобиль «ЗИМ», и его шофер быстро повез нас. Мы оба были достаточно пьяны; я опустила голову на его грудь и заснула.

*

Я проснулась на огромной розовой кровати под балдахином. Вся комната была симфонией в розовом и голубом цветах, как декорации довольно вульгарного фильма. Уже наступил день, и яркий дневной свет причинял боль. Чуть позже постучал и вошел Семен Берия. На нем был темный костюм, и я едва узнала его. Он казался противоестественно бодрым, учитывая ночь, которую мы провели.

- Вы хорошо спали?

- Да, я думаю, что да. Ваш отец здесь?

- Я действительно не знаю. Если он и будет дома, то не станет беспокоить нас.

Это могло оказаться более трудным, чем я предполагала. Я не знала, как объяснить этому уверенному в себе молодому человеку, что на самом деле меня интересовал только его отец.

Дом был огромным, обставленным и украшенным в стиле рококо, больше с богатством, чем со вкусом. Слуга в ливрее принес нам еду из жареного фазана и салата, и затем Семен посадил меня в автомобиль.

- Вы должны когда-то покататься со мной верхом. У нас есть целая конюшня с лошадьми.

- Вы на самом деле коммунист? – спросила я его.

- Ну, да, конечно, а как же иначе.

Пока автомобиль пересекал обширные парковые насаждения поместья Берии, и проезжал мимо охранников и сторожевых вышек, чтобы выехать на дорогу общего пользования, я думала об отце Семена, революционере в кожаной куртке и кепке, который, когда он был в возрасте Семена, вел кровопролитную войну против привилегий.

ГЛАВА 16

Подарок на день рождения

А затем было парижское дело. Мише и мне приказали поехать в Париж, и «убрать» двух человек, которые оказались помехой, используя для этого авторучки со смертельным зарядом. Я была потрясена, и даже Миша, который был куда более жестким и сильным, нежели я, возражал, говоря, что мы не убийцы.

- Ну, ладно, – сказал генерал, – перечислите мне в письменной форме причины того, почему вы не хотите выполнять это задание. Каждый из вас отдельно.

Мы так и сделали – и несколько дней спустя на Мишу по пути домой с работы напали два бандита, оставив его лежащим без сознания в снегу. Как только я услышала об этом, я помчалась, чтобы увидеть его в больнице. Его голова была обмотана бинтами.

- По крайней мере, теперь мы не поедем в Париж! – усмехался он.

Но он ошибся. Судоплатов снова послал за мной. В его кабинете стоял незнакомый человек.

- Мы все с большим сожалением узнали о несчастном случае с товарищем Черниковым, – сказал генерал вежливо. – Но я хотел бы, чтобы вы познакомились с полковником Горняком. Он взял на себя парижское задание. Если вы согласитесь сопровождать его, то мы готовы рассмотреть возможность перевода вашего мужа в Москву.

Я в тот же момент уже знала, что мне придется поехать.

Горняк был бывшим партизанским командиром и безжалостным и опытным разведчиком. С ним я чувствовала себя полностью не в своей тарелке – но я была настроена спасти тех двух мужчин, если я смогу. Как оказалось, мне представилась прекрасная возможность. Горняк нуждался в некоторой информации от одной из жертв – который сам был офицером КГБ – и принял приглашение пообедать с ним. Как только он ушел, я тоже выскользнула из отеля и пошла сказать его другу, зачем мы приехали. За несколько часов оба эти человека покинули страну; за ними следили до Копенгагена, и после того даже КГБ потерял их из поля зрения. Горняк и я были отозваны в Москву, с опороченной репутацией как не выполнившие задание.

Мишу уже выписали из больницы к тому времени, и он сразу пришел ко мне домой.

- Я слышал, что миссия в Париже окончилась неудачей. Генерал в ярости, но ты, возможно, не слишком из-за этого тревожишься?

Я вытащила телефонный штепсель из стены, как мы всегда делали, когда хотели поговорить конфиденциально на тот случай, если телефон прослушивался. Тогда я рассказала ему, что я сделала.

- О, Леночка, какой ужасный риск ты берешь на себя! Но ты, кажется, выпуталась из этого; никто серьезно не предполагает, что этих людей кто-то предупредил. Так или иначе – как здорово, что ты вернулась! Я скучал по тебе.

- Я тоже по тебе скучала, Миша.

У нас был восхитительный вечер вместе. Следующим утром я забрала Алика из квартиры его матери и пошла в фотомастерскую, чтобы забрать несколько снимков, которые я сделала в день рождения малыша.

- Они вышли особенно хорошо, товарищ Пушкова, – сказал человек в фотомастерской. – Я взял на себя смелость увеличить один из них; скажем, это мой подарок на день рождения вашему сыну.

Он даже вставил фото в рамочку. Я была очень тронута, и как только мы вернулись домой, я принесла молоток и гвозди, чтобы повесить портрет на стене над моей кроватью.

Первый гвоздь просто исчез в стене. Я попробовала еще раз немного выше, и случилось то же самое. Тогда я тщательно ощупала стену вокруг отверстий, и в страхе начала отдирать обои. Под ними была квадратная картонка, прикрывающая отверстие, а за ней микрофон.

Я схватила Алика и помчалась домой к Мише. Его мать была удивлена, увидев нас, и мне пришлось поддерживать своего рода слабоумную беседу, пока

Миша не пришел домой. Все время я пыталась точно вспомнить, что именно я сказала прошлым вечером; но в любом случае я наговорила слишком много лишнего. Единственный укромный уголок, где можно было поговорить, был в метро. Мы сидели на скамейке в малолюдном великолепии мрамора и хрустальных люстр, и я рассказала Мише о моем открытии.

- Есть только одна надежда, – сказал он, когда я закончила. – Ты должна сделать полное признание. Не упоминай микрофон, конечно. Это должно выглядеть так, как будто бы тебя подтолкнула к этому твоя совесть. И ничего не пропускай; они проверят каждую самую маленькую деталь. Возвращайся и сделай это прямо теперь; я позвоню тебе утром.

Первое, что я сделала, когда вернулась домой, это заменила квадратную картонку перед микрофоном, и аккуратно приклеила обои обратно. Затем я села, чтобы написать признание. Было нелегко придумать обоснованную версию для самой себя, и я рвала один черновик за другим.

Миша утром не позвонил, но он засунул под дверь записку, где просил снова встретиться с ним на станции «Комсомольская».

- Я проверил все, – сказал он. – Это подслушивающее устройство работает из соседней квартиры, и у них все есть на ленте. Единственная вещь, которую я не знаю, состоит в том, прослушал ли уже Центр нашу последнюю беседу.

Он остановился и с печальным видом посмотрел на меня. – Не пойми меня неправильно, любимая, но я должен донести на тебя. Позволь мне сначала подать мой рапорт, еще до твоего признания. Тогда, если они посадят тебя, то я, по крайней мере, останусь на свободе и попытаюсь помочь тебе. Если же они возьмут нас обоих, нет никакой надежды вообще.

Он встал. – Мы не должны снова встречаться. Не отдавай им свою историю до одиннадцати часов. Удачи, Леночка.

Он быстро ушел, не оглядываясь назад.

Я принесла свое признание в бюро сразу после одиннадцати, а затем я забрала Алика из квартиры Миши. Нам хотелось побыть вместе. Я взяла его пообедать в лучшем ресторане, который я знала, и затем повела его в Московский государственный цирк. Он был слишком мал, чтобы оценить все это; это был мой жест вызывающего неповиновения.

*

Когда мы вернулись домой, квартира была вывернута наизнанку. Все из шкафов и ящиков валялось на полу. Мои драгоценности исчезли, мои письма, лич-

ные бумаги и мой пистолет. Но почему они просто не пришли, чтобы арестовать меня? Возможно, это была только кража, в конце концов. Миша должен был бы знать.

Я подняла телефонную трубку, но телефон соединял только с дежурным охранником в фойе. Это был КГБ, теперь можно было не сомневаться.

Я только уложила Алика спать, как в комнату ворвались генерал Судоплатов, подполковник Горняк, и эта ужасная женщина, майор Иванова. Они предложили, чтобы мы перешли в соседнюю квартиру для допроса.

- Не волнуйтесь – вы услышите своего ребенка, если он начнет кричать!

У соседней квартиры была та же планировка, как и у моей, но она была оснащена как офис, с обитой дверью, двумя телефонами и большим количеством технического оборудования. Дежурный офицер освободил место для нас.

- Товарищ Пушкова, кто надоумил вас проинформировать этих людей в Париже о наших планах?

- Никто. Это была моя собственная идея. Я посчитала это лучшим решением, чем их убийство.

- Ладно, но тогда кто попросил, чтобы вы искали лучшее решение? Вас послали в Париж, чтобы выполнить определенный приказ. Теперь мы будем посмешищем во всей Франции.

- Товарищ генерал, если вы прочтете хоть одно слово об этом деле в какой-то газете, вы можете меня расстрелять!

- Это не в моей компетенции. Вас будут судить, и вы получите приговор по закону. А теперь еще раз расскажите нам всю историю с самого начала.

На это ушла вся ночь. Утром они заставили меня отвезти Алика в детский дом, и затем меня оставили одну, совсем одну, точно, как после инцидента с пощечиной. Но на сей раз мои проблемы были куда серьезнее.

Я была настолько уверена в аресте, что даже подготовила «неприкосновенный запас» для выживания в Сибири: нарезанный кубиками хлеб и лук, высушенные на печи; бобы, сахар, и соль в льняных мешочках, иголки для шитья и ножницы. Однажды поздно ночью, в середине февраля, случилось то, чего я давно ожидала – дверной звонок зазвонил. Я была готова к этому; я собрала свои самые необходимые вещи, и открыла дверь.

Там стоял Семен Берия, в шубе, свисающей с одного плеча, в меховой шапке набекрень на его темных вьющихся волосах. Он увидел мешок в моей руке.

- Вы как раз собирались куда-то уходить?

- Возможно...

Он прошел мимо меня в квартиру.

- Что случилось с вашим телефоном? Я больше часа пытался к вам дозвониться.

Охранник в соседней квартире по соседству, сгорая от нетерпения, слушал все это, я знала. И я могла бы также сказать ему, кем именно был мой гость.

- Возможно, что-то не в порядке с линией, Семен Лаврентьевич Берия, это все время происходит.

Я произнесла его имя особенно четко, и Семен посмотрел на меня с озадаченным выражением.

- Вы выглядите бледной! Вы же не больны, надеюсь? Пойдемте, сменим обстановку на что-то более приятное, потанцуем!

Это был день Советской армии, напомнил он мне, и в Центральном доме Советской армии должен был состояться бал. Я надела платье, которое купила в Париже, но я действительно не ожидала, что смогу спуститься вниз по лестнице так, чтобы охранник не заметил меня. Но ничего не случилось, и на вечеринке тоже не было никаких изумленных лиц, потому что я там ни с кем не была знакома. Это была другая часть привилегированных лиц, главным образом, молодые офицеры военно-воздушных сил с высокими званиями и многочисленными медалями. Один из них подошел к Семену и, после того, как он с заносчивым видом оценил меня, попросил представить его.

- Разумеется, мой друг. Генерал-майор Василий Иосифович Сталин. Старший лейтенант госбезопасности Елена Кирилловна Пушкова.

Возможно, меня ожидали военный трибунал и Сибирь, но в настоящий момент я стояла между сыновьями двух самых влиятельных людей в России. Это был слишком хороший шанс, чтобы его упустить. Я подарила Василию ободряющую улыбку; он быстро повел меня на танцплощадку и монополизировал меня на оставшуюся часть вечера. Но, к сожалению, он не был в подходящем состоянии для какой-то серьезной беседы; он много пил, и очень скоро его поведение стало привлекать внимание к нам обоим. Семен исчез. Я могла видеть взгляды, которые бросали на Василия его собратья-офицеры, и поняла, что мне нужно было что-то предпринять.

- Вася, я думаю, мне теперь пора идти домой.

Когда он услышал, что у меня была собственная квартира, он слишком страстно захотел овладеть мною. Я надеялась, что «слухач» с другой стороны стены будет соответственно впечатлен. Но когда мы надевали наши пальто в холле, какой-то человек в штатском тронул меня за плечо.

Василий Сталин

- Товарищ Пушкова, пожалуйста, следуйте за мной.

Он показал мне знакомую красную книжечку.

- Что происходит? – спросил нетерпеливо Василий. – Разве вы не знаете, кто я?

- Конечно, знаю, товарищ генерал.

- Вот и хорошо, тогда убирайтесь!

Он схватил мою руку и спешно повел меня к машине. Но офицер КГБ опередил его.

- Простите, товарищ генерал! Ваша спутница находится под арестом.

- Ну, черт бы меня побрал!

Эта новость, по-видимому, немного отрезвила его. – Только позвольте мне сначала поговорить с нею. Я прослежу, чтобы она не сбежала. Куда мне потом отвезти ее?

- На Лубянку, пожалуйста, в первое управление.

Сотрудник КГБ, казалось, был почти благодарен.

Как только мы были в автомобиле, я разрыдалась.

- Вот черт! – воскликнул Василий. – Мы должны навестить товарища Серова.

- А кто он?

- Он заместитель Абакумова. Он узнает, в чем проблема.

На квартире Серова была другая вечеринка. Василий попросил разрешения поговорить конфиденциально с хозяином дома, и меня оставили, смущенную, среди высокопоставленных гостей.

- Подойдите сюда и садитесь с нами, – сказала любезно какая-то женщина.

- Какое красивое платье! Вы, конечно, купили его не в Москве!

Кто-то протянул мне рюмку водки. Я уже и так слишком много выпила, и мой взгляд продолжал блуждать к двери, за которой исчезли Василий и Серов. Наконец, Василий вернулся, и теперь была моя очередь. Серов сидел в кресле и курил. Он походил точно на доброжелательного учителя.

- Почему бы вам не рассказать мне все об этом?

Я описала задание в Париже и сказала ему, что предупредила жертв. Он слушал в тишине, только время от времени качая головой. Когда я закончила, он спросил:

- Вы считаете, что были правы, когда поступили так?

- С точки зрения человечности, да, правильно.

- С точки зрения человечности! Как долго вы уже служите в КГБ?

- Десять месяцев.

- А сколько вам лет?

- Двадцать три.

- Где вас обучали?

- Я почти окончила курс в милицейском училище.

- Вы не были в академии имени Дзержинского?

- Нет.

- И кто направил вас в Париж?

- Генерал Судоплатов.

Бесцветные глаза Серова посмотрели на меня сверху донизу. Он положил сигарету в пепельницу и воскликнул: – Судоплатов – идиот.

Иван Серов

*

Результатом всего этого стало то, что вместо того, чтобы попасть под трибунал, я была направлена на учебу на военно-дипломатический факультет академии имени Дзержинского, курс обучения начался 1 марта 1951 года. Все курсанты были офицерами КГБ, и я была единственной женщиной. Нашими предметами были изучение конституции, международные отношения, история и право. Это был сухой материал; я посчитала различие между коммунистической теорией и советской реальностью практически непостижимым, и множество технических терминов на лекциях выходило за пределы моего знания русского языка. Я быстро возненавидела Академию и начала искать способ сбежать оттуда.

(Не совсем понятно, какое именно учебное заведение имеет в виду автор. Академия Дзержинского – это Артиллерийская академия имени Дзержинского, ныне называющаяся Военной академией РВСН имени Петра Великого. Она готовила не дипломатов и не разведчиков, а офицеров-артиллеристов, а позже

ракетчиков. Совершенно отдельно от нее существовала и Военно-дипломатическая академия, в настоящее время – Военная академия министерства обороны. Но она никогда не носила имя Дзержинского, и готовила разведчиков не для КГБ, а для военной разведки. – прим. перев.)

В начале мая на доске объявлений студентов появился плакат, приглашающий добровольцев на работу в Уральских горах. Последним известным местонахождением Андрея был трудовой лагерь под названием Шабареск, где-то на Урале. Возможно, я могла бы убить одним выстрелом двух зайцев. Я подала заявление на эту работу и была принята с готовностью; я была единственным добровольцем.

Судоплатов был в ярости; так же рассердился и Миша, который вел себя как ревнивый муж.

- Я не обязана обращать внимание на то, что ты говоришь, – напомнила я ему. – Я замужем за Андреем, а не за тобой.

- Ты еще пожалеешь об этом, – пообещал он мрачно. – Ты понятия не имеешь, что там за жизнь.

ГЛАВА 17

«Тот ужасный остров»

Я действительно пожалела об этом почти сразу. Меня послали в Казань, столицу Татарской республики. Ледяной ветер дул в тот день, когда я приехала туда с Аликом; город был все еще покрыт снегом в середине мая, и река Волга была скована прочным льдом. Голодные, плохо одетые люди стояли в очередях у продовольственных магазинов целыми днями, а отсутствие гигиены было ужасающим.

Жилье для меня было устроено в доме одной старой вдовы; комната пахла кислым молоком, высушенными грибами и тяжелым папиросным дымом. После одной ночи Алик и я оба были покрыты укусами клопов. Я послала Мише настоятельную просьбу о шести рулонах обоев; затем я вычистила и продезинфицировала комнату и разбрызгала керосин между половицами. Но как только эта комната стала чистой и уютной, как вдова захотела ее для себя; я переехала в ее прежнюю комнату, и снова провела уже там операцию по уничтожению клопов. Затем эта комната потребовалась дочери вдовы. Когда я довела до ума третью и последнюю комнату, дом был выставлен на продажу.

Мне предложили пожить у родителей вдовы, но мне к тому времени уже надоели эти игры, и я купила себе собственный дом в соседнем городе Зеленодольске и наняла женщину, чтобы заботиться об Алике. Моя работа была описана как «социальная и политическая забота» об иностранных студентах в Казанском университете и о заключенных в исправительно-трудовом лагере в Зеленодольске. Я, естественно, больше интересовалась заключенными, чем студентами, и под предлогом установления контакта я тщательно расспрашивала их о том, в каких других лагерях они были и каких других заключенных они знали. Но ни один из них никогда не слышал об Андрее.

На холме над городом я нашла остатки немецкого военного кладбища. Оно было совсем заброшенным; деревянные кресты попадали, и коровы паслись и топтались на могилах. Когда я попытался прочитать некоторые из забытых имен, само это место, казалось, символизировало безнадежность моего поиска.

*

Тогда секретарь местной партийной организации сказал мне, что я должна буду стать гидом для делегации из Восточной Германии, которая приезжала, чтобы осмотреть электростанцию в Свердловске и поговорить с немецкими студентами в университете,

- Товарищ секретарь, а что же они скажут, когда увидят военное кладбище!

Теперь как раз пришло время все там исправить. Осмотр гостями достопримечательностей закончился на кладбище, которое было обнесено новым белым забором. Внутри дорожки были посыпаны красным гравием согласно русскому обычаю, и у каждой могилы была только что нарисованная табличка с именем. Немецкие товарищи шли среди рядов могил, читая имена и кивая друг другу. Один из них заметил: – Фашистская пропаганда всегда утверждала, что в Советском Союзе не чтут мертвых.

- Ах, – улыбнулся партийный секретарь, – это еще одна хорошо известная ложь капиталистов!

*

Вскоре после этого меня вызвали назад в Москву. Генерал-майор Миранов, начальник управления кадров, хотел видеть меня. Я задавалась вопросом, что на сей раз было не так.

На самом деле все было нормально, и мои прошлые ошибки казались вполне прощенными и забытыми. Миранов получил письмо от восточногерманского посла, благодарящего его за обед, который я устроила для делегатов прежде, чем они уехали из Казани. Это было вполне простое дело, поскольку никакие

излишества не были доступны, но я приложила все усилия, чтобы обеспечить привлекательную обстановку – и позаботилась о том, чтобы было много водки.

(Возможно, не Миранов, а Миронов. Можно предположить, что имеется в виду Николай Романович Миронов, советский партийный деятель и генерал, с августа 1951 года служивший в органах госбезопасности, с 1959 и до своей смерти в авиакатастрофе в 1964 году заведующий Административным отделом ЦК КПСС. – прим. перев.)

- Немцы чувствуют, что они хоть и мельком увидели хороший уровень жизни, нормальный в частных домах на Урале, – сказал Миранов с кривой улыбкой. – Это как раз тот вид пропаганды, который нам нужен. Я так понимаю, что привести в порядок кладбище это тоже была ваша идея. Поздравляю! Я очень доволен вами, товарищ!

Он дал мне кассовый чек на 2 000 рублей, чтобы покрыть расходы на обед.

- Мы будем больше использовать вас в будущем как гида для иностранных гостей. Вы должны будете посещать институт повышения квалификации в Казани; это вечерний курс, он не помешает вашей работе. И, наконец, министр хотел бы пригласить вас на обед. Будьте готовы в восемь часов.

Абакумов выглядел более серым и еще более нездоровым, чем когда-либо, под глазами его были синие тени. Он почти ничего не ел.

- Вы выглядите очень симпатично, моя дорогая. Где вы достали это платье?

- В Париже.

- О, так вы были в Париж, не так ли?

Разумеется, он подшучивал надо мной!

- Товарищ министр, так вы же сами меня туда послали, помните?

– Да, да я помню. Вы создали нам всем большую проблему.

- Но вы не сделали ничего, чтобы помочь мне!

Брови Абакумова поднялись. – Если бы это на самом деле было так, то вы, конечно, сейчас не сидели бы здесь! Нет, мне действительно пришлось приложить большие усилия, чтобы найти причину, почему вас нельзя расстрелять.

- Но это же товарищ Серов...

- Да, это именно он указал, что вы были слишком неопытны для такой миссии. Я был рад согласиться с ним!

Он взял мою руку и погладил ее. – Я очень рад, что все это дело так хорошо закончилось. Вы слишком молоды и также слишком красивы, чтобы умереть.

Когда мы покинули ресторан, Абакумов посмотрел на меня проницательным взглядом. – Вы ведь не торопитесь, правда? Я хотел бы говорить с вами о вашем муже.

Я немедленно насторожилась. – Нет, нет, товарищ генерал, я никуда не тороплюсь!

- Тогда поедем ко мне на дачу.

Дача эта по роскоши почти не уступала загородному дому Берии. Абакумов показывал мне все вокруг с почти искренней гордостью, и рассказывал мне о своих розариях, своих слугах и о двух поварах, которые посменно были на службе круглые сутки, готовые обеспечить еду в любое время дня или ночи. Для кого, задавала я себе вопрос; я редко встречала человека, менее интересующегося едой!

Затем он усадил меня на диван и начал говорить мне, насколько одинока его жизнь; какие тяжелые и иногда жестокие обязанности он должен выполнять на своем высоком посту; насколько он жаждет любви женщины. Я не могла не почувствовать себя почти виноватой перед ним, когда он пристально глядел на меня своими печальными глазами.

- Я стар, и уже не силен здоровьем. Я не буду требовать от вас того, чего требовали бы мужчины помоложе. Все, чего я хочу, это сочувствие, теплота, и, возможно, немного привязанности. Вы понимаете меня, дорогая?

Он, похоже, был удовлетворен моим поклоном.

- И теперь, о чем вы хотели спросить меня, моя малышка?

(Абакумову в 1951 году было всего 43 года. – прим. перев.)

Я рассказала ему, как я добровольно вызвалась работать на Урале в надежде, что Андрей мог бы быть в лагере там, и как все мои расспросы не дали результатов.

- Ну и дела! Так вот из-за чего вы туда поехали? Как можно быть такой глупой? Ваш муж вовсе не на Урале и даже не где-то поблизости от него.

- Значит, вы знаете, где он!

- Конечно. Он на Новой Земле.

- О, нет! Бедный Андрей!

Новая Земля – это остров у северного побережья Сибири, недалеко от Северного полярного круга и в 1500 милях от Казани.

- Пожалуйста, Николай Александрович, вытащите его оттуда!

(Абакумова звали Виктором Семеновичем. Николаем Александровичем звали Булганина. Вот он, возможно, и мог бы назвать себя стариком. Он был на 13 лет старше Абакумова, и в 1951 году ему было 56 лет. – прим. перев.)

- Вы немного переоцениваете мои полномочия.

- Нет, не переоцениваю. Вы могли бы перевести его, если бы захотели.

- Я первым делом с утра позвоню товарищу Варенцову.

На этот раз министр сдержал свое слово.

*

Маршал Варенцов отвечал за разработку ракет; он принял меня в своем штабе на окраине Москвы.

- Значит, вы жена моего старого товарища по оружию, Андрея Николаевича. Мне жаль, что я не мог ничего сделать для него, он был отличным командиром. Но у меня нет большой власти, что касается заключенных. Я не смог даже спасти своего собственного зятя, когда он был приговорен к смерти за саботаж. Моя дочь застрелилась, вы знаете.

Он сказал это с гордостью в голосе, хотя в его глазах блестели слезы.

Я, ошеломленная, молчала, а Варенцов продолжал:

- Прежде всего, мы должны вытащить его с того ужасного острова. Возможно, мы смогли бы перевести его на какой-то ракетный испытательный полигон как инженера-специалиста, а затем мы могли бы подумать о просьбе о помиловании. Это могло бы сработать, но в таких делах ничего нельзя знать точно. И если бы еще и министр Абакумов замолвил бы словечко… Но на все это потребуется время.

- Ну а пока есть ли у меня шанс увидеть его?

Он поглядел на мою форму. – Новая Земля – запретная зона, но для вас, как офицера госбезопасности, это, вероятно, было бы возможно. Давайте посмотрим.

Он заглянул в ежедневник на своем столе. – Да, группа инженеров летит туда в октябре. Только на одни сутки, но у вас было бы время, чтобы поговорить с ним. Я посмотрю, смогу ли я это устроить.

Сергей Варенцов

*

Я вернулась в Казань и зарегистрировалась в институте повышения квалификации. С работой на протяжении целого дня и с лекциями каждый вечер, время очень быстро пролетело до середины октября, когда меня отозвали в Москву, чтобы подготовиться к поездке. Специальная одежда была необходима для арктической зимы; и, кроме того, я взяла два чемодана, полные вещей для Андрея – шерстяную одежду, сигареты, шоколад, консервы и фрукты.

После шестичасового полета самолет приземлился в снежной пустыне. Снаружи было сорок пять градусов мороза; я смогла почувствовать, как холод кусал меня за ноги, когда я начала спускаться вниз по трапу. Кто-то оттащил меня назад и заставил меня надеть высокие валенки слишком большого размера, и я нетвердой походкой побрела к металлическому бараку, который служил приемным блоком. Оттуда запряженные собаками сани повезли нас в лагерь.

Мне выделили комнату в административном блоке, и, распаковав вещи и сняв огромные валенки, я спустилась, чтобы пообедать. Столовая была полна мужчин; они смотрели на меня так, как будто я была существом из другого мира. После обеда начальник лагеря подошел ко мне, немного смущенный.

- Если вы не возражаете, товарищ, то было бы лучше, если бы вы оставались в своей комнате. Здесь никто не видел женщину в течение многих месяцев – не говоря уже о заключенных. Вашего мужа скоро приведут к вам. На свидание с ним у вас будет два часа.

Я пошла наверх и стояла у окна в ожидании. Тогда мне вдруг пришло в голову, что было бы неправильно быть здесь в форме, и я вытащила из чемодана платье. Едва я бросила свой ремень на кровать, как в дверь постучали.

- Войдите!

На незнакомце, который неуверенно стоял в дверном проеме, был темный бушлат, стеганые штаны и тяжелые ботинки. На правой штанине был по трафарету написан номер А1379. Он был ужасно худым, и его выбритая голова качалась на шее, которая, казалось, состояла из одних сухожилий. Я молилась про себя, чтобы, когда Андрей придет, он не выглядел бы так ужасно как этот человек.

Кадык заключенного дергался вверх и вниз. Наконец, он смог заговорить:

- Андрей Николаевич Сидоров прибыл.

Голос, по крайней мере, был узнаваемым. Я подавила свой шок и ужас и помчалась к нему, чтобы заключить его в свои объятья. Тогда я сняла его ботинки и грязную телогрейку, и мы вместе сели на кровать. Он был полностью смущен.

- Никто не сказал мне, что ты приехала... Я никогда и не представил бы... и форма... и эти светлые волосы. Когда я в последний раз видел тебя, на суде, ты выглядела такой больной. А ребенок? Он ведь умер, не так ли?

У меня смех чередовался со слезами. – Нет, нет, он жив. У тебя прекрасный сын!

Я дала ему последнюю фотографию Алика. Слезы лились по щекам Андрея. Я открыла чемоданы и показала ему подарки, которые я привезла.

- Они морят тебя голодом, дорогой? Ты выглядишь таким худым и больным!

- Нет, не так чтобы... У меня было плохое пищеварение, начиная с Ленинградской кампании. Еда здесь слишком жирная – из-за холода, знаешь, а я не могу переваривать ее.

- Ах, когда тебя освободят, я приведу тебя в клинику.

Андрей улыбнулся. – Мне осталось еще восемь лет до освобождения!

- Не обязательно.

Я рассказала ему о Варенцове и Абакумове и об их планах относительно апелляции. Он слушал спокойно.

- Я не уверен, что могу верить во все это. Но это и не важно. Я увидел тебя, и наш сын жив и здоров. Я могу оставить фотографию?

- Конечно, я принесла ее для тебя.

Он обернул ее куском газеты и спрятал в карман своего тюремного бушлата. Я поглядела на свои часы и начала говорить быстро, потому что время летело быстро. Но когда эти два часа закончились, никто не пришел. Только когда наступило утро, сержант увел его. Я смотрела, как мой муж покидал комнату, согнувшийся и тощий, шаркающий ногами как старик, и плачущий как ребенок. Полковник Андрей Сидоров, Герой Советского Союза, тридцати шести лет.

*

Примерно в полдень я вылетела назад в Москву. К тому времени у меня началась истерика, и я все время плакала. Я не хотела никого видеть, меньше всего Мишу, поэтому я сняла номер в отеле и позвонила Абакумову. Министр отсутствовал из-за болезни. Но Варенцов не бездействовал; он принял меры, чтобы Андрея перевели в тюрьму Петровка в Казани, и подал прошение о помиловании.

- Могло бы помочь, если бы вы тоже подали такое прошение, – сказал он мне, и поэтому я составила такое заявление прежде, чем я уехала из Москвы, и отправила его председателю Швернику лично.

4 ноября произошел перевод Андрея. Я взяла отгул и отправилась по магазинам, чтобы купить все излишества, которые я могла достать. Тюрьма была в старом татарском замке. На милиционера в воротах ни моя форма, ни удостоверение КГБ не произвели особого впечатления.

- Вы можете увидеть своего мужа на четверть часа, но не сегодня. Самое раннее – завтра. И что вы принесли в этом чемодане?

Когда я открыла чемодан, у него расширились глаза, и он полез в свою книгу с правилами.

- Жареный цыпленок – запрещено. Сигареты – запрещено. Вино – запрещено. Апельсины – конечно, запрещено. Да, кстати, где вы вообще достали их?

- Я предполагаю, что разговоры во время свидания тоже запрещены! – вспылила я. Я пошла прямо к моему начальнику в местном управлении КГБ.

- Товарищ майор, я должна допросить некоторых иностранных заключенных в Петровке. Я могу получить для этого пропуск прямо от начальника тюрьмы?

Таким образом, я смогла приходить и уходить свободно, и использовать комнату для допросов в любое время. Никто не беспокоился о чемодане. Однажды я взяла с собой Алика, но он был испуган странным худым человеком, которого он, как предполагалось, должен был называть папой, и из этого ничего хорошего не вышло.

В конечном счете, конечно, начальник тюрьмы вызвал меня.

- У вас было специальное разрешение приходить сюда и разговаривать с иностранными заключенными. Но мне говорят, что вы всегда вызываете одного и того же человека, который на самом деле является советским гражданином.

Я не пыталась что-то скрыть, но я решила воспользоваться своим служебным положением, выложив на стол начальника письма, которые были у меня в сумке, от главного маршала артиллерии Варенцова. Они оказали чудесное воздействие.

- Ну, это совсем другой разговор, товарищ Пушкова. Я понятия не имел, что у вашего мужа были такие влиятельные связи. Если я могу как-то быть полезным, вы должны только сказать мне.

С тех пор я приносила горячую пищу для Андрея в тюрьму каждый день, и он постепенно начал восстанавливать силы. Но о помиловании ничего не было слышно.

Однажды ночью меня разбудил телефонный звонок. Это был начальник тюрьмы; Андрей был очень болен, и я должна была немедленно прийти.

- А что случилось?

- Я не знаю; что-то с желудком. У него было кровоизлияние, и он страдает от сильной боли.

Я попросила хирурга из больницы Зеленодольска пойти со мной. В тюремном лазарете Андрей лежал на носилках, накрытый простыней, как будто он был уже мертв. Начальник тюрьмы привел главного хирурга казанской больницы, и эти два специалиста совещались друг с другом низкими, взволнованными голосами в течение нескольких минут. Тогда один из них подошел ко мне.

- Ваш муж страдает от прободной язвы, товарищ. Мы должны немедленно сделать операцию, но он не переживет ее, если ему сначала не перелить кровь. Мы должны найти донора.

- Ничего, у меня такая же группа крови. Давайте начнем.

Несколько минут спустя Андрей и я лежали рядом в операционной, и кровь перетекала из моего тела в его.

*

Я пробыла в тюремном лазарете одну неделю, пока опасность для Андрея не миновала окончательно. Затем наступило время для моего обычного посещения Москвы, еще одна возможность попытаться добиться освобождения Андрея. Но Варенцов сказал, что все возможное уже было сделано, и он мог только посоветовать запастись терпением. А Абакумов был в санатории на Черном море. Я решила обратиться напрямую к Швернику. В конце концов, он ведь раньше уже помог мне. Как только у меня был свободный час, я добралась до желтого здания Исполнительного комитета.

Один взгляд на очередь просителей, и я уже знала, что никогда не смогу добраться до председателя за эти три дня, которые я могла оставаться в Москве. Я спросила дежурного, есть ли какой-то более быстрый путь.

- Ну, нет. Вы должны ждать своей очереди как все остальные. Но не рассчитывайте, что сможете встретиться с председателем Шверником лично. Да и как он смог бы найти время для всех этих людей! Вам разрешат изложить свои доводы дежурному чиновнику – когда до вас дойдет очередь.

Я была испугана, но не побеждена. На следующий день я пошла в центральное управление и получила там красную нарукавную повязку с надписью «дежурный офицер», и выписала себе пропуск в здание. На сей раз я прошла мимо приемных и, с помощью нескольких тщательно сформулированных вопросов, нашла дорогу к широкой лестнице, коридору с красным ковром, и приемной перед кабинетом Шверника.

Человек за большим столом, где когда-то сидел Миша, сказал мне, что я не могу увидеть председателя лично. Я показала ему свое красное удостоверение, и письма от Варенцова и Абакумова. Я также подарила ему свою самую хорошую улыбку. Неохотно он поднял телефонную трубку.

Большой кабинет был таким же, каким я помнила его, и мои колени дрожали, как они дрожали тогда. Шверник что-то искал среди бумаг на своем столе.

- Какая у вас проблема, моя дорогая?

- Товарищ председатель, однажды вы уже помогли мне; вы спасли моему сыну жизнь.

Он слушал меня очень внимательно, но было видно, что он не помнил меня.

– Я написала вам из Бутырской тюрьмы, и меня привели сюда, а я тогда призналась вам во всем. Министр Абакумов был с вами.

Наконец, в его глазах вспыхнула искра. – Ах да, теперь я припоминаю! Маленькая немецкая девочка. Вы, конечно, изменились в лучшую сторону, моя дорогая. И что же я могу сделать для вас в этот раз?

- Я прошу, чтобы теперь вы спасли жизнь моего мужа. Он все еще находится в тюрьме; он болен; он никогда не совершал никаких преступлений!

Выражение отеческого интереса на лице Шверника сменилось выражением печали. Или он чувствовал подлинное беспокойство о каждом из миллионов, жизнями которых он управлял – или же он был очень хорошим актером. Я затаила дыхание.

- Принесите мне дело Сидорова, – сказал он своему секретарю. Он пролистал его с определенным вниманием, задавая вопросы и делая комментарии. Затем он встал и пожал мне руку.

- Вы получите своего мужа назад, товарищ.

Когда я покидала кабинет, вся в слезах, я услышала, что он сказал секретарю: – Составьте письмо.

ГЛАВА 18

Слезы по тирану

30 декабря 1951 года Андрей был освобожден. Двадцать четыре часа спустя его родители приехали из Горького, и мы отпраздновали наступление Нового года как никогда прежде. Затем у нас был месячный отпуск на Черном море, за государственный счет, из которого Андрей вернулся загорелым и поправившимся, и снова с волосами нормальной длины. Он был восстановлен в армии в старом звании и с полными почестями, получил квартиру в Казани и работу

на ракетной базе, которая строилась недалеко от города. Еще ему выплатили компенсацию в размере 66 000 рублей. Внезапно государство старалось сделать для нас все больше и больше! Но у родителей Андрея случилась беда; их дом в Горьком сгорел дотла. Это казалось идеальным решением для них переехать в мой дом в Зеленодольске и взять на себя заботы о маленьком Алике.

Мы решили потратить деньги от компенсации на строительство дачи на берегу Волги, где мы могли бы летом проводить выходные. Жизнь снова стала насыщенной и изумительной, и для меня больше не имело смысла работать полный рабочий день и учиться по вечерам. Я подала заявление об увольнении из КГБ, объясняя, что моя первая обязанность состояла в том, чтобы заботиться о моем муже и сыне.

В результате меня по телефону вызвали в Москву. Абакумов принял меня лично, и он сейчас был уже не страстно увлеченным пожилым кавалером, а очень сердитым человеком.

- Товарищ Пушкова, – гремел он, – вы думаете, что КГБ – благотворительное учреждение? Вы предполагали, что можете оставить нас, как только мы реабилитировали вашего мужа? Неужели вы все еще не поняли, что вам оказали честь работать для государственной безопасности Советского Союза на всю вашу жизнь, без какой-либо альтернативы, кроме позора?

Темно-красный шрам пылал на его бледной щеке. Он вручил мне готовое заявление. В нем я обязывалась закончить свою учебу в Казани и выполнять все приказы, отданные Центром, без каких-либо возражений. Я ничего не могла сделать, кроме как подписать. Это был последний официальный акт министра. На следующий день он возвратился в санаторий, умирающий человек.

Миша ждал меня у дверей учреждения. Как обычно, он знал все.

- Разве я не говорил тебе, Леночка, еще в самом начале, что у нас здесь нет такой вещи как отставка!

Он сказал мне, что его отправляют в Германию. Он спросил, счастлива ли я. Я уверила его, что счастлива, и пожелала ему удачи. Но он не хотел отпускать мою руку.

- На днях, любимая, мы вместе будем в Берлине. И это обещание!

- И не надейся, товарищ!

*

Дача была закончена в разгаре лета, и мы устроили вечеринку по поводу новоселья. Андрей пригласил всю свою семью, и они все приехали. Я никогда не

ладила с его братьями, которые были фанатичными коммунистами и посчитали меня фривольной и экстравагантной, как только мы поженились. Ну а теперь я не могла забыть и о том, что они старались держаться как можно подальше от нас обоих, пока Андрей снова не стал пользоваться благосклонностью официальных властей.

Я пригласила мать Миши, которая часто в своих письмах писала, как бы ей снова хотелось увидеть Алика. Но когда мы встречали ее на станции, там был и сам Миша с большой корзиной красных роз.

- Я не думал, что мамочка должна поехать одна, – объяснил он.

Той ночью Андрей спросил меня: – У тебя был роман с этим Черниковым?

- Почему ты так думаешь?

- Он ведет себя так, как будто ты принадлежишь ему.

- Я должна быть благодарна ему. Когда мы вышли из тюрьмы, он сделал все возможное для Алика и меня.

Как я могла сказать Андрею правду? После его освобождения я заметила, что он был излишне ревнив и подозрителен ко всему, что я делала.

Следующим вечером, во время вечеринки, произошел прискорбный инцидент. Я вышла на балкон, чтобы насладиться прохладным ветерком с реки, когда Миша подошел ко мне и начал мне настойчиво шептать.

- Ты не настолько счастлива, как ты этого заслуживаешь, Леночка. Тебе здесь не место, и ты не вписываешься в эту семью. Ты выполнила свой долг перед Андреем – даже больше, чем долг – но он неподходящий человек для тебя. Возвращайся в Москву со мной!

Он собирался поцеловать меня, но брат Андрея Николай подскочил и оттолкнул его.

- Не смей прикасаться к этой женщине!

Когда Миша обернулся, Николай ударил его кулаком в нос. Они были оба хорошенько выпившие, я думаю, но Миша был безусловно сильнее. Он поднял Николая и бросил его через перила веранды. Николай закричал, и Андрей примчался с револьвером в руке. Я бросилась перед ним. Миша тоже вытащил пистолет, и его мать пыталась отобрать у него оружие. Наши гости крутились вокруг, потрясенные и напуганные; к тому времени, когда порядок был восстановлен, вечеринка была полностью испорчена.

- У меня в доме его больше не будет, – сказал Андрей.

- Прекрасно. Я тоже не хочу его. Но при этом я не хочу видеть здесь и твоих братьев.

- Хорошо.

Это было в некотором роде перемирие.

Однажды в конце августа я по службе была в одном из исправительно-трудовых лагерей. Было очень жарко, и нечего было делать; весь город смотрел футбольный матч. Я спросила свою начальницу, капитана Ольгу Чубакову, могу ли я пойти поплавать. Чубакову все ненавидели и боялись из-за ее строгости, но я несколько раз привозила ей из Москвы длинные отрезы ткани на платья, и она вследствие этого была довольно дружелюбна со мной. Она позволила мне пойти.

Я собрала свои купальные принадлежности и быстро спустилась к реке. Вокруг не было ни души. Но когда я уже была в воде, я увидела двух заключенных – отъявленных преступников, известных в лагере под прозвищами Одноглазый и Комиссар. Они что-то делали с длинным шнуром над складским блоком. Я не уделила этому большого внимания; но несколько минут спустя, когда я лежала на берегу и сохла под солнцем, послышалось несколько взрывов. Складской блок был объят пламенем. В нем хранилось много дизельного топлива, краски и рубероида, и пожарная команда не могла и надеяться спасти это.

Впоследствии был найден кусок бикфордова шнура, что доказывало умышленность поджога, и вся тюрьма была посажена на голодный паек, пока преступники сами не признаются.

Я, конечно, отлично знала, кто был виновен, но я была слишком напугана, чтобы что-либо сказать. Андрей не мог понять, почему я приняла это несчастье так близко к сердцу. Спустя несколько дней я вызвала этих двух мужчин, сказала им, что я видела, и попыталась убедить сознаться. Но они только стали угрожать мне ужасными последствиями, если я выдам их. Поэтому я держала рот на замке, как трус, которым я и была, и, в конечном счете, полные порции пришлось восстановить, поскольку заключенные стали слишком слабыми, чтобы работать. Никто так никогда и не был наказан за пожар, но этот эпизод позже спас мою жизнь.

*

6 марта 1953 года Андрей был в служебной командировке в Свердловске, а я осталась с его родителями в Зеленодольске. Я встала рано, чтобы сесть на

семичасовой поезд в Казань. На кухне гудел самовар, и радио играло торжественную мелодию. Моя теща и один из братьев Андрея сидели, рыдая, за кухонным столом, как будто у них случилось какое-то ужасное горе.

- Боже, да что же произошло? Что-то с Андреем?

Они молча покачали головами. Раздраженная, я собиралась выключить радио, когда музыка замолкла, и последовало объявление. Сталин умер. Голос в эфире, казалось, тоже был убит горем; музыка переросла в Похоронный марш Шопена; кухня была заполнена звуком плача. Видит бог, мне не за что было благодарить Сталина, но я всегда легко поддавалась эмоциям, и скоро я тоже рыдала со всеми остальными.

На улицах горожане тоже плакали. Все магазины были закрыты, но бесцельные очереди все еще выстраивались перед ними. Репродукторы передавали торжественную музыку, часто прерываемую речами с данью уважения мертвому вождю, и это было слышно повсюду, куда бы вы ни пошли, даже внутри железнодорожных вагонов.

Когда я вошла в кабинет, начальник, майор Хассим, вскочил на ноги.

- В чем дело, товарищ? – В вашей семье возникли какие-то трудности?

Я высморкалась и вытерла слезы в глазах.

- Но разве вы не знаете, товарищ майор? Сталин умер!

Он посмотрел на меня в чрезвычайном удивлении.

- Да, конечно, я знаю. Но сотрудники государственной безопасности не могут позволить себе поддаваться эмоциям. Сталин был смертен, как все остальные. Будет найден способный преемник; и жизнь и дальше пойдет своим чередом.

Не было, конечно, никакого перерыва в потоке директив из Москвы. Представитель Казани должен был отправиться на похороны, и они выбрали меня. Миша встретил меня на вокзале, и он тоже спросил, что случилось, когда увидел мое опухшее лицо. Он разразился громким смехом, когда я рассказала ему.

- Леночка, ты действительно смешна! Как жаль, что старик не может видеть, как ты оплакиваешь его. Ему бы понравилась эта шутка!

- Но этот всеобщий плач, Миша, хотя они ведь все при нем страдали.

- Я знаю, что они страдали. Они точно так же оплакивали и царей, бедные дураки. Но ты, я предполагал, могла бы понять, что к чему.

Миша был в приподнятом настроении. Ему только что присвоили звание полковника, и он ждал своего перевода в Берлин. Он покинул отдел Судоплатова и перешел в отдел контрразведки под руководством генерала Никольского.

(Вероятно, Никольского. У автора в оригинале – Николиско/Nikolisko. Возможно, имеется в виду генерал Михаил Иванович Никольский, заместитель начальника ОКР МВД СССР в 1948-1950 годах. – прим. перев.)

В целом, он был очень доволен собой.

- Как только я доберусь до Германии, – сказал он, – я навещу твою мать и скажу ей, что у тебя все хорошо. Ты же не будешь возражать против этого, да?

Я почувствовала ужасные муки ностальгии.

*

После великолепия и церемонности государственных похорон, состоялась вечеринка в центральном управлении. Это было мрачное мероприятие. Судоплатов волновался из-за возможной потери работы при новом режиме, и он только молча стоял и пил огромное количество водки. Миша привел меня в отдел контрразведки, чтобы познакомить со своим новым начальником.

Полковник Шалатов был там, тот самый офицер, которому я влепила пощечину. Когда он увидел меня, то рассмеялся, и уверил меня, что все уже прощено. Никольскому он сказал:

- Вы должны взять эту девушку в свой отдел, товарищ генерал. Она идеально подойдет для Берлина.

Здесь не было никакого траура по Сталину. Водка текла рекой, и все, казалось, одобряли Маленкова как нового первого секретаря партии.

- Он жирный и тучный, – сказал кто-то. – Такие люди никогда не бывают слишком опасными.

*

После плача в стране наступил период беспорядков. Заключенных освобождали в качестве политического жеста, и я встретила некоторых из них в поезде, который вез меня домой. Они, казалось, думали, что все внезапно изменится к лучшему. Андрей, вернувшийся из Свердловска, волновался. Заключенные там организовали бунт и убили весь персонал. Он советовал мне оставаться дома.

Но едва Андрей уехал на работу, как начальник лагеря позвонил мне. Не могла ли бы я прямо сейчас приехать и поговорить с иностранными заключенными. Да, были некоторые проблемы, но все под контролем.

Если там, возможно, и был какой-то контроль, то он исчез к тому времени, когда я добралась туда. Несколько перепуганных охранников столпились с криками у ворот, заключенные необузданно носились от одного барака к другому. Начальник лагеря, похоже, был потрясен тем, что я приехала. Я нашла его в его кабинете, с его помощником и капитаном Чубаковой, отчаянно пытавшегося куда-то позвонить.

- Боже, еще и вы здесь! Если бы мне только удалось дозвониться!

Тогда он бросил трубку обратно на рычаг.

- Дерьмо! – выругался он, и это было последним словом, которое он произнес в своей жизни.

Дверь выбили, и орда заключенных ворвалась в кабинет. Начальника ударили по голове; его помощника выбросили из окна; а толстую Чубакову быстро раздели донага. Ее удерживали на полу, и она кричала как кролик, в то время как мужчины один за другим насиловали ее. Меня вытащили и бросили на стол начальника, и нетерпеливые руки уже разрывали мою блузку, когда внезапно чей-то голос перекричал шум:

- Не ее, дураки!

Это был заключенный по кличке Одноглазый, тот самый, который поджег склад. Он стянул меня со стола, и чуть ли не на руках вынес меня из здания. У двери я оглянулась на капитана Чубакову. Она теперь молчала, и, казалось, была без сознания. Кто-то пытался вогнать ей во влагалище пустую бутылку водки. Как только мы выбрались наружу, мне стало плохо. Одноглазый прикрыл мою форму своим тюремным бушлатом и торопливо повел меня к вокзалу. Поезд уже ждал, и он подсадил меня в него.

- Уезжай, девочка, и не возвращайся никогда! В следующий раз я не смогу тебя спасти.

Я после этого провела несколько дней в больнице с сотрясением, шоком и своего рода нервным срывом. Андрей поссорился с майором Хассимом в управлении КГБ, и меня перевели с тюремной работы. Тем временем по всей России части Красной армии были брошены на подавление беспорядков, и призывы к свободе умолкли под пулеметным огнем.

Затем наверху начались чистки. Берия был арестован, на него свалили вину за весь террор последних лет правления Сталина, и позже расстреляли. Все в КГБ волновались. Миша добился моего перевода в отдел контрразведки.

- По крайней мере, – сказал он, – мы теперь среди тех, кто арестовывает, а не тех, кого арестовывают. Седьмому отделу нечего бояться.

Но в следующий раз, когда я увидела его, он выглядел ужасно.

- Вчера арестовали Судоплатова! – выпалил он, пока мы ехали с вокзала до его квартиры.

- Конечно, этого же следовало ожидать?

- Да, я знаю. Но я был там. Они послали меня вперед, так, чтобы он ничего не заподозрил – я и сам об этом понятия не имел, понимаешь. И пока мы болтали о прежних временах, ворвались Никольский и Овчинников и надели на него наручники. И когда они уводили его, он повернулся ко мне – я никогда об этом не забуду – и сказал: «Миша, старый друг, закрой мое лицо, пожалуйста. Не нужно, чтобы все меня видели». Тогда я стянул красную скатерть со стола и набросил ее на него. Я не знаю, где он сейчас.

Миша, упрямый, суровый, опытный полковник КГБ, сломался и заплакал. – Боже, мне так жаль, что они не позволили мне вернуться в Германию и не иметь никакого отношения ко всему этому!

Затем он оживился. - Это напомнило мне, что мне нужно кое в чем признаться.

Он сказал мне, что он и генерал Никольский организовали мое будущее. Когда я сдам выпускные экзамены в Казани, я должна буду пройти другой курс в Академии имени Дзержинского, что даст мне необходимую квалификацию для работы в Германии. Я могла бы ожидать, что меня направят в Германию приблизительно через год.

- Я не поеду без Алика!

- Тебе разрешат взять его, не волнуйся.

- А что с Андреем?

- Он должен будет сам принять нужные меры и все организовать для себя.

Мы поговорили об этом, когда я вернулась домой, и Андрей со временем увлекся этой идеей. Он сказал, что попросит у Варенцова о переводе. Но до этого момента должно было пройти еще много времени; я все еще должна была сдать экзамены.

В ноябре я получила письмо от Миши. Он снова получил очередное звание, стал бригадным генералом.

(В СССР не было такого звания. Вероятно, автор имеет в виду генерал-майора. – прим. перев.)

Он сказал мне, что Абакумов, хотя он и был болен, был арестован, и также был арестован Боверман, и что «реорганизация» теперь, похоже, была закончена. Он как раз уезжал в Потсдам, и он передал Андрею свои добрые пожелания.

(Виктор Абакумов был арестован еще при жизни Сталина, 12 июля 1951 года. Расстрелян он был 19 декабря 1954 года. Яков Броверман тоже был арестован в 1951 году, в 1954 приговорен к 25 годам и сидел в лагере до 1976 года. – прим. перев.)

ГЛАВА 19

Странное возвращение домой

В мае 1954 года я сдала выпускные экзамены в Казанском институте, и в июне я начала работать в Академии. Это был интересный курс, все о шпионаже и контрразведке; как устраивать тайники, как связываться с другим агентом.

- Первый принцип – всегда быть неприметным, – внушал нам лектор, – и с этой целью, вы должны всегда принимать обычаи той страны, в которой вы в данный момент находитесь. Если вы работаете в Соединенных Штатах, например, то вы должны менять свою рубашку каждый день, как бы экстравагантно это ни казалось. В Германии никогда не держите свои деньги просто в кармане, а в кошельке. Никогда, никогда не производите впечатления, что вы – военный. Разведчик должен выглядеть абсолютно бесхитростным, буржуазным человеком, возможно, даже немного наивным.

Он оглядел лекционный зал, увидел меня, и подошел ко мне. – Вот, товарищи, прекрасный пример того, что я имею в виду.

Нас учили, как справиться с детекторами лжи.

- Выберите какую-то одну точку, картину на стене или щель между половицами, и не спускайте с этой точки глаз. Отвечайте на вопросы только «да» или «нет», не двигайте глазами, и окажется, что ваш пульс будет продолжать оставаться на одном и том же стабильном уровне.

Это все было достаточно захватывающим, и наградой за учебу должна была стать долгосрочная командировка в Берлин. Я действительно наслаждалась тем летом в Москве. Андрей иногда нянчился с Аликом в долгие выходные, и он провел свой ежегодный отпуск в городе со мной.

Это была возможность увидеть Варенцова и спросить его о переводе, но маршал ничем не мог обрадовать; в Германии не было никаких ракетных баз.

Когда мой курс закончился в октябре, мне присвоили звание капитана и дали месячный отпуск. Андрей обратился с просьбой о переводе в ракетную дивизию полевой артиллерии, части которой действительно дислоцировались в Германии, но пока еще ничего не было решено, и он должен был остаться на своей работе в Казани. Слезы бежали по его лицу, когда он провожал Алика и меня на вокзале.

- Не унывай, Андрюша, – пыталась я утешить его. – Моя командировка продлится только шесть месяцев; я вернусь в мае.

Он качал головой и никак не хотел успокоиться. Возможно, он знал, что я никогда не вернусь.

12 ноября 1954 года экспресс дальнего следования из Москвы пересек границу во Франкфурте-на-Одере. Почти девять лет назад я проделала этот же путь в противоположном направлении, обритая наголо и втиснутая в переполненный и грязный вагон для скота. Из моего роскошного пульмановского вагона я всматривалась в пейзаж; он изменился гораздо меньше, чем я сама.

Мы доехали до Берлина днем, и нас встретил маленький «комитет по приему» – Миша, моя мать и герр Крамм. Мать выглядела сморщенной, высохшей и хрупкой; и герр Крамм, который так помог нашей семье в первые годы войны и изгнания, тоже постарел, став совсем седым и очень худым. Но его глаза, как я заметила, были все еще веселыми и проницательными. Мы сидели в станционном буфете и пили шампанское, в то время как моя мать, с Аликом на коленях, пристально глядела на меня, как будто не могла поверить своим глазам.

- Ты можешь сначала поехать в Гюстен, – сказал Миша, – и оставить Алика с его бабушкой. Через две недели явишься ко мне в мою контору в Потсдаме для прохождения службы.

- Слушаюсь, товарищ генерал!

Когда наш поезд остановился в Гюстене, платформа была переполнена людьми, и оркестр играл русский марш.

- Что это здесь происходит? – спросила я.

Герр Крамм улыбнулся. – Я боюсь, моя дорогая, сейчас окажется, что они делают это для вас.

И именно так оно и было. Производящий торжественное впечатление человек со значком на лацкане пиджака вручил мне букет хризантем и произнес небольшую речь.

- Разрешите мне приветствовать вас, дорогая товарищ Пушкова-Ванненмахер, от имени Социалистической единой партии Германии. Мы все горды тем, что гражданка нашего города стала таким выдающимся товарищем, и что она возвращается к нам в форме героической Советской армии.

Пока он говорил, я пыталась вспомнить, где я видела его прежде. Я знала его голос, и это лицо с длинным острым носом. Внезапно я все вспомнила. Он был местным секретарем немецкой коммунистической партии, который много лет назад донес на меня Ящуку за то, что я предупреждала жертв чисток. Герр Болле, так его звали. Он действительно думал, что благодаря такой смене тона ему это все сойдет с рук? Я очень жестко смотрела в его глаза, чтобы показать ему, что я не забыла.

Наконец мы смогли расслабиться в квартире матери. Вошел мой брат Йосси; он был женат, у него было уже трое детей, и он работал машинистом. Нам было о чем поговорить. Отец был арестован вскоре после того, как меня увезли, и умер в тюрьме год спустя. Мать должна была сносить постоянные допросы и преследования со стороны герра Болле; герр Крамм потерял всю свою собственность и теперь работал клерком.

Я огляделась в светлой комнате. – Но твоя квартира очень хороша, мамочка!

- Да, это так, правда. Год назад я жила в крошечной комнатушке на чердаке. Но потом твой друг, генерал Черников начал приезжать ко мне, в своем мундире и в большом официальном автомобиле – и после того, как это произошло несколько раз, герр Болле переселил меня сюда, за государственный счет. Я не должна была ничего делать, только подобрать мебель. Это отвратительно на самом деле.

- Ублюдок!

- Не говори так, дорогая. Он региональный секретарь, в конце концов, и у него есть очень хорошие связи среди русских.

- Мои связи лучше, чем его, уж поверь мне!

*

Самым удивительным в товарище Болле было то, что он действительно, казалось, не помнил ту роль, которую он сыграл в моих бедах. Он не прилагал усилий, чтобы держаться в стороне от меня; напротив, он едва мог оставить меня в покое. Следующим утром он пришел, чтобы пригласить меня на прием в ратуше. Темой должна была быть «немецко-советская дружба». Нужно было явиться в официальной одежде.

Это, как оказалось, было не столько вечеринкой, сколько политическим митингом.

Зал был переполнен; там было полно представителей прессы; и когда я пришла, меня провели на сцену, где сидели бургомистр и другие сановники. Герр Болле суетливо подбежал ко мне.

- Вы наш основной оратор сегодня вечером, товарищ Пушкова. Тема вашего выступления – «Жизнь в самой свободной стране в мире».

- Что за глупости! Я ничего не подготовила. Никто не предупредил меня, что мне придется выступать.

- Это не имеет ни малейшего значения, товарищ. Мы написали речь для вас.

Пока выступал бургомистр, я просмотрела машинописный текст, который Болле дал мне. Это была просто неискренняя хвалебная речь о Советском Союзе, хуже даже, чем некоторые, которых мне приходилось слушать за время моей работы. Я не могла заставить себя произнести хотя бы одно слово из этого. Бургомистр представил меня, и я встала, все еще спрашивая себя, что же мне, собственно, делать.

- Просто прочтите это, давайте! – шипел Боле позади меня. Я очень решительно повернулась и вернула ему речь. Затем я обратилась к аудитории и рассказала им об отдельных русских людях, которых я знала, в тюрьме, в университете, в столице и в провинции. Я говорила об их дружелюбии и жажде знаний, об их любви к музыке и литературе, об их теплоте и великодушии. Я ни словом не упомянула о системе, партийной политике, или о чем-то политическом вообще. В конце последовал гром аплодисментов.

У товарища Болле даже не хватило гордости, чтобы рассердиться. Следующим утром он приехал, чтобы показать мне сообщения в печати; мой портрет был во всех газетах. Он сказал мне, что моя речь была передана по радио, и что партийные секретари Галле, Лейпцига и Майнингена уже спрашивали, не соглашусь ли я поехать в их города и выступить на их митингах.

- Извините, но мне это не интересно.

*

В следующее воскресенье, когда моя мать готовилась идти в церковь, я внезапно решила пойти с ней.

- Но тебе же это наверняка нельзя, ведь ты советский офицер!

- Чепуха! И Алик тоже может пойти.

Мы одели его в самую лучшую одежду, и после службы мы посетили могилу отца.

Два часа спустя нам позвонили в дверь. Там был Болле с двумя чиновниками из окружного партийного комитета. Они потребовали, чтобы я впустила их в квартиру.

- Товарищ Пушкова, – начал Болле напыщенно, – нам сообщили, что вы ходили в церковь этим утром.

- Правильно. Ваши шпионы очень эффективны.

- Я просто не могу в это поверить! Разве вы не знаете, что членам партии не разрешено ходить в церковь?

- Возможно, немецким коммунистам. В России у нас нет такого правила.

- Это, разумеется, неправда!

Болле попытался начать обсуждение антагонизма между коммунизмом и церковью, но я уже открыла им дверь, и это было все, что я могла сделать, чтобы не пнуть их под зад, когда они выходили друг за другом.

В другой раз я ездила в Берлин с герром Краммом, и поезд, который должен был отвезти нас обратно в Гюстен, был абсолютно грязным; вагоны были древними, с порванной обивкой и разбитыми окнами. Я пожаловалась проводнику. Он посмотрел на меня высокомерно.

- Что, это недостаточно хорошо для вас, товарищ? Сейчас мы все равны, как вы знаете. Ну, давайте, заходите!

Я была не в военной форме, но у меня при себе было удостоверение КГБ, и я помахала им перед его носом.

- Согласно инструкциям, у каждого поезда должен быть, по крайней мере, один вагон первого класса для работников советской администрации. Где же он, скажите, пожалуйста?

Тон проводника в мгновение ока сменился с высокомерия на раболепие. Когда он закончил приносить извинения, он помчался в бюро начальника станции, и поезду пришлось ждать около получаса, пока не нашли и не прицепили к нему вагон первого класса. Проводник проводил нас к нему и отдал честь, когда мы поднялись в вагон. Когда поезд отъезжал, у него возникла запоздалая мысль.
- А могу я только взглянуть на документы этого господина, пожалуйста?

- Нет, не можете! – сказала я ему твердо и захлопнула окно.

Герр Крамм наслаждался всем этим происшествием.

- О, Хельга, маленькая девочка, – хихикал он, – ты явно поднялась в гору!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА 20

Сладость мести

Но я с тяжелым сердцем поехала в Потсдам, чтобы приступить так к своей новой работе. Возбуждение от возвращения домой прошло, и я была полностью разочарована тем, что я увидела в коммунистической Германии. Они не были героическими людьми, которыми, как предполагалось, должны были оказаться бывшие члены организаций Гитлерюгенда; апатия и коррупция чередовались с рабским повиновением России.

Миша кипел энергией и энтузиазмом, и моя депрессия уступила место воодушевлению к тому времени, когда он повел меня на обед после дня совещаний. Было хорошо снова работать вместе; я действительно очень любила его.

За обедом он проинформировал меня о моем первом задании. Советская воинская часть, размещенная в Бурге, страдала от таинственной и обычно фатальной вспышки какой-то болезни, в которой подозревали пищевое отравление. На кухнях казарм работали немцы. И я должна была узнать, не было ли среди них западных агентов, которые могли быть ответственными за отравление.

Город Бург был неподалеку от Гюстена. Я посетила военный госпиталь и внимательно наблюдала за симптомами больных. Затем я снова поехала в Гюстен, чтобы навестить там одного врача, которого я знала и которому доверяла. Как только я описала ему симптомы, он покачал головой и улыбнулся.

- Ох уж эти русские! Они восхитительные люди, но они во всем видят саботаж. Разве они не знают, что здесь в лесах в окрестности есть много случаев бешенства? Послушайте, одно из следствий болезни – панический страх воды. Покажите стакан воды одному из тех бедняг, и вы увидите, прав ли я.

Когда следующего «отравленного» пациента привели в палату, и я показала ему стакан с водой, он так громко закричал, что сбежались все медсестры. Лабораторные испытания подтвердили диагноз.

Миша был очень доволен мной. – Я всегда знал, что ты знающая свое дело девочка, Леночка. Тебе только нужно давать правильные задания.

- Только пока мне не приказывают кого-то убить, ты хочешь сказать!

- От тебя этого и не потребуется в следующий раз, хотя это задание уже не будет таким простым.

Он вытащил из сейфа толстую папку. – Это касается советского штаба в Хетштедте. Офицеры оттуда отправляют домой целые ящики ценностей – меха, серебро, драгоценности, фарфор и картины. Офицер по экономическим вопросам майор Шовин (возможно, завхоз части – прим. перев.), заполнил вещами целый железнодорожный вагон, когда поехал в отпуск.

- Ну, а почему вы просто не арестуете их всех?

- Мы ведь не можем арестовать весь штаб, не так ли? И у нас нет никаких доказательств. Мы хотим знать, как это делается. Ты поедешь туда как офицер по экономическим вопросам вместо майора Шовина. Установишь как можно больше контактов, и среди русских, и среди немцев, и произведешь впечатление, что ты очень энергичный товарищ, готовая к любому дельцу, особенно если оно может принести тебе какую-то выгоду. Держи глаза и уши открытыми и докладывай мне регулярно.

Хетштедт был небольшим красивым городком в предгорьях гор Гарца; советские и немецкие власти поддерживали между собой превосходные отношения и наслаждались шумной общественной жизнью. Русский комендант, полковник Рапухин, жил в большой роскоши на половине виллы, принадлежащей восточногерманскому президенту Вильгельму Пику, и мне разрешили занять другую половину виллы при условии, что я съеду оттуда в случае одного из редких визитов президента. Я вызвала мать и Алика; она должна была изображать из себя мою домоправительницу, конечно, но это был почти отпуск для нее.

Другой парой, выделявшейся своим гостеприимством, были Лотта и Ганс Фогт. Он был руководителем местного отдела восточногерманской службы безопасности, SSD («Штази»), и их дом тоже был полон сокровищ. И фрау Лотта и

жена Рапухина одевались дорого, и, казалось, владели множеством драгоценностей. Я сдружилась с ними, насколько это было возможно, но кроме мелкого мошенничества с продовольствием для солдат, я не могла найти никаких непорядков в ведении дел.

Однако было примечательно то, что, когда однажды Вильгельм Пик действительно посетил город, образ жизни его руководящих граждан внезапно изменился. Президент, как было известно, был человеком простых вкусов, и пока он был в Хетштедте в домашних хозяйствах Рапухина и Фогта тоже воцарились простые вкусы. Ни одна из жен не носила мехов или драгоценностей.

В конце фрау Лотта выдала секрет игры. Я обедала с ними, и она говорила о визите, который она нанесла тем днем в дом местного доктора, для частной консультации. Было невозможно сменить тему; она весь вечер рассказывала о том, какие красивые старинные вещи она видела у доктора, какие прекрасные картины и ковры.

- Настоящая роскошь везде, где ни посмотришь. А ты знаешь, Ганс, что у его жены есть настоящая норка?

- Нет.

Фрау Лотта казалась возбужденной. Я заметила, что она пила слишком много. Теперь она подошла и села на колени мужа.

- Послушай, Ганс, разве доктор Келлер не был нацистом?

- Нет, дорогая, если бы был, то я бы об этом знал.

- А нет еще чего-то, что можно было бы «повесить» на него?

Товарищ Фогт тревожно поглядел на меня. – Я действительно не знаю, что ты хочешь сказать, моя дорогая.

- О, брось, ты не должен беспокоиться из-за Елены, она же наша подруга. Разве не так, милочка? И разве ты не хотела бы получить что-то хорошее для самой себя?

Не было даже никакой потребности лгать. – Ах, да, – ответила я нетерпеливо, – я все бы отдала за шанс вроде этого!

Фогт хихикал. – В этом случае, мы должны будем что-то подстроить для Келлера, даже если только ради Елены.

Он и его жена обсуждали проблему с полным равнодушием. Они решили дождаться, пока какую-то женщину не доставят в больницу с выкидышем, и затем намекнуть, что это мог быть незаконный аборт.

- Комендант обвинит его в том же – отдельно от нас, конечно. Тогда доктор исчезнет, вы увидите.

- Но если он просто убежит, как можно будет заставить его заплатить?

- А это и не понадобится. Он просто бросит все здесь, не так ли?

Меньше чем неделю спустя Рапухин позвонил мне поздно вечером и сказал мне, чтобы я присутствовала при обыске дома. Владелец, доктор Келлер, незаконно сбежал из республики.

- Но домашние обыски не входят в круг моих обязанностей.

- Я обещаю вам, что вы сочтете это полезным. Через десять минут я заберу вас.

Это дало мне время, чтобы позвонить Мише. В доме Фогтов уже упаковывали вещи в чемоданы. Но фрау Лотта была в смятении.

- Я нигде не могу найти шубу из норки! Она, должно быть, взяла ее с собой.

Ну, вот и хорошо, подумала я.

Мы все еще были там, когда лимузин «ЗИМ» привез Мишу и трех других офицеров КГБ, и моя работа была закончена.

*

Моя мать была совершенно озадачена.

- Что же, скажи на милость, привело этого генерала сюда глубокой ночью?

Я передала ей суть истории, но это не произвело на нее сильного впечатления.

- Это вовсе не новость. Герр Болле устраивал такие дела в Гюстене на протяжении многих лет.

- Мама! Значит, ты знала об этом?

- Его жена рассказывала мне.

- Как она могла? Это же ужасно!

- О, ладно, он неверен ей, знаешь, и она очень несчастна.

- Кто же его любовница?

- Послушай, я ничего не знаю о политике, и я не хочу иметь к этому никакого отношения. Спроси лучше у нее самой.

Фрау Болле сама жаждала говорить, и у меня скоро была вся информация, в которой я нуждалась. Я проверила ее заявления и подготовила досье, и затем я вручила его Мише.

- Это тот самый человек, который отправил меня в Сибирь.

- Правильно! Сколько времени ты провела в тюрьме сначала?

Я сказала ему.

- Я постараюсь, чтобы с ним случилось точно то же самое. И каким был твой приговор?

- Десять лет.

Я все еще дрожала, когда вспоминала об этом. Миша потирал руки.

- Прекрасно. Герр Болле получит, по меньшей мере, столько же за все эти его дела.

*

В конце мая 1955 года наше учреждение переехало в «Маленькую Москву», или Карлсхорст, запретный для посторонних район на окраине Берлина, где должен был быть размещен весь советский персонал, работающий в Берлине. Эту территорию ограждал десятифутовый забор из колючей проволоки, и ее охраняли часовые, но это было единственным, что делало это место похожим на лагерь военнопленных. Внутри мы наслаждались всеми видами западной роскоши – там были магазины и рестораны, парикмахеры, теннисные корты, кинотеатры, открытый бассейн и театр. У меня был свой восхитительный дом и сад, и мать и Алик жили со мной. Пожилой немецкий пенсионер ухаживал за садом; русская горничная по имени Женя заботилась о доме. Жизнь была действительно очень приятна, кроме несчастных писем, которые я продолжала получать от Андрея. Это было правдой, я обещала ему, что вернусь в мае; но когда я напомнила Мише, что мои шесть месяцев командировки закончились, он только засмеялся.

- И ты действительно думаешь, что мы отправим тебя назад, когда ты так успешно работаешь, и когда ты только что научилась ориентироваться здесь?

Так или иначе, если честно, неужели ты хотела бы сменить Карлсхорст на Казань?

Ответ на этот вопрос никак не мог успокоить мою совесть. Но даже в нашем уединенном зеленом пригороде дела обстояли не всегда так, какими они казались.

Мой садовник и я выработали маленький ритуал. Каждый день прежде, чем я уходила на работу, он подходил к парадной двери и дарил мне букет, всегда со словами: – Доброе утро, госпожа, я сорвал для вас парочку цветов.

В свою очередь я давала ему пачку западных сигарет или горсточку кофейных зерен. Однажды меня вызвали в кабинет Миши. Он стоял возле стола с букетом тюльпанов в руке.

- Доброе утро, госпожа, я сорвал для вас парочку цветов.

Его широкая ухмылка говорила мне, что это была своего рода шутка, но в течение нескольких секунд я была полностью сбита с толку.

- О чем ты говоришь?

- Ну, если этот дряхлый старикашка приносит тебе цветы каждое утро, я не вижу причин, почему бы мне иногда не делать этого.

- Да, но как ты узнал? За мной следят?

- Не официально. Но за последним квартиросъемщиком в этом доме действительно следили, и мы забыли отсоединить подслушивающее устройство до твоего переезда. Так что каждый раз, когда кто-то ступает на коврик у двери, магнитофон начинает работать. Начальник группы наблюдения вчера прислал мне ленту с записью.

Я сорвалась в истеричный плач. С тех пор, как я нашла микрофон в московской квартире, у меня была аллергия на подслушивающие устройства.

- Но, Миша, как ты мог шутить об этом? Разве ты не помнишь, как испугались мы тогда?

- Конечно, но это было во времена Сталина, и я был только майором.

- А теперь Сталин мертв, и ты генерал, но подслушивание все еще продолжается!

- Я все еще говорю тебе – это была ошибка.

Прошло еще долгое время прежде, чем я успокоилась.

В другой день я обнаружил, что кто-то рылся в моем платяном шкафу. Женя, дружелюбная русская горничная, была единственной возможной подозреваемой, и я обвинила ее в этом. Она сначала все отрицала, но в конце признала, что она взглянула, просто из любопытства.

- И что ты оттуда взяла?

- Ничего, товарищ капитан!

- Ты уверена? Но я в любом случае должна доложить об этом.

Как только я сняла телефонную трубку, Женя положила руку на мою, и прижала трубку назад к вилке. Вся ее манера и внешний вид слегка изменились; она больше не была похожа на горничную.

- Один момент, товарищ. Возможно, мне было бы лучше сказать вам правду.

- Я думаю, это очень хорошая идея.

Женя пошла в свою спальню и вернулась с красным удостоверением КГБ. Внутри была ее фотография в форме, и имя: лейтенант Женя Маркиева, пятый отдел.

Я вернула ей удостоверение с жесткой улыбкой.

- И кто дал вам приказ шпионить в моем доме?

- Я боюсь, что больше ничего не могу сказать вам, капитан.

Улыбка Миши тоже была скорее напряженной, когда я сказала ему об этом. – Пятый отдел, это гражданская разведка, генерал Овчинников. Конечно! Это же он и порекомендовал эту девушку мне!

- Ради бога, Миша, с меня уже хватит, я уезжаю!

– Не будь дурой. Да и как ты можешь? Так или иначе, все это не настолько ужасно. Тебе придется обойтись без горничной, но с тобой твоя мать, вы со всем справитесь.

Он обнял мои плечи. – И теперь я хотел бы поговорить с тобой о следующем задании. Это задание очень важное. Каким-то путем мы должны завербовать больше американцев в Западной Германии, чтобы они работали на нас.

ГЛАВА 21

Самый юный агент

Я была прикомандирована к торговому представительству в советском посольстве на Унтер-ден-Линден. Я носила погоны офицера инженерных войск; но моя реальная работа состояла в том, чтобы привлечь любых американцев, которые оказывались на моем пути, и, если возникал шанс, сделать так, чтобы меня саму завербовали как западного агента.

Первая возможность возникла во время государственного визита Хрущева и Булганина в июле. После речей и церемоний в посольстве состоялся прием, который посетили высокопоставленные офицеры оккупационных властей каждого сектора города.

Миша тщательно проинструктировал меня. Он просил меня сыграть в намного более опасную игру, чем я когда-то играла прежде. Слишком дружественная манера пробудила бы подозрение; я должна быть немного надменной, но все же поддающейся,

- Решение за тобой, Леночка. В одном ты можешь быть уверена – они сами побегут к тебе. Тебе и пальцем пошевелить не придется!

Он был совершенно прав. Американский подполковник подошел ко мне в буфете и начал накладывать вкусности на мое блюдо. В течение пяти минут он предложил показать мне достопримечательности Западного Берлина. Это было все слишком быстро для меня; я потеряла самообладание и сбежала в дамскую комнату.

Миша наблюдал за всем этим столкновением, но он вовсе не был так сердит, как я боялась.

- К этому действительно нужно немного привыкнуть, я знаю. У них нет никакого изящества. Но все равно. Ты теперь знаешь, чего нужно ожидать. Поезжай на Лейпцигскую ярмарку.

На ярмарке я была настолько очарована стендами в выставочных залах, что почти забыла, почему я была там. Какая-то русская женщина у меня за спиной пристально глядела на выставленные там шубы.

- Боже, – бормотала она, – если бы только я могла позволить себе такую шубу из меха оцелота, как эта!

Я думала почти о том же; мы разговорились и пошли дальше по выставке вместе. Мы снова остановились у стенда швейцарских часов, и пока мы восхищались ими, мужской голос позади нас заговорил.

- Извините меня, дамы, я не мог не подслушать вашу беседу. Возможно, я могу быть полезным?

Я обернулась и посмотрела на него внимательно. На нем была дорогая одежда в западном стиле, все же его русский язык был безупречен. Вероятно, он был успешным эмигрантом. Они, как учили нас в Академии, были особенно интересны КГБ. Женщина, с которой я разговаривала, очевидно, подумала, что мужчина хочет просто «подцепить» нас, и исчезла в толпе.

- Я обидел вашу подругу? Я этого совсем не хотел. Я действительно могу достать для вас швейцарские часы, если вы захотите.

- Мне хотелось бы, но я могу заплатить только в восточногерманских марках.

- Не волнуйтесь об оплате! Я буду очень рад оказать любезность кому-то с моей бывшей родины.

Теперь мы кое-чего достигли! Не всякий предложит бесплатно швейцарские часы прекрасной незнакомке.

- Подумайте об этом, – продолжил он. – Вот мой номер телефона; я буду там до завершения ярмарки. Только спросите Юрку.

Я позвонила Мише и спросила, что мне делать.

- Позвони ему, конечно. Соглашайся на любое его предложение. Ты – учительница в русской школе в Карлсхорсте; ты не очень обеспечена; ты без ума от западных предметов роскоши, и ты действительно видишь некоторые недостатки в советской системе. Хорошо? Держи меня в курсе.

Юрка подарил мне красивые часы и отказался от восточногерманских марок, которые я предложила ему.

- Возможно, вы когда-то окажете мне какую-то ответную услугу.

- Я могла бы достать для вас кое-какие русские книги, – предложила я нетерпеливо.

- Ну, да, прекрасно. Я уверен, что мы как-то договоримся. Кстати, у меня есть друг в Берлине, который торгует мехами. Что бы вы сказали о шубе из оцелота вроде той, которой вы так восхищались на днях?

- О, но это было бы...

- Я же сказал вам, вы должны будете лишь иногда оказывать мне маленькие услуги. Дайте мне ваш берлинский номер телефона.

*

Он позвонил неделю спустя. Он говорил со своим другом о шубе. Для меня в театральной кассе определенного театра был отложен билет на определенный спектакль. Он надеялся встретиться со мной тогда,

- Хорошо! – сказал Миша. – Я тоже там буду. Как раз пришло время, чтобы я узнал, кто он и как он выглядит.

Мое место было между молодой девушкой и очень старым человеком. Миша и его помощник майор Орлов сидели через четыре ряда позади меня и выглядели скучающими и разочарованными. (В оригинале не Орлов, а Арлов/Arlov – прим. перев.)

Когда я встала, чтобы уйти после спектакля, девушка прошептала:

- Юрка передает вам привет; сегодня вечером он не смог прийти сюда сам. Он хочет, чтобы вы пришли и позволили снять с вас мерку. Я могла бы забрать вас. Следующая суббота вам подходит?

Мы быстро договорились о времени и месте, и затем она убежала.

- Они действительно осторожны, – ворчал Миша, – но все равно нужно пойти. Орлов будет следить за тобой.

В субботу днем девушка, которую звали Ирмгард, повела меня в зоопарк. Юрка там смотрел на львов. Мы болтали некоторое время, а затем он взглянул на часы и сказал:

- Давайте пойдем и попьем чай с моим другом, графиней Островой. Она интересная женщина; я думаю, что вам понравится общаться с ней. И я хочу увидеть ее из-за нескольких шкурок оцелота, которые она хранит для меня.

Когда мы садились в такси, я увидел, что Орлов срочно сел в следующее такси, чтобы не потерять нас из виду.

Графиня жила в Шпандау. Она была маленькой изящной женщиной около пятидесяти лет, и ее квартира была полна сокровищ времен старого режима. На стене даже висел портрет царя Николая II. Мы пили чай из серебряного самовара и беседовали о России, о ее прошлом и настоящем. Я рискнула осторожно покритиковать коммунистическую систему и увидела, что мои хозяева обменялись удовлетворенными взглядами. Затем Юрка вытащил шкурку оцелота и измерил меня для шубы, и беседа перешла к одежде и модам. Это был очень приятный день – но я ушла без малейшего представления о том, что я, как предполагалось, должна буду делать для них.

Я не узнала об этом до четвертого посещения, когда шуба была готова. Я еще раз предложила заплатить за нее, в рассрочку, восточногерманскими марками.

- Не нужно, – твердо сказал Юрка, – шуба ваша. Мы будем благодарны, если бы вы по почте отправите несколько писем для нас. Дипломатической почтой, я имею в виду, чтобы избежать цензуры.

- Конечно, я смогу; я знаю, как устроить это. Но неужели это действительно все, за такую красивую шубу?

Когда Юрка вопросительным взглядом посмотрел на графиню, я спросила себя, не переборщила ли я с моей наигранной наивностью. Очевидно, нет, так как он продолжил:

- Елена Кирилловна, мы знаем вас теперь достаточно хорошо, и я думаю, что мы можем раскрыть свои карты. Мы члены НТС – Народно-трудового союза, который стремится освободить русский народ от коммунистического правления. Будет еще больше писем, которые вы сможете время от времени отправлять; для нас абсолютно бесценна возможность передавать без цензурной проверки материал нашим агентам в Москве. Теперь вы понимаете?

Единственная вещь, которую я не понимала, состояла в том, как НТС мог позволить себе быть настолько щедрым; большинство этих подпольных диссидентских групп были бедны как церковные мыши. Но позже я встретила другого из посетителей графини, господина фон Грау, богатого американца, который без какой-либо стеснительности говорил о деньгах. Он разговаривал на хорошем русском языке, носил немецкую фамилию, и был в целом загадочной фигурой. Однако я скоро узнала, что это его американские доллары финансировали общество.

Я сообщила об этом Мише в Карлсхорст.

- А, Народно-трудовой союз! – сказал он. – Знаю я о них. Это кучка фашистов, идеалистов и дураков. Они относятся к компетенции Овчинникова.

Это не имело никакого значения. Я должна была продолжить работать на них и приезжать в Западный Берлин, чтобы получать их письма. Эти письма вскрывались и фотокопировались в Карлсхорсте, а затем отправлялись адресатам. Содержание писем казалось совершенно безобидным, и экспертам Овчинникова так никогда и не удалось взломать шифр. Но имена адресатов были тщательно записаны, и генерал был удовлетворен тем, что, в конечном счете, со временем сможет поймать их всех.

В те дни, естественно, еще не было никакой Берлинской стены, и было сравнительно легко попасть из одного сектора в другой. Но в моей роли школьной

учительницы я, как предполагалось, не понимала ни слова по-немецки, и девушка Ирмгард всегда приезжала, чтобы забрать меня и говорить за меня на контрольно-пропускных пунктах. Мы с нею стали почти друзьями, и я глубоко возненавидела роль, которую я играла.

*

Миша презрительно относился к НТС и гораздо более интересовался ЦРУ. Я должна была присутствовать на каждом официальном приеме, где можно было ожидать американских гостей.

- Почти все парни, которые пожимают нам руки и так сердечно похлопывают по плечу, работают в ЦРУ, – утверждал он.

- Так же, как любой русский, который мило разговаривает с американцем, служит в КГБ.

- Ну, да, – засмеялся Миша, – такие вот дела, как сказали бы наши друзья.

- Это же идиотизм! Они гоняются за нашими агенты, а мы – за их агентами. Если бы обе стороны договорились прекратить это, то мы могли бы сэкономить кучу времени и денег.

- Если не обращать внимания на женскую логику, то ты хорошая девочка. Так что просто делай то, что тебе говорят!

Как обычно, у меня не было никакого выбора. Мое следующее случайное знакомство было результатом счастливого случая. Ленинградский симфонический оркестр приехал на гастроли в Западный Берлин. Это было что-то вроде культурного мероприятия; все были там, и я, по службе, конечно, была там в сопровождении майора Орлова и полковника Шалатова. Во время антракта я споткнулась на лестнице, и у меня отлетел каблук. Я сидела на подоконнике, потирая вывихнутую лодыжку, в то время как мои сопровождающие пошли, чтобы попытаться одолжить для меня какую-то обувь. И уже очень скоро ко мне подошел высокий мужчина с короткой стрижкой и в дорогой одежде и спросил меня по-русски, сможет ли он чем-то мне помочь. Это могло бы быть интересно; я решила попробовать немного лести.

- Спасибо, товарищ, но я действительно не думаю, что вы можете что-то сделать.

- Товарищ? Я не русский, знаете ли; я американец.

- Не могу поверить! Я никогда не догадалась бы; ваш русский язык безупречен!

Он посмотрел на туфлю без каблука в моей руке.

- Это можно легко починить. Здесь недалеко есть срочный ремонт обуви, как раз для таких случаев. Я пошлю кого-нибудь туда, и через десять минут туфля будет как новая.

Я никогда не слышала о таких мастерских, где обувь могут быстро починить в присутствии клиента. Это было недавнее американское изобретение. Так что мое изумление и благодарность были вполне искренними. Он ушел с туфлей и вернулся в мгновение ока; очевидно, его положение было достаточно высоким, если он так легко мог отправить посыльного прямо в середине концерта.

- До окончания антракта осталось уже недолго.

Он помог мне подняться. – Давайте подождем в баре.

В этот момент вернулся Орлов. Увидев нас вместе, он решительно прошел прямо наверх по лестнице.

Американец представился как господин Ментор. Уже через несколько минут он предложил показать мне Западный Берлин.

- О, это было бы захватывающим! Но я никогда не получила бы разрешение поехать с вами.

- Почему нет? Потому что я из Штатов? Мы же, как предполагается, являемся вашими союзниками, вы знаете.

- Ну, вы могли бы быть шпионом или кем-то вроде этого.

Господин Ментор громко рассмеялся. – Скажите, юная дама – я похож на шпиона?

Я доверчиво посмотрела ему прямо в глаза. – Откуда же мне знать? Я никогда не видела шпионов.

Он почти согнулся от смеха. – Ну, все равно, даже если бы я и был шпионом, какие государственные тайны вы могли бы выдать мне?

- Ну, на самом деле никаких.

Я с головы до пят была лишь беспомощной маленькой женщиной.

- Но мой муж – специалист по ракетам. Я имею в виду, это же, как предполагается, является довольно секретным делом, не так ли?

Смех мгновенно прекратился, как будто я выключила его. Затем он опомнился и добавил возбужденное хихиканье.

- Я и не представлял себе, что вы замужем. Это, конечно, жаль, но зато я поздравляю вас с таким выдающимся мужем. Ракеты – это очень далекая от меня тема, и если бы вы заговорили о них, то я не понял бы ни единого слова. Сам я просто врач.

Если ты врач, подумала я, тогда я – президент Соединенных Штатов.

Прозвонил звонок, извещающий о конце антракта, и бар быстро опустел. Но все еще не было никакого следа моей туфли.

- Давайте останемся и выпьем еще по одной, – сказал господин Ментор. – Вы же не сможете ходить тут без обуви, в одних чулках.

Он заказал виски с содовой и льдом. Я подумала, что по вкусу это было похоже на лекарство.

Теперь молодой человек принес мою туфлю, все еще непочиненную, и новую пару, которая отлично подошла мне. Господин Ментор объяснил, что мастерская срочного ремонта была закрыта, и попросил, чтобы я приняла эту новую пару.

- Я даже не знаю, как отблагодарить вас!

- Тогда позвольте мне сказать это вам.

Все, что я должна был сделать, это согласиться на свидание с ним – в субботу после полудня в зоопарке.

*

- Они что, не могут даже придумать какое-то другое место? – вздыхал Миша, когда я доложила ему об этом. – В зоопарке можно найти агентов всех секретных служб мира. Любое дерево там – это тайник. Ну, желаю хорошо провести время, Леночка. За тобой будут все время следить.

Я прогуливалась по зоопарку с господином Ментором, полностью расслабленная, почти наслаждаясь этой игрой в кошки-мышки, которую мы играли друг с другом, когда внезапно я увидела Алика. Он нацеливал игрушечный пистолет на клетку с обезьянами. Миша стоял за ним, делая вид, что фотографирует мальчика, но на самом деле, как я хорошо знала, он снимал меня и моего спутника. Тогда Алик повернулся и направил свое оружие на господина Ментора.

- Не делай этого, – сказал Миша, – ты никогда не должен стрелять в людей.

Алик покорно опустил пистолет. Миша усмехнулся мне, взял мальчика за руку и ушел. Я смотрела им вслед. Алик даже не показал, что узнал меня, тогда как обычно он тут же подбежал бы ко мне с радостным криком.

- В чем дело? – спросил господин Ментор, – вы выглядите довольно бледной. Вы напуганы вашими собственными соотечественниками?

Это была та реплика, которая мне только и была нужна. – Ну, да, думаю, что я их побаиваюсь. Знаете, я же на самом деле не должна была быть здесь.

- О, забудьте это! Всегда можно встретить много русских на этой стороне. Они приезжают закупаться в крупных универмагах. Тот парень, должно быть, купил здесь пистолет для своего малыша.

Того парня, размышляла я мрачно, кое-что ожидает, когда я вернусь домой!

Мы закончили обход зоопарка.

- Что вы собираетесь теперь делать? Вы должны только сказать.

- Может быть, пора посмотреть американское кино?

- Это близко! Он повел меня на фильм о Микки Маусе в кинотеатре у вокзала «Зоопарк».

(Станция «Zoo» городской железной дороги в Западном Берлине. – прим. перев.)

Алику этот фильм бы понравился.

- В следующий раз, когда вы приедете в Западный Берлин, – сказал господин Ментор, когда мы ждали моего поезда, – мы пойдем по магазинам.

Он вынул пакетик из своего кармана. – Это просто мелочь, на память вам об этом дне, который мы провели вместе.

Это была пара золотых сережек.

- О, но я не могу.

- По правде говоря, я настаиваю. Это доставило мне большое удовольствие.

Он засунул пакетик мне в руки, когда поезд подошел.

Дома в Карлсхорсте, Миша играл с Аликом.

- Мамочка, – закричал Алик, – ты видела, что я стрелял в плохого человека в зоопарке?

Я поцеловала его и отвела в комнату матери; затем я вернулась, чтобы разобраться с Мишей. Он показал мне фотографии.

- Для наших уголовных досье!

- В следующий раз, когда ты сделаешь это, – сказала я, – я представлю вас друг другу. «Это мой начальник, генерал Черников из седьмого отдела КГБ. Я уверена, что вам хотелось бы познакомиться с ним». Я обещаю тебе, что я именно так и сделаю!

Миша поднял руки. – Хорошо, я больше не буду. Но разве это не была хорошая идея? И разве Алик не вел себя как настоящий маленький разведчик КГБ?

- Как ты это сделал?

- Я только сказал ему, что, если плохой человек подумает, что мы знаем тебя, то он уведет тебя.

Именно это ловкое и артистически мастерское поведение Алика расстроило меня так же сильно, как все остальное.

ГЛАВА 22

Двойная игра

Так же, как Ирмгард сопровождала меня на встречи с Юркой и графиней и обратно, так и молодой человек по имени Альфред сопровождал меня через контрольно-пропускной пункт к господину Ментору. Неделю спустя он забрал меня для похода по магазинам. Я была оснащена мини-камерой в крышке моей косметички, и магнитофоном, вшитым в плечико моего жакета. Господин Ментор взял с собой друга, которого он представил мне как господина Смита. Я не думаю, что он узнал меня, но я сразу узнала его как того самого подполковника, от которого я сбежала во время приема в честь Хрущева. Первой вещью, что я сделала, когда мы встретились у церкви Гедехтнискирхе, было припудрить мой нос.

(Гедехтнискирхе, или мемориальная церковь императора Вильгельма, находится на площади Брайтшайдплац, откуда начинается Курфюрстендамм, самая роскошная улица Западного Берлина. – прим. перев.)

Всю остальную часть дня у меня не было никакой потребности играть какую-то роль. Поход по магазинам был реальным удовольствием, и когда я потратила все свои собственные средства, мне в руку засунули еще деньги. Альфред спешил позади нас с пакетами в руках.

В конце всего этого господин Ментор пригласил меня домой на обед.

- Моя жена очень хотела бы познакомиться с вами, – сказал он; и я предполагала, что она действительно этого хотела. Женщина, которая приветствовала нас, была такой же его женой, как я часто была женой Миши. Когда мы сели за обед, я включила свой магнитофон в плечике и осмотрелась вокруг в поисках подслушивающих устройств в комнате. Не было ничего заметного, поэтому я опустила свою сумку на пол. Нагнувшись, чтобы поднять ее, я нашла микрофон, довольно неаккуратно прикрепленный клейкой лентой к нижней стороне столешницы.

Я не знаю, что боссы ЦРУ думали о своей ленте с записью, но моей записью Миша был очень доволен.

- Я думаю, что ты скоро получишь какое-то предложение. Продолжай!

В конечном счете, как оказалось, предложение сделал господин Смит. На нашей следующей встрече он дал мне огромную бутылку французских духов и отверг мои протесты.

- Возможно, когда-нибудь вы сможете оказать мне какую-нибудь небольшую услугу.

Он сказал мне, что его хобби была военная история. Любой документ русских военных представлял для него интерес, но его самым большим желанием было увидеть экземпляр стрелкового устава.

- Я предполагаю, что вы даже не знаете, что это такое, – добавил он с улыбкой.

На самом деле я знала. Это был список всего оружия, которое в данный момент состояло на вооружении советских вооруженных сил, совершенно секретный документ.

- Мне он нужен всего на полчаса, и затем вы сможете забрать это. За это вы получите три тысячи долларов.

*

- Три тысячи долларов, – размышлял Миша. – Это вполне приемлемая цена. Вот он.

Он открыл свой сейф и вынул маленькую красную книгу. – Он не настоящий, но они этого никогда не узнают.

Господин Смит был действительно удивлен, когда я вытащила книгу из своей сумочки.

- Ну, ого... Вы умная девочка!

Он исчез с ним в соседнюю комнату, и когда он вернулся, он отсчитал тридцать стодолларовых банкнот.

- Там, откуда пришли эти деньги, их еще очень много. Вы можете с нами заработать себе много денег, юная дама!

Он игриво похлопал меня по спине, и я должна была резко повернуться, чтобы он этим не повредил мой магнитофон.

После этого я была постоянно в движении, перемещаясь из Восточного Берлина в Западный Берлин или с Альфредом, или с Ирмгард, работая одновременно с НТС и ЦРУ, всегда под наблюдением КГБ. Я приносила назад фотографии всех, кого я встречала, и ленты с записями каждой беседы. Это была напряженная, утомительная жизнь, но в определенной мере я наслаждалась всем этим. Мне нравилось ощущение важности, которое эта деятельность давала мне, и, по крайней мере, в том, что касалось американцев, мне нравилось и то, что я всегда на шаг опережала их. Это походило на игру, с которой я довольно хорошо справлялась – пока Ирмгард не была убита.

Это было весной 1956 года. Срок командировки Миши в Германии закончился, и он вернулся в Москву. Он сказал мне, что собирается просить о переводе на дипломатическую службу.

- И если мне это удастся, Леночка, то я хотел бы серьезно поговорить с тобой о нашем будущем.

Он уехал, оставив меня задаваться вопросом, что именно он подразумевал под этим.

Меня также оставили совсем одну, как я поняла, когда генерал Овчинников небрежно сказал:

- Интересно, кого НТС пошлет, чтобы встретить вас на сей раз.

- Что вы имеете в виду? Как всегда – Ирмгард.

- Больше нет – она мертва.

Он мог бы так же говорить о собаке своего соседа. Я твердо держала себя под контролем.

-Что произошло?

- Автомобиль выехал на тротуар и сбил ее. Она умерла мгновенно.

- Но откуда вы знаете об этом?

- Это наша работа – знать о таких вещах.

В тот же самый вечер Юрка позвонил и, используя код, который мы оговорили для сообщений, сказал мне, что мне придется перейти в Западный Берлин одной. Это не было трудно; к тому времени часовые на контрольно-пропускном пункте уже знали меня. Но когда я добралась до места встречи, Юрка тоже рассказал мне о несчастном случае в таком тоне, как если бы машина случайно переехала собаку. Автомобиль, по всей видимости, отъехал назад и затем просто умчался прочь.

- Но разве никто не заметил номер?

- Ах, да, несколько человек заметили. Но машина не была зарегистрирована в Берлине, или где-то еще, по правде говоря. Ну ладно, а теперь давайте продолжим встречу, да?

Я так никогда и не узнала, какая именно сторона была виновна в смерти Ирмгард, хотя это и не было важно. Но я внезапно увидела, очень ясно увидела, что точно я делала. Все это отнюдь не было джентльменской войной умов, которую ведут в аристократических гостиных и вокруг обеденных столов богатых американцев. Это была грязная и подлая вражда, которую мне даже не позволено было понимать. Далекая от того, чтобы играть главную роль, я была лишь пешкой, как Ирмгард, и рано или поздно я тоже стану лишней для одной или другой группы головорезов. Больше не было ни Абакумова, чтобы спасти меня, ни Судоплатова, чтобы дать мне еще один шанс, а Миша, этот откровенный карьерист, не будет долго оплакивать меня.

После шести лет в разведке я все еще не научилась скрывать свои чувства, и генерал Овчинников вскоре заметил, что я была недовольна. Его реакцией было приказать часовым не выпускать Алика из запретной зоны Карлсхорста. Когда я однажды утром узнала, что не могу взять мальчика с собой в город, я ворвалась в кабинет генерала.

- Это абсурд! Моя мать плохо себя чувствует, и я не могу оставлять Алика с нею все время.

- Я сожалею, что услышал это. Вы не должны быть обременены внутренними проблемами. Отошлите свою мать домой в Гюстен, а я найду няню для вас.

Несколько дней спустя Женя снова появилась в моем доме. Если бы я думала о возможности побега, то тактика генерала была столь же эффективна, как заковать меня в цепи.

Но после этого я действительно задумалась о возможности побега, все больше и больше. Однажды один коллега, который уезжал в отпуск, принес мне полный мешок официальных документов.

- Вы не могли бы отнести их к мусоросжигательной печке для меня, Елена Кирилловна? А то я опоздаю на свой поезд.

- Да, конечно. Оставьте мешок здесь. Я им займусь.

Мешок было полон секретных данных, включая последний стрелковый устав. Я вынула его, и несколько других документов наугад, прежде чем запечатать мешок и отнести его для сожжения. Оператор печки и я подписали документ об уничтожении документов.

Следующим вечером я положила все украденные документы в свой портфель и пошла, чтобы увидеть господина Смита. Он был удивлен моим незапланированным визитом, но когда я вытряхнула содержимое своего портфеля ему на стол, у него глаза на лоб полезли.

- Святой Моисей! Потребуется, по крайней мере, два часа, чтобы фотокопировать все это!

- Не беспокойтесь. Вы можете оставить их себе.

- Не потрудитесь ли вы объяснить?

- Не сейчас. Мне нужно возвращаться.

Я надеялась, что купила этим себе немного американской благосклонности.

*

Полковник Шалатов сменил Мишу на должности начальника седьмого отдела, и он хотел отметить свое пребывание на этом посту каким-то действительно впечатляющим успехом. Он решил, что я должна заманить этих двух сотрудников ЦРУ, Смита и Ментора, в Восточный Берлин, чтобы встретиться там с моим мужем, специалистом-ракетчиком. Сам Шалатов исполнял бы роль Андрея – пока он не будет готов арестовать их.

Американцы этим очень заинтересовались, но были осторожны.

- Разве вы не могли бы привести вашего мужа сюда, чтобы пообедать с нами? – сказал господин Ментор. – Я должен был спросить его прежде, но мы понятия не имели, что он вообще был в Берлине; вы же никогда не упоминали об этом.

- Нет. Боюсь, для него невозможно пересечь границу. У него слишком много совершенно секретной информации.

- Хорошо. Мы сделаем так, чтобы он заказал себе новый костюм – за наш счет, конечно. Один из наших людей на Востоке – портной, его имя Штрелле. Вот адрес. Ваш муж должен пойти туда в пять часов в следующую субботу, чтобы с него там сняли мерки.

Шалатов играл свою роль хорошо. У него и герра Штрелле была долгая дискуссия о костюме, в то время как помощник портного, под видом записи мерок, сфотографировал моего «мужа» со всех углов. Была согласована дата для первой примерки, и мы распрощались с невинными улыбками.

Когда Овчинников услышал, что готовится арест моих контактов из ЦРУ, он решил одновременно разгромить и НТС. Для них, конечно, я была школьной учительницей, и летние каникулы начались 15 июня.

- Вы уедете в Москву 16-го, – сказал генерал, – и вы должны взять все ваши вещи, поскольку очень маловероятно, что вы сможете вернуться. Если эти две операции завершатся успехом, то мы не сможем больше использовать вас в Берлине.

Я была поражена. Мне так долго ничего не говорили о разрешении мне вернуться в Россию, и теперь я даже не была уверена, что хочу ехать туда. Это означало бы снова увидеть Андрея и Мишу, и один или другой из них, вероятно, потребует от меня принять решение, а я не хотела этого делать. Но генерал сказал кое-что еще, так что мои личные проблемы должны были бы подождать.

- Навестите свои контакты в НТС как можно скорее и спросите, есть ли что-то, что вы можете взять в Москву для них. Они будут рады.

Они, разумеется, были рады! Юрка дал мне деньги, листовки и список адресов. Я была ошеломлена.

- Какой смысл отправлять листовки в Москву? Разве вы не знаете о наказаниях за их распространение?

Его глаза блестели от фанатизма. – Наши агенты – идеалисты; они готовы рискнуть. Большинство из них – студенты университета.

Я упаковала материал в свой багаж, задаваясь вопросом, как же избавиться от него.

Затем Шалатов послал меня к американцам, чтобы назначить свою решающую встречу со Смитом и Ментором. У них уже были отчет и фотографии от Штрелле, и они казались удовлетворенными тем, что это стоило того, чтобы они приехали на Восток. Дата и место были согласованы – 20 июня в лавке портного. К тому времени я с уверенностью должна была быть уже далеко, и мне нужно было придумать какое-то неотложное дело в Берлине, чтобы объяснить, почему мой муж не поехал со мной. Господин Смит хотел подготовиться к любой случайности.

- На всякий случай, если мы не сможем сделать это, могли бы вы передать вашему мужу вот этот фотоаппарат. У него мог бы быть шанс сделать несколько фотографий, пока он будет в отпуске.

Он рассказал мне, какие именно снимки они хотели, и вручил мне «Минокс». Я терпеливо слушала, пока он объяснял, как работает этот фотоаппарат, а затем положила его в сумку рядом с моим собственным.

Оказалось, что и для меня была работа, которую я могла бы делать в России для ЦРУ; их агент там должен был войти в контакт со мной. Смит дал мне запонку с выгравированной на ней лилией.

- Наш человек в Москве идентифицирует себя, показав вам другую точно такую же. Пожалуйста, выполняйте все инструкции, которые он даст вам.

В общем и целом, мой отпуск не очень-то должен был быть похож на отдых. Я попрощалась с американцами и поехала домой, чувствуя себя подавленной. Я должна была радоваться отъезду из Берлина, который внезапно стал таким опасным – но незнакомец с запонкой сделает и Москву такой же опасной.

Я также знала, что мне придется выбирать между Андреем и Мишей, и я не знала, кого или чего я хотела. Я устала; я плохо себя чувствовала от той жизни, которую я вела; я была возмущена тем способом, которым они использовали Алика, чтобы контролировать меня. Здесь в Берлине свободный мир был настолько близок; тем или иным путем Алик и я должны были попасть в него вместе, пока не стало слишком поздно.

ГЛАВА 23

Последняя поездка

Майор Орлов привез нас на вокзал в своем автомобиле. Он уезжал в отпуск в то же самое время, и я отлично знала, что это отнюдь не было совпадением. Он должен был путешествовать с нами, и за мной будут следить на протяжении всего пути. Я была вполне уверена также и в том, что, возвращусь ли я сама в Берлин или нет, но Алика оставят в Москве как заложника. Овчинников не доверял мне – и он был совершенно прав! Стремление убежать стало навязчивой идеей.

Экспресс на Москву уезжал в семь, но в соответствии с инструкциями мы были там на два часа раньше. Наши чемоданы подняли на багажные полки, и мы начали устраиваться в купе для долгого путешествия. Алик был возбужден; он снова ждал встречи со своим отцом. У него шатался молочный зуб, с которым он продолжал играть, и из-за этого его десна начала кровоточить. Я дала ему книжку с картинками, чтобы попытаться отвлечь его.

В четверть шестого Орлов встал.

- Я только выйду куплю что-нибудь почитать. Я быстро.

В противоположной стороне вокзала была лестница к метро. Каждые несколько минут проезжал поезд на Запад – к свободе. Почему бы мне с Аликом просто не побежать к этой лестнице и исчезнуть прежде, чем майор вернется. Я непринужденно встала и выглянула в окно. В одном конце нашего вагона был советский часовой, а в другом – восточногерманский полицейский. Орлов перестраховался.

Теперь он возвратился с газетами и несколькими пачками немецких сигарет.

- Забавная вещь, я только что видел Альфреда. Он стоит там возле буфета. Приехал, чтобы проводить вас, я предполагаю.

Мое сердце бешено колотилось. Возможно, Альфред что-то мог бы сделать, чтобы помочь нам. Мне нужно было поговорить с ним. Но я не хотела покидать поезд без Алика.

Маленький мальчик спокойно смотрел в свою книгу, а его палец все время был во рту. Орлов стоял в коридоре. Внезапно я поняла, что нужно делать.

- Продолжай, Алик! – прошептала я. – Если ты сможешь вырвать себе этот зуб, я куплю тебе подарок!

Он шатал и крутил зуб, и вскоре из-за этого десна начала сильно кровоточить. Скоро его рот и пальцы все были в крови. Я встала и крикнула Орлову: – Только посмотрите на этого ребенка! Мне придется отвезти его в отделение неотложной помощи.

- Не волнуйтесь, я пойду и найду санитара, – сказал Орлов.

- Нет – им надо будет обработать ранку антисептиком. Какая неприятность! Вы должны остаться и проследить за багажом.

Все еще ничего не подозревая, майор посмотрел на часы. – Без десяти шесть; у вас еще есть время, чтобы они осмотрели его.

Когда мы вышли из поезда, я еще немного размазала кровь по лицу Алика. Советский часовой остановил нас.

- Где тут отделение Красного Креста?

Он пожал плечами. – Откуда мне знать? Спросите полицейского.

Мне не приходилось имитировать волнение. Полицейский направил нас в дальний угол вокзала. Я взяла Алика за руку и попыталась поторопить его.

- Пойдем быстрее! Я куплю тебе кое-что хорошее!

Он хотел знать, что именно, прежде чем решил идти быстрее.

- О, что-нибудь. Ты сам сможешь выбрать то, что тебе нравится!

Я отчаянно искала Альфреда, курьера ЦРУ, который очень много раз переводил меня в Западный Берлин. Если бы только он сделал это еще один раз! Но его нигде не было видно. Какой-то советский солдат отдал мне честь. Господь всемогущий, я же была в форме! В таком виде я никогда не смогу попасть на Запад. Алик тащил меня за руку; он увидел киоск, где продавались конфеты, фрукты, надувные шарики – и резиновые плащи! Он хотел шарик, но я настаивала на том, чтобы купить плащи, по одному для каждого, и апельсин для него.

- Вот, здесь мы наденем эти пальто, и после этого мы будем выглядеть одинаково. Это же будет забавно! Хорошо?

Он не был уверен, но я чувствовала себя намного более безопасно, когда моя военная форма будет прикрыта. Я также поняла, что напрасно тратила время в поисках Альфреда. Лестница, ведущая в метро, была совсем близко, и я быстро побежала с Аликом вниз. На платформе он начал капризничать.

- Эй, а почему же ты не ешь свой апельсин?

Я очистила его и давала ему дольки, по одной. Мне показалось, что прошла целая вечность, прежде чем пришел поезд, и когда он пришел, он был переполненным. На границе полицейский начал проверять пассажиров.

- Ваше удостоверение личности, пожалуйста!

Я повернулась вокруг, испуганная, и мой локоть ударил Алика в лицо. Он начал кричать всерьез. Я возилась в своей сумке дрожащими руками, а Алик вопил рядом со мной. Полицейский посмотрел на его лицо, измазанное кровью, слезами и апельсиновым соком.

- Все в порядке, оставьте это, госпожа!

Поезд поехал дальше. Я не была уверена, как скоро я буду на достаточно безопасном удалении от контрольно-пропускных пунктов. Внезапно Алик прекратил кричать и показал крошечный красноватый предмет.

- Смотри, мамочка, мой зуб! Я вырвал его!

Я успокаивала его и заговорила с ним на немецком языке, и бедный ребенок выглядел совершенно изумленным.

В Шёнеберге я решила, что мы были уже в безопасности. Шел проливной дождь, когда мы вышли на улицу, и я не могла придумать, что делать дальше. Я тащила Алика за собой, мы шлепали по лужам, и через некоторое время мы дошли до католической церкви, куда люди как раз заходили на службу. Я последовала за ними внутрь; это был шанс выйти из-под дождя, обсохнуть и немного успокоиться, пусть даже и ничего более. Когда я встала на колени, чтобы молиться, слова, непрошенные, пришли ко мне на польском языке, языке, на котором я не говорила и не думала уже многие годы. Алик был очень терпелив, но когда служба закончилась, и все остальные расходились, он разрушил мой хрупкий мир.

- Когда мы увидим папу?

- Никогда, любимый, больше никогда!

Я внутренне надломилась и зарыдала без удержу.

- Есть ли что-нибудь, что я могу сделать, чтобы помочь вам?

Священник тихо подошел к нашей церковной скамье. Я не могла говорить.

- Ваш малыш насквозь промок. Разрешите пригласить вас обоих в дом священника.

Я следовала за ним как будто во сне. В его теплом кабинете он захотел помочь мне снять мой плащ. Я вцепилась в плащ, но священник уже успел увидеть, что под плащом я была в советской военной форме.

- Пожалуйста, я немка, я действительно немка! Вы должны поверить мне!

- Это не имеет значения, – улыбнулся он. – Если вам нужна помощь, то именно для этого я и здесь. И мне все равно, кто вы.

Он убрал наши плащи, с которых стекала вода, и приготовил чай, и скоро я уже рассказала ему все о нашем побеге.

- Если вы будете так добры, чтобы позвонить по этому номеру и сказать, что Елена Пушкова здесь, то мои друзья приедут и заберут нас.

Но были ли они моими друзьями? Впервые начиная с отъезда поезда, у меня внезапно возникли сомнения. Предположим, в конце концов, что они не помогут мне? Да и почему они должны мне помогать? Теперь от меня им уже не было никакой дальнейшей пользы. Кто был моими настоящими друзьями, и, если подумать, на какой сторона была я на самом деле? Я не знала. Все, в чем я могла быть уверена, было то, что я хотела жизни, для меня самой и для моего сына, жизни, в которой человека вообще не заставляют обязательно стать на ту или иную сторону, и где правда не была только чем-то еще, чего нужно было бояться.

Когда господин Ментор приехал в дом священника, он быстро посадил нас в свой автомобиль и, не говоря ни слова, поехал в штаб ЦРУ. Он попросил одну из женщин-сотрудниц заняться Аликом, а затем он привел меня к ним всем. В его голосе не было никакого дружелюбия, когда он попросил от меня объяснений.

- Меня зовут Хельга Ванненмахер, и я немка.

Наступил момент испуга. Подполковник Смит был первым, кто пришел в себя.

- Один тот факт, что вы говорите по-немецки, еще не доказывает того, что вы немка.

Я разложила на столе все мои различные удостоверения личности; они тоже ничего особо не доказывали, за исключением красной книжечки. Я показала им ее.

- Смотрите! Я не имею никакого отношения к торговому представительству; я капитан КГБ!

- С каких это пор у них служат немцы...?

- О, это слишком долгая история. Я когда-нибудь расскажу ее вам. Но самое важное сейчас – не идите на встречу с моим мужем. Он не мой муж, он мой начальник, и он планирует арестовать вас!

Теперь они действительно заинтересовались. Они наклонились над столом, хотя я могла видеть, что они все еще не вполне верили мне.

Отчаянно задаваясь вопросом, как же убедить их, я вспомнила кое-что еще.

- И господина фон Грау тоже нужно предупредить. Они собираются разгромить НТС.

- Что?! – воскликнул Смит. – Вы и с ними тоже работали?

Он повернулся к одному из своих служащих. – Приведите сюда Грау, немедленно!

Господин фон Грау остановился в дверях и уставился на меня в недоумении.

- Вы знаете эту женщину?

- Конечно, знаю, она наш лучший связной.

- Вы всегда говорили с нею на русском языке?

- Разумеется. Она не понимает по-немецки.

- В таком случае у меня есть новости для вас. Она немка!

- Но почему же вы не сказали нам? – спросил меня фон Грау, немного сердито.

- Потому что это еще не все, – ответил господин Ментор за меня. Он показал фон Грау мое удостоверение КГБ. – Если она говорит правду, то ваши люди в опасности. Они должны немедленно переместить свой штаб в другое место и затаиться на некоторое время.

Тогда он повернулся ко мне.

- Мисс Ванненмахер, вы вели себя с нами не очень хорошо, не так ли? Мы хотели бы получить доказательство вашей добросовестности прежде, чем мы продолжим заниматься вашими делами. Мы начали вести досье о вашем муже,

специалисте по ракетам, и в нем содержится несколько превосходных фотографий, сделанных в лавке герра Штрелле. Вы говорите, что этот человек – ваш начальник. Скажите же нам точно, кто он!

Я знала, что все зависело от моего ответа, и благодарила бога, что это был не Миша, которого меня просили предать.

- Это полковник Шалатов, начальник седьмого отдела КГБ.

- Спасибо, – сказал господин Ментор серьезно. – Я действительно ценю это. Мы позаботимся о вас и о вашем сыне.

Эпилог

Ночью 16 июня 1956 года самолет «Дакота» американских военно-воздушных сил взлетел под проливным дождем с аэродрома Темпельхоф. Алик крепко спал у меня на коленях; я плюхнулась на свое сиденье, физически и эмоционально измотанная; и четыре человека ЦРУ с нами были напряженными и молчаливыми. Через некоторое время подполковник Смит посмотрел на свои часы и нарушил тишину.

- Мы только что вошли в западногерманское воздушное пространство. Больше нам нечего бояться.

Он протянул мне сигарету и сам ее зажег.

- Куда мы направляемся?

- Не имеет значения. В безопасное место. Боюсь, мы должны будем еще об очень многом вас спросить. Но если вы говорите правду, то у вас может быть настоящая карьера с нами.

- Нет! Я отвечу на ваши вопросы, но я никогда, никогда не буду снова работать ни на одну секретную службу!

- Так ли это? – американец прищурил глаза за облачком дыма и бросил на меня любопытствующий взгляд. – Ну, мы посмотрим, не так ли? «Никогда» – это ведь неоднозначное слово, на любом языке.

Комментарий переводчика

Книга «Красная шпионка в ночи», изданная в Великобритании в 1977 году, значится как перевод с немецкого. Тем не менее, название немецкого оригинала книги в ней не указано. Скорее всего, этим оригиналом была книга Штефана Оливье «Geliebte Genossin. Die Lebensgeschichte der Helga Wannenmacher» («Любимый товарищ», или, точнее «Товарищ, которую любили», с подзаголовком «История жизни Хельги Ванненмахер»), опубликованная в Западной Германии в 1972 году. Штефан Оливье (Stephan Olivier) – это псевдоним немецкого писателя и журналиста Райнхарта Штальмана (Reinhart Stalmann, 1917-2002), писавшего также под несколькими другими псевдонимами, такими как Штальман-Оливье и Ганс Ульрих Хорстер, и работавшего в самых разных жанрах – от фантастики и романов о войне до книг по психологии. Автор утверждал, что книга была написана им на основе бесед с самой Хельгой Поль-Ванненмахер, проживавшей в 70-х годах во Франкфурте-на-Майне.

Обложка одного из изданий книги Штефана Оливье с портретом Хельги Ванненмахер в советской военной форме

«Красная шпионка в ночи» имеет подзаголовок «Правдивая история о шпионаже и соблазнении за Железным занавесом». Тем не менее, многие детали в этой книге вызывают серьезные сомнения в правдивости этой истории. Самая главная проблема состоит в том, что немка, да еще и приговоренная по политической статье, становится, если верить книге, не просто агентом советской разведки (это еще было бы возможно), но кадровым офицером госбезопасности, с офицерским званием, штатной должностью, правом ношения формы и

оружия, не только имеющей доступ к руководителям советской госбезопасности, но даже получающей право бывать на приемах, где присутствует сам Сталин. Больше того, в штаты госбезопасности она попала не каким-то обманным путем, наоборот, ей это прямо предложили чекистские генералы, а сама Хельга этого не хотела, и им пришлось буквально шантажировать ее тем, что ей придется отсидеть свой срок заключения до конца. Это совершенно невероятно.

Кроме того, вопросы вызывают детали ее обучения (милицейское училище, затем «военно-дипломатический факультет академии имени Дзержинского» – забавное совмещение двух совершенно разных учебных заведений – Артиллерийской академии имени Дзержинского и Военно-дипломатической академии, причем они обе не имели никакого отношения к госбезопасности), легкость ее общения с детьми Сталина и Берии, близость к Абакумову, Судоплатову, маршалу Варенцову, да и характер ее заданий – слишком сложных и опасных для молодой и неопытной женщины – как внутри СССР, так и за рубежом.

Наряду с рядом неточностей в именах, названиях и датах это могло бы побудить причислить эту книгу просто к романам. На это намекает и то, что автор книги постоянно описывает себя столь неотразимой, что в нее почти моментально влюбляются едва ли не все окружающие ее мужчины независимо от их возраста, национальности и служебного положения. Тем не менее, даже если книга – всего лишь роман, тогда все равно остаются вопросы, откуда тогда фрау Ванненмахер могла знать имена Абакумова, Судоплатова, Мирковского? Ведь в отличие от фигур вроде Сталина и Берии, они не были широко известны на Западе. (Впрочем, о них могли упоминать в своих мемуарах перебежчики, вроде Николая Хохлова. Так и о маршале Варенцове, тоже одном из персонажей книги, на Западе стало широко известно после «Записок Пеньковского».)

С другой стороны, описание лагерного быта кажется у автора достаточно достоверным. Да и нельзя полностью исключать возможность того, что Хельга Ванненмахер действительно какое-то время использовалась как агент, например, в роли т.н. «ласточки», для соблазнения и последующего шантажа интересующих советскую разведку иностранцев, а уже потом, оказавшись на Западе, приписала себе несуществующие заслуги и знакомства с видными советскими деятелями.

В завершение позволю себе привести цитату из книги англичанина Найджела Уэста, видного специалиста по истории разведки, под названием «Поддельные шпионы Холодной войны. Истории о шпионаже – подлинные или вымышленные?». В ней автор посвятил критическому разбору произведения Хельги Поль-Ванненмахер целую главу, которая заканчивается так:

«Хотя нет ни одного единственного эпизода, который прямо указывает на то, что «Red Spy at Night» является мошенничеством, одно уже такое накопление неправдоподобий делает эту историю чрезвычайно малоправдоподобной, начиная с брата Йосси, который дезертировал из Люфтваффе, но якобы не понес за это никакой ответственности, и заканчивая идеей, что Хельгу отправили во Францию, чтобы убить там двух человек, используя 'авторучки со смертельным зарядом'.

Со времени публикации «*Красной шпионки в ночи*» никто не осудил эту книгу как обман, но с другой стороны не было и никакого подтверждения ее подлинности внутри разведывательного сообщества. Автор не была признана настоящей перебежчицей из советской разведки, и ее имя не появилось в розыскных списках КГБ, опубликованных в журнале НТС «*Посев».* Но если она – обманщица, то откуда она получила свою информацию о некоторых из подлинных лиц, которых она упоминает, таких как Павел Судоплатов, Николай Шверник и Виктор Абакумов? Это загадка, которая все еще ждет своего решения».

Источник: Nigel West, «Cold War Counterfeit Spies: Tales of Espionage – Genuine or Bogus?», Frontline Books, 2016

Посетите Библиотеку Велесовой Слободы, где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также Архив сайта!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> Новости сайта Велесова Слобода.